

УДК 32:93:316
ISSN 2500-2988

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

4.2019

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.

**ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Электронная версия журнала:
www.mpgu.su

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

4.2019

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office: Mos-
cow, Russia, Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: www.mpgu.su

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жириков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher of the Ort Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – PhD in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow State Pedagogical University.

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of World History of the Institute of Human Sciences, Moscow City University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History, Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom.

Giuseppe Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Содержание

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Э.М. Егизарян

Синагога: время происхождения
религиозно-социального института 11

А.Ю. Можайский

Захват спартанцами Фив в 382 г. до н.э. 20

С.В. Гусарова

К вопросу о справедливости обвинения
византийского патриарха Николая Мистика
в участии в заговоре Андроника Дуки (X в.) 30

М.П. Айзенштат

«Отец Реформы» английский радикал
Джон Картрайт (1740–1824) 41

К.А. Белоусова

Революция в Ираке 1958 г.
и изменение ситуации
на Ближнем Востоке. 48

В.А. Виталь

Народный фронт Эстонии
в период перестройки в СССР
(1988–1991 гг.) 59

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Д. Сандомирская

Война Босин (1868–1869) в Японии
в освещении прессы Великобритании,
Франции и США 71

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.О. Беклямишев

Концептуализация понятия
«историческая аналогия»
в междисциплинарном проблемном поле 84

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

А.М. Матвеева

**Гибридные войны и цветные революции
в геополитике постмодерна 96**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.

ЭТНОПОЛИТИКА

А.Н. Горская

**Трансграничное сотрудничество
Псковской области и Республики Беларусь 112**

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

О. Мерлен, Т. Папазян

**Армянские бойцы-добровольцы
в Нагорно-Карабахском конфликте:
взгляд на нарративные траектории
в ситуации «ни войны, ни мира» 123**

Contents

GENERAL HISTORY

E.M. Egizaryan

Synagogue: The time of origin
of religious and social institute 11

A. Mozhajsky

The capture of Thebes by the Spartans
in 382 B.C. 20

S.V. Gusarova

To the issue of truth of the allegations
to the Byzantine Patriarch Nicholas the Mystic
in the conspiracy of Andronikos Doukas
(X century) 30

M.P. Ayzenshtat

“Father of Reform” English radical
John Cartwright (1740–1824). 41

K.A. Belousova

Iraq Revolution in 1958 and the Change
of Middle Eastern Situation. 48

V.A. Vital

The People’s Front of Estonia
during the period of “perestroika”
in the USSR (1988–1991). 59

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

O.D. Sandomirskaya

The Japanese *Boshin War* (1868–1869)
in British, French and American press 71

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODS OF POLITICAL SCIENCE

V.O. Beklyamishev

Conceptualization of the concept
of “historical analogy”
in an interdisciplinary problem field 84

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

A.M. Matveeva

Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism	96
--	----

POLITICAL REGIONAL STUDIES.

ETHNOPOLITICS

A.N. Gorskaya

Cross-border cooperation of the Pskov region and the Republic of Belarus	112
---	-----

CONFLICT MANAGEMENT

A. Merlin, T. Papazian

Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation	123
--	-----

Э.М. Егизарян

Заокский университет
Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня,
301000, п. Заокский, Тульская обл.,
Российская Федерация

Синагога: время происхождения религиозно-социального института

Статья посвящена выяснению вопроса о времени происхождения синагоги. Автор предпринимает попытку на основании Книги Неемии показать, что временем происхождения синагоги как института может быть после пленный период Израильского общества – период, в котором зарождается после пленный иудаизм и происходит формирование теократического общества. Ответить на поставленный вопрос помогает анализ существующей терминологии, связанной с синагогой, выявление первых упоминаний синагоги в источниках, освещение различных позиций по поводу происхождения синагоги в научной литературе, критическое осмысление всех предшествующих точек зрения.

Ключевые слова: синагога, после пленный период, иудеи, иудаизм, Ездра и Неемия, социально-религиозный институт, Таргум

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Егизарян Э.М. Синагога: время происхождения религиозно-социального института // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 11–19.

E.M. Egizaryan

Zaoksky University of the Seventh-day Adventist Church,
Zaoksky village, Tula region, 301000, Russian Federation

Synagogue: The time of origin of religious and social institute

The article is devoted to clarifying the issue of the time of origin of the synagogue. On the basis of the Book of Nehemiah the author makes an attempt to show that the time of the origin of the synagogue as an institution can be the post-exilic period of the Israel society – the period in which post-exilic Judaism originated and the formation of a theocratic society takes place. The analysis of existing terminology related to the synagogue helps to answer this question, identify the first references to the synagogue in the sources, highlight various positions about the origin of the synagogue in the scientific literature, and critically interpret all previous points of view.

Key words: synagogue, post-exilic period, Jews, Judaism, Ezra and Nehemiah, social and religious institute, Targum

CITATION: Egizaryan E.M. Synagogue: The time of origin of religious and social institute. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 11–19. (In Russ.)

Синагога – самый важный религиозно-социальный институт иудаизма и иудейского народа со времен разрушенного вавилонянами Храма Соломона. Именно синагога сыграла решающую роль в формировании после пленного иудейского общества и религии в целом. Несколько позже, уже в источниках I в. н.э., у Иосифа Флавия и в Новом Завете (в меньшей степени у Филона Александрийского), мы обнаруживаем синагогу в качестве уже распространенного, укоренившегося и развитого в еврейском социуме института – центра всей религиозной, социальной, образовательной, культурной и даже политической жизни. Важность изучения этого института продиктована хотя бы тем, что «древние синагоги – это институциональные матрицы, в которых родились две религии» [15, с. 1], иудаизм и христианство.

Обычно, когда идет речь о синагоге, в еврейской религиозной традиции используют несколько терминов. Во-первых, *бейт кнесет* (дом

собраний; Вавилонский Талмуд, Ктубот, 105а; Иерусалимский Талмуд, Мегилла, III, 1, 73г), во-вторых, *бейт тфила* (дом молитвы), и в-третьих, *бейт мидраш* (дом учения). Синагога же – термин греческого происхождения (*συναγωγή* – собрание), во времена Второго Храма относился как к группе людей, так и к зданию или учреждению [13, с. 251]. Уже в I в. н.э. синагога стала настолько важным институтом еврейской жизни, что Палестинский Талмуд говорит о 480 синагогах в Иерусалиме во времена Веспасиана [11, с. 12]. Американский историк Джон Уилкинсон предполагает, что к концу периода Второго Храма только в Иерусалиме насчитывалось 365 синагог [16, с. 76, 77]. Обе цифры являются сильно завышенными, тем не менее, сам по себе период Второго Храма является достаточно продолжительным, речь идет о периоде с 516 г. до н.э. по 70 г. н.э. Разумеется, здесь можно говорить об определенной динамике развития синагоги, и не только в Палестине, но и в диаспоре. Однако нашей задачей в данной статье будет попытка выяснить на основании источников VI–IV вв. до н.э., когда и как появилась синагога.

Известный специалист по Новому Завету Ховард Кларк Ки опубликовал ряд работ [10, с. 4], в которых утверждал, что все упоминания о синагоге в Новом Завете и у Иосифа Флавия являются анахронизмом. По его мнению, о зданиях синагог можно говорить только после разрушения Иерусалима в 70 г. н.э., поскольку они явились некой заменой Храма. Сегодня редко кто соглашается с подобными взглядами, поскольку свидетельство отдельных источников настолько очевидно, что подобная позиция становится гиперкритичной.

Вначале приведем несколько свидетельств Иосифа Флавия, из которых видно, что речь идет именно о зданиях синагог: «Иудеи в Кесарии имели синагогу на месте, принадлежавшем эллину этого города. Неоднократно они старались приобрести в собственность это место, предлагая за него сумму, далеко превышавшую настоящую стоимость...» [1, 2.14.4]. И далее: «На следующий день, выпавший на субботу, когда иудеи в полном сборе были в синагоге...» [Там же]. «Этот Антиох, по прозвищу Эпифан, при разрушении Иерусалима разграбил и храм, но его преемники возвратили антиохийским иудеям медную храмовую утварь, установили ее в их синагоге...» [1, 7.3.3]. «Так как некоторые из вас дошли в своей безрассудной дерзости до того, что... решились не послушаться его [предписания императора] и... осквернили синагогу иудеев постановкой статуи императора в зале их заседаний, вы поступили противозаконно не только относительно иудеев, но и относительно самой личности императора. Ведь постановка статуи последнего была бы гораздо уместнее в его собственном, лично ему посвященном храме, чем в чужом месте, тем более в синагоге» [2, 19.6.3].

Совершенно очевидно, что речь здесь идет именно о зданиях, однако эти тексты, по-видимому, не являются самым ранним, имеющимся в распоряжении науки, свидетельством о синагоге. Еще более ранним является текст, принадлежащий Филону Александрийскому (ок. 25 г. до н.э. – ок. 50 г. н.э.), который задолго до разрушения Иерусалима писал об эссеях: «В этом их наставляют и во все другие времена, но особенно в день седьмой. Потому что этот день отделен и освящен, так что в этот день они воздерживаются от любых трудов и собираются в священных местах [*hierous topous*], которые у них называются “синагогами” [*synagōgai*]. Тут, расположившись рядами по возрасту, младшие позади старших, они чинно сидят и прилежно слушают. Один из них берет книгу и читает собравшимся, а другой, особо опытный муж, объясняет им то, что непонятно» [3, с. 81–82].

И еще один важный текст, который необходимо привести здесь, – это надпись, найденная в ходе раскопок в Иерусалиме в 1913 г. Раймунд Вайль обнаружил каменную плиту с надписью, которую сегодня называют Надписью Феодота [4, с. 77]. Эта надпись также свидетельствует о существовании синагог до 70 г. н.э.: «Феодот, [сын] Веттена, священник и начальник синагоги, сын начальника синагоги [и] внук начальника синагоги, построил синагогу для чтения Закона и изучения заповедей, а также приют, спальни и водовод для нужд путников, пришедших издалека, (синагогу), которую основали его отцы со старейшинами и Симонидами» [Там же, с. 78].

Иными словами, доводы Ховарда Ки были полностью опровергнуты в последующих исследованиях. Существование зданий синагог до 70 г. н.э. сегодня признано и не вызывает сомнения. Однако нерешенным остается вопрос относительно происхождения самого института синагоги.

«Происхождение синагоги окутано тайной» [13, с. 251]. Поэтому неудивительно, что ученые выдвигают различные доводы в пользу того или иного взгляда. На сегодняшний день в науке сложилось несколько мнений в отношении времени и места возникновения института синагоги:

- 1) конец периода Первого Храма (VII в. до н.э.) в земле Израильской;
- 2) в Вавилонском плену, в диаспоре;
- 3) в Иерусалимском Храме с возвращением изгнанников из Вавилонского плена;
- 4) в III в. до н.э. в Египте;
- 5) вследствие хасмонейской революции в период Второго Храма [9, с. 34].

Первое предположение, в соответствии с которым синагога возникла в конце периода Первого Храма, т.е. в правление царя Иосии

(VII в. до н.э.) в Иудее, исходит из некоторых возможных намеков, которые усматривают в Псалме 73:8 («сожгли все места собраний Божиих на земле») и Книги Иеремии 39:8 («Дом царя и дома народа сожгли Халдеи огнем и стены Иерусалима разрушили») [8, с. 1–3]. Слабость этой позиции заключается в том, что исследователи используют такие термины и словосочетания по отношению к синагоге, которые стали использовать гораздо позже по отношению к этому институту.

Вторая позиция заключается в том, что синагога могла появиться в вавилонском плену, в диаспоре. Такая точка зрения, на наш взгляд, является более обоснованной, нежели первая. Подобное предположение, как правило, обосновывают текстом из Книги Иезекииля 11:16 [12, с. 180] («Поскольку Я удалил их к народам, и рассеял их по землям, то буду для них малым святилищем в тех землях, в которые пошли они»¹). В данном случае выражение «малое святилище» понимается как образование синагоги, развитие которой происходило уже после возвращения из плена. Кроме того, опять же в связи со служением пророка Иезекииля в вавилонском еврейском гетто, постоянный приход к нему старейшин народа, а также обращение пророка к народу непосредственно понимается как начало синагогальной службы (см. Иез 14:1; 17:2; 20:1 и др.) [14, с. 283].

Опять же, как бы ни была притягательна эта теория, даже учитывая, что у нее есть немало последователей, к сожалению, у нас нет никаких документальных свидетельств, ни эпиграфических, ни археологических данных, чтобы подтвердить существование синагоги как структуры или социального института в Вавилоне [13, с. 253].

Еще одно предположение о происхождении синагоги связывают с послевоенной репатриацией иудейского народа из Вавилонского изгнания. На основании раввинистической традиции ученые приходят к выводу, что синагога зародилась с чтения Торы и молитвы при Храме во времена Ездры и Неемии, а позже эти обычаи собраний были институционализированы и послужили основой для создания синагоги.

Четвертая точка зрения заключается в том, что синагога появилась в III в. до н.э. в Египте, в той диаспоре, которая возникла в качестве альтернативы вавилонскому пленению, вероятно, в первой половине VI в. до н.э. Предполагаемая дата, в данном случае, по-видимому ничем конкретно не оправдана. Ученые связывают с III в. до н.э. найденные в различных местах посвятельные надписи, в которых используется греческий термин *proseuche* в значении «Дом Молитвы» [7, с. 2]. Далее валлийский египтолог Дж. Гвин Гриффитс предполагает,

¹ Перевод мой. – Э.Е.

что «самые ранние синагоги возникают в Птолемейском Египте» [7, с. 14], «их целью является совместное поклонение и наставление» [Там же, с. 15]. Такие места для молитв занимали центральное положение в религиозной жизни египетской иудейской общины.

Наконец, приверженцы пятой точки зрения основывают свою позицию на эпиграфических свидетельствах и связывают происхождение синагоги с периодом Второго Храма. Этот тезис был развит американским историком-востоковедом Соломоном Цейтлином [17, с. 79, 80]. Его последователем стал Джозеф Гутман, который утверждал, что возникновение синагоги должно быть связано с хасмонейским восстанием и с фарисеями, которые разработали этот уникальный институт как светский дом для встреч. Подобные дома занимались социально-экономическими проблемами местных сообществ, кроме того, там читали и толковали Тору [8, с. 75].

На наш взгляд, наибольшую здравость суждений демонстрируют те ученые, которые полагают, что синагога появилась после возвращения из плена иудейского народа во времена Ездры и Неемии, т.е. в середине V в. до н.э.

На основании Книги Неемии мы видим, что в первый день седьмого месяца народ собрался на площади у Водяных ворот в Иерусалиме «и сказали книжнику Ездре, чтобы он принес книгу закона Моисеева, который заповедал ГОСПОДЬ Израилю. И принес священник Ездра закон пред собрание мужчин и женщин, и всех, которые могли понимать, в первый день седьмого месяца» (Неем 8:1–2). В седьмой месяц года евреи отмечали три важных праздника: праздник Труб, с которого начинался гражданский новый год (*Рош ха-Шана*), День Искупления (*Йом Киппур*) и праздник Кушей (*Суккот*). Поскольку в тексте упомянут первый день месяца, мы можем точно говорить, что в тот день они отмечали праздник Труб (Лев 23:23) и, соответственно, начало нового года. Важно отметить, что во время чтения Закона по обе стороны от Ездры находилось по шесть левитов, которые «поясняли народу закон» (Неем 8:7). Слово «поясняли» (евр. *mevinim*) означает то, что они переводили текст Закона на более понятный после пленному Израилю арамейский язык. Фактически учителей называли словом *mevinim*, поскольку они были «объясняющими». Преподавание Закона шло на еврейском языке, но необходимо было объяснение. Позже этих же людей стали называть уже арамейским словом *meturgeman*. Метургеман – слово, которое появляется в арамейском Таргуме Онкелоса [5, с. 169] в качестве эквивалента еврейскому *mevinim*. Служение метургемана – неотъемлемая часть служения в синагоге, поскольку он переводил текст на привычный евреям язык. Позже, однако неизвестно, когда именно, сложилась практика записи перевода

на арамейский язык, и такие переводы получили название Таргумы (по-видимому, происходит от евр. глагола *tirgem*, означающего также «переводить, интерпретировать», и встречается в Первой книге Ездры 4:7). Следует, однако, отметить, что в Мишне есть ссылка на известного средневекового раввина Маймонида, или Рамбама, который в своих Законах о молитве (12:10) объясняет: «Со времен Эзры повелось, чтобы там находился переводчик, который переводил бы народу то, что чтец читает в Торе, – чтобы все поняли смысл слов» [3, Мегилла, Мишна 4].

Еще один текст, на который следует обратить внимание, – Неем. 8:8 («И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное»). Прежде всего стоит обратить особое внимание на слово «внятно» (евр. *mephorash*), происходящего от глагола *parash* – делать отчетливым, делить на логические части. Вновь обратимся к Мишне, где дается разъяснение, как должно читать текст в синагоге во время богослужения: «И ПУСТЬ он НЕ ЧИТАЕТ ПЕРЕВОДЧИКУ БОЛЬШЕ ОДНОГО СТИХА. Читающий Тору должен делать паузу после каждого стиха, чтобы дать возможность переводчику огласить перевод, и лишь после этого он имеет право начать следующий стих. Чтец не должен читать два или три стиха подряд, так как переводя их без перерыва, “метургеман” может сделать ошибку – ведь он все говорит наизусть» [3, Мегилла, Мишна 4]. Очевидно, что *mephorash* в данном случае подразумевает чтение с перерывом для перевода, чтобы народ понимал прочитанное.

Кроме того, когда идет речь о слове *parash*, нужно помнить, что это слово во множественном числе звучит как *perushim*, или более привычно – фарисеи. Отсюда делается вывод, что одна из самых авторитетных религиозных групп, упоминающихся в корпусе Нового Завета, по-видимому, берет свое начало именно во времена Ездры и Неемии после возвращения из плена. Более того, эта религиозная группа складывается из практики чтения, перевода и толкования Торы и пророков в присутствии собрания людей. Заметим, что в Книге Неемии 8 выражение *kol haam* «весь народ» (и его производные), упоминается одиннадцать раз! Поскольку нашей задачей в данной статье не является исследование происхождения фарисеев, мы ограничимся лишь подобной, вскользь упомянутой взаимосвязью. Цейтлин пишет о том, что зародыш института синагоги заключен в этих собраниях. И кроме того, синагога как учреждение, Дом чтения Торы и молитв, возникла, когда фарисеи ввели ежедневную жертву в качестве общего приношения [17, с. 76, 77].

Следующее выражение «и присоединяли толкование» (евр. *vesom sehel*) также представляет интерес, поскольку может быть переведено

как «и добавляли пояснение» или делали прочитанное осмысленным, по сути дела, переводчики переводили текст на арамейский язык, о чем ранее уже шла речь.

Итак, можно подвести небольшой итог. В данной статье мы рассмотрели несколько существующих в современной исторической науке взглядов на время появления синагоги как религиозно-социального института иудаизма. Вместе с тем, позиция автора заключается в том, что, по-видимому, правы те ученые, которые полагают, что синагога появляется в середине V в. до н. э., во времена Ездры и Неемии. Представленные выше объяснения богослужебной практики после пленного периода в Неемии очень напоминают синагогальную практику, которая постепенно складывается с началом служения Ездры и Неемии в Иерусалиме, с чем соглашались и ученые-талмудисты. Альфред Эдершейм в оценке этого непростого периода отметил, что внимательный читатель книг Ездры и Неемии обнаружит в период после возвращения из Вавилона начало синагоги. Оно находится пока только в зачаточном состоянии, и главным образом для целей обучения тех, кто вернулся невежественным и полуязычником, тем не менее, это отправная точка [6, с. 231]. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться.

Библиографический список / References

1. Иосиф Флавий. Иудейская Война. М., 2011. [Josephus Flavius. Iudeyskaya voyna [The Jewish war]. Moscow, 2011.]
2. Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2 т. / Пер. с греч. Г. Генкеля. Ростов-н/Д., 1999. [Josephus Flavius. Iudeyskiye drevnosti [Antiquities of the Jews]. Rostov-on-Don, 1999.]
3. Мегила / Пер. на рус. Й. Векслера. Иерусалим, 1994. [Megila [Megillah]. Jerusalem, 1994. (In Russ.)]
4. Эванс К. Иисус и его мир: Новейшие открытия. М., 2015. [Evans C. Iisus i ego mir: Noveyshiyе otkrytiya [Jesus and his world. The archaeological evidence]. Moscow, 2015.]
5. Cook E.M. A Glossary of Targum Onkelos. Leiden, The Netherlands, 2008.
6. Edersheim A. Sketches of Jewish social life. Peabody, MA, 1994.
7. Griffiths J.G. Egypt and the Rise of the Synagogue. *Journal of Theological Studies*. 1987. No. 38. Pp. 1–15.
8. Gutmann J. Synagogue Origins: Theories and facts. *J. Gutmann. Synagogues. The state of research*. (Brown Judaic Studies 22). Chico, CA, 1981. Pp. 1–3.
9. Nachlili R. The origin of the synagogue: A re-assessment. *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period*. 1997. Vol. 28. No. 1. Pp. 34–47.
10. Kee H.C. The Transformation of the Synagogue After 70 C.E.: Its import for early christianity. *New Testament Studies*. 1990. No. 36. Pp. 1–24.

11. Kloner A. Ancient synagogues in Israel: An archaeological survey. *Ancient synagogues revealed*. L.I. Levine (ed.). Jerusalem, 1981. Pp. 11–19.
12. Matthews V.H. Manners and customs in the Bible. Peabody, MA, 1997.
13. Meyers E.M. Synagogue. *The Anchor Bible Dictionary*. In 6 vol. Vol. 6. Doubleday, NY, 1992. Pp. 251–260.
14. Moore G.F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. Vol. 1. Harvard University Press, 1927.
15. Runesson A., Binder D.D., Olsson B. The ancient synagogue from its origins to 200 C.E. A source book. Brill, Leiden, Boston, 2008.
16. Wilkinson J. Christian Pilgrims in Jerusalem during the Byzantine period. *Palestine Exploration Quarterly*. 1976. Vol. 108. Pp. 75–101.
17. Zeitlin S. The origin of the Synagogue: A study in the development of Jewish institutions. *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*. 1930–1931. Vol. 2. Pp. 69–81.

Статья поступила в редакцию 22.09.2019, принята к публикации 23.10.2019
The article was received on 22.09.2019, accepted for publication 23.10.2019

Сведения об авторе / About the author

Егизарян Эдуард Михайлович – заведующий кафедрой теологии, Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня, п. Заокский, Тульская обл.

Eduard M. Egizaryan – head at the Department of Theology, Zaoksky University of the Seventh-day Adventist Church, Zaoksky village, Tula region

E-mail: eegizaryan@yandex.ru

А.Ю. Можайский

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Захват спартамцами Фив в 382 г. до н.э.

В статье рассматриваются события 382 г. до н.э., когда после заключения Анталкидова мира спартамцы сумели захватить фиванский акрополь Кадмею и установить прямой контроль над Фивами. Обосновывается, что упомянутый в ряде источников союз между Спартой и Фивами после Анталкидова мира и до захвата Кадмеи действительно существовал. Однако в дальнейшем в Фивах усилилась антиспартамская партия и начались переговоры с Олинфом, после чего последовал захват спартамцами Кадмеи. В статье также разбираются вопросы, связанные с исторической топографией данного события.

Ключевые слова: Фивы, Кадмея, Фебид, Анталкидов мир, Олинф, Ксенофонт, Плутарх, Беотия, Исмений, Леонтиад

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Можайский А.Ю. Захват спартамцами Фив в 382 г. до н.э. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 20–29.

A. Mozhajsky

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The capture of Thebes by the Spartans in 382 B.C.

The article discusses the events of 382 B.C., when after the conclusion of the Peace of Antalcidas, the Spartans managed to capture Kadmeia, the Theban acropolis, and put Thebes under their direct control. The author believes that the alliance between

© Можайский А.Ю., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Sparta and Thebes mentioned in several literary sources really existed. However, later on the Thebes strengthened the anti-Spartan party and negotiations began with Olynthus, followed by the capture of the Kadmeia by the Spartans. The article also examines the issues related to the historical topography of this event.

Key words: Thebes, Kadmeia, Phoibidas, the Peace of Antalcidas, Olynthus, Xenophon, Plutarch, Boiotia, Hismenias, Leontiades

CITATION: Mozhajsky A. The capture of Thebes by the Spartans in 382 B.C. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 20–29. (In Russ.)

В результате Коринфской войны 395–387 гг. до н.э. Спарта восстановила свою гегемонию в Греции. Что касается Фив, то для этого центра средней Греции принятие Анталкидова мира, положившего конец войне, означало ликвидацию Беотийского союза, следовательно, ослабление роли Фив как на широкой международной арене, так и в самой Беотии. Перечислим изменения, которые происходили в Беотии после заключения Анталкидова мира. Так, Ороп снова стал независимым от Фив, затем примкнул к Афинам (Isoc. Plat. 14.20) [7, р. 14] Кроме того, спартанцами были восстановлены Платей – оппозиционный Фивам полис, разрушенный фиванцами еще во время Пелопоннесской войны 431–404 г. до н.э. (Paus. 9.1.4) [5, 1973, р. 106–109; 10, р. 2309–2311; 11, р. 30–314; 13, р. 121–123]. Р. Бак считает, что эти изменения могли произойти не в 386 г. до н.э., сразу после Анталкидова мира, а несколько позже, возможно, в 385 или 384 г. до н.э. [6, р. 62–63]¹. Он справедливо полагает, что отпадение Оропа к Афинам и восстановление Платей привели к недовольству проспартанской группировкой Леонтиада² (о которой речь пойдет позже) не только в Фивах, но и в других городах Беотии.

Спорным в научной литературе является вопрос об участии фиванского контингента в походе спартанского царя Агесиполида на Мантинею в 385 г. до н.э. Дело в том, что Исократ, Плутарх и Павсаний упоминают о спартано-фиванском союзе, который был установлен после Анталкидова мира (Isoc. Plat. 14.27–28; Plut. Pel. 4; Paus. 9.13.1). По Плутарху, в походе Агесиполида на Мантинею участвовал фиванский контингент с будущими знаменитыми фиванскими полководцами

¹ Е. Кирстен идет еще дальше и связывает переоснование Платей с 382 г. до н.э., считая, что наличие спартанского гарнизона в Фивах устранило все препятствия для восстановления Платей [10, р. 2309]. Однако М. Эмит приводит убедительные аргументы для ранней даты – 386 г. до н.э. [5, р. 106–109].

² В то время в Фивах вели борьбу за власть две политические группировки: проспартанская группировка Леонтиада и антиспартанская группировка Исмения.

Эпаминондом и Пелопидом, причем в сражении сначала Эпаминонд не давал врагу подступиться к раненому Пелопиду, а потом их спас Агесиполид (Plut. Pel. 4). Р. Бак считает, что, несмотря на все эти упоминания, спартано-фиванского союза этого времени не существовало, поскольку о нем нет сведений у Ксенофонта и Диодора, в то время, как Исократ, по мнению Р. Бака, является «риторическим источником» и по данному вопросу недостаточно понятен: он лишь обвиняет фиванцев в том, что они присоединились к спартамцам в какой-то момент после окончания Коринфской войны [6, p. 63].

На наш взгляд, нет никаких причин отрицать сообщения Исократ, Плутарха и Павсания. Начнем с сообщения Исократ (Isoc. Plat. 14.27–28). Действительно, Исократ не уточняет, когда именно после Коринфской войны был заключен спартано-фиванский союз, однако, он совершенно четко говорит именно о союзе: *Λακεδαιμονίων συμμαχίαν*. Исократ упоминает и вторую временную точку, ранее которой этот союз был заключен, – это 382 г. до н.э., когда лакедемоняне захватили Фивы. Таким образом, этот союз возник между 386 и 382 гг. до н.э. Более того, Ксенофонт, повествуя о взятии Кадмеи в 382 г. до н.э., говорит о том, что Леонтиад – лидер проспартанской партии в Фивах – сообщил спартанцу Фебиду о том, что фиванцы решили отказаться от участия в спартанской кампании против Олинфа (Xen. Hell. 5.2.26–27). Значит, у Спарты были планы по привлечению фиванцев к походу и, вполне вероятно, это было обусловлено уже состоявшимся союзом и участием фиванцев в походе под Мантинеею в 385 г. до н.э. На наш взгляд, не доверять Исократу – современнику событий – в этом моменте, подтвержденному более поздними авторами, нет никаких оснований. Что же касается умолчания о данном союзе Ксенофонтом, то это, как мы показали в нашей недавней работе, является данью негативной афинской литературной традиции в отношении фиванцев, которая началась задолго до самого Ксенофонта и которой придерживался тот же Исократ, не называя фиванца Эпаминонда по имени, но упоминая события, в которых он играл значимую роль [3, с. 584–586]. Неудивительно, что Ксенофонт, имевший личные причины ненавидеть фиванцев, не упоминает их союз со спартамцами, к которым он проникнут симпатией. Это тем более вероятно, поскольку Ксенофонт замалчивает значимость фигуры Эпаминонда и не упоминает его вплоть до событий 366 г. до н.э., а далее говорит о нем только в тех случаях, где пытается показать бессилие Эпаминонда перед божественной волей, судьбой, не давшей ему подчинить Спарту [Там же, с. 588–590].

Косвенное подтверждение состоявшегося союза мы также находим у Плутарха, который указывает на то, что Агесиполид, спартанский

царь, спасает Эпаминонда и Пелопида. Таким образом Плутарх в положительном свете выводит спартанского царя, что выглядит необычно в контексте беотийской версии истории. Плутарх мог бы замолчать данный эпизод, однако он включил его в повествование, значит, считал это событие правдой (Plut. Pel. 4).

Согласно Павсанию (8.8.7), сначала произошло сражение (видимо, то, в котором участвовали Пелопид и Эпаминонд), затем Агесиполид предпринял осаду Мантиней и, запрудив реку Офису, взял город. Что касается осады Мантиней, то Павсаний не противоречит сообщениям Ксенофонта (Hell. 5.2.1–7) и Диодора (15.5.1,3,4; 12.1–2). Через Мантиней протекала река, и Агесиполид запрудил ее так, что фундаменты домов мантинейцев, а также низ крепостной стены оказались ниже уровня воды. Стены подмыло, они дали трещины и стали разрушаться. Дело в том, что стены Мантиней были из сырцового кирпича, которые разрушились под воздействием воды. Таким способом Агесиполид и взял Мантиней. Однако дальнейший ход событий показал, что политика грубого нажима и вмешательства во внутренние дела других государств, которая неукоснительно проводилась Спартой, была способна лишь оттолкнуть от нее ряд потенциальных союзников.

Первым признаком противостояния Спарте со стороны фиванцев явилось «олинфское дело». Олинф – один из самых крупных городов на Фракийском побережье. В 382 г. до н.э. в Лакедемон прибыли послы из Аканфа и Аполлонии (Xen. Hell. 5.2.11). Они просили лакедемонян о помощи. Ксенофонт сообщает, что жители Олинфа добились от некоторых городов, чтобы они стали частью их государства. После этого олинфяне попытались освободить македонские города из-под власти македонского царя Аминты (Xen. Hell. 5.1.12). Олинфяне овладели Пеллой. Однако рассказ Диодора подвергает сомнению то положение, что спартанцы совершили экспедицию к Олинфу из-за просьбы Аканфа и Аполлонии (Diod. 14.92.3; 15.19.2–3). Так, по его рассказу, македонский царь Аминта был вытеснен из своей страны иллирийцами. Он отказался от престола и подарил олинфянам пограничную область. Затем Аминта с помощью фессалийцев вновь вернул себе власть и просил олинфян отдать ему дарованную некогда им область. Олинфяне отказались, и тогда Аминта вступил в союз с лакедемонянами и убедил их послать против Олинфа воинский контингент. С.Я. Лурье, как и Эд. Мейер, на этом основании считает, что Ксенофонт умышленно выдвигает на первый план просьбу о помощи лакедемонских союзников – Аканфа и Аполлонии – «чтобы предать лакедемонскому вмешательству более закономерный вид» [1, с. 389].

Мы же считаем, что главным в решении спартанцев атаковать Олиф было то, что тогда велись переговоры между олинфянами, афинянами и беотийцами. Кроме того, по сообщению Ксенофонта, олинфяне решили предложить этим государствам союз (Xen. Hell. 5.2.15). Для того чтобы спартанцы решили, что складывается новая антиспартанская коалиция, было достаточно только того, что переговоры между олинфянами, афинянами и беотийцами велись. Лакедемоняне послали военачальника Евдамида с двумя тысячами воинов: неодамодов, перизков и скирийцев. Евдамид прибыл на Фракийское побережье, поставил гарнизоны в городах, которые просили об этом, и устроил для себя базу в Потидее (Xen. Hell. 5.2.24). Таким образом, лакедемоняне нанесли превентивный удар, чтобы пресечь возможное создание новой антиспартанской коалиции. Дальнейшие события подтверждают нашу логику.

Главным организатором антиспартанской коалиции в начале Коринфской войны были Фивы, и оставить без внимания фиванцев теперь спартанцы не решились. Так, другой отряд лакедемонян под начальством брата Евдамида Фебида, который должен был доставить Евдамиду оставшуюся часть воинов, подошел к Фивам [2, с. 164]. В это время в Фивах шла борьба за власть между двумя политическими партиями (Xen. Hell. 5.2.25). Одна проспартанская и возглавляемая Леонтиадом, другая – антиспартанская и возглавляемая Исмением. Далее Ксенофонт передает следующее (5.2.25–37): Леонтиад предложил Фебиду занять Кадмею (фиванский акрополь), на что тот согласился. После занятия Кадмеи Исмений был осужден и казнен. Лакедемонский гарнизон остался в городе, а управление Фивами перешло в руки партии Леонтиада. Однако около трехсот человек, в том числе и соратник Исмения Андроклид, нашли убежище в Афинах.

Данный рассказ является официальной спартанской версией произошедших событий. Сомнительно, чтобы при занятии Кадмеи спартанцам не было оказано сопротивления, да и вряд ли ворота были бы открыты, даже несмотря на праздник, если бы между Спартой и Фивами не было союза. Более того, как мы предполагаем, Фебид мог иметь тайное задание занять Кадмею, что было выгодно и Леонтиаду, ведь Агесилай заступился за Фебида (тот был обвинен в несанкционированном захвате Кадмеи), и на Фебида был наложен лишь штраф, а войска из Кадмеи не вывели.

Эту версию подтверждают рассказы Диодора и Плутарха. Диодор прямо передает, что спартанцы дали тайное предписание военачальникам при первом удобном случае захватить Кадмею, что сделал Фебид. При этом фиванцы сопротивлялись, но были разбиты. Далее Диодор сообщает, что захват лакедемонянами Кадмеи вызвал в Греции

возмущение против лакедемонян, поэтому они наложили на Фебида денежный штраф, но гарнизона из Фив не вывели (15.20.1–2). Плутарх прямо называет вдохновителем захвата Кадмеи Агесилая (Plut. Ages. 23). Эту антиспартанскую версию источников Диодора и Плутарха разделяет современный исследователь П. Родс [14, р. 247]. Согласно Плутарху, Эпаминонд остался в городе, а Пелопид – бежал (Plut. Pelop. 5).

Подведем промежуточный итог вышесказанному.

С 386 по 382 г. до н.э. спартамцам удавалось поддерживать тот порядок в Беотии, который был им выгоден. Но в 382 г. до н.э., а может быть и несколько раньше, в Фивах все большее влияние приобрела антиспартанская группировка Исмения. В это же время велись переговоры между олинфянами, афинянами и беотийцами. Мы не можем сказать, действительно ли новый союз состоялся бы, не атакуй спартанцы Кадмею. Во всяком случае, одного факта переговоров было достаточно для Спарты, чтобы принять контрмеры. Если бы этот союз с олинфянами состоялся, то можно было бы только предполагать, сколько других государств потянулось бы под крыло нового объединения. В Спарте эту ситуацию явно просчитали. По их расчетам следовало, во-первых, помешать олинфянам усилить свое влияние на Фракийском побережье и присоединить к себе еще большее число городов, во-вторых, поставить Беотию под свой полный контроль. То есть упреждающий удар лакедемонян должен был быть нанесен по двум направлениям: по Олинфу и Фивам.

Что касается Беотии, то, на наш взгляд, спартанцы могли разработать следующий план, исключая случайный характер произошедшего:

1) Евдамид с двух тысячным отрядом идет на Фракийское побережье, захватывает Потидею, которая явилась базой для позиционной войны с Олинфом;

2) затем вслед Евдамиду с оставшейся частью назначенных Евдамиду воинов отправляется его брат Фебид; официально Фебид идет на помощь брату, но главная его цель – Фивы;

3) проходя мимо Фив, Фебид встает лагерем за городом;

4) удачно обговорив план захвата Кадмеи с Леонтиадом, Фебид занимает акрополь;

5) Фебида могли казнить, но на него был лишь наложен штраф (некое оправдание перед другими городами, якобы в Спарте ничего не знали и Фебид действовал без ее санкции), но войска из Кадмеи не вывели. Вроде бы виновник преступления наказан, а само преступление – оправдано [2, с. 165–166].

Таким образом, рассказ о тайном спартанском задании по захвату Кадмеи Диодора и Плутарха кажется нам объяснением произошедшего. Мы не можем принять того, что Фебид случайно оказался со своим

отрядом у Фив именно в тот день, когда Кадмея не охранялась, поскольку в Кадмее в это время женщины справляли Фесмофории, и поэтому ворота Кадмеи были открыты (Хен. Hell. 5.2.29).

Следующая часть данной статьи посвящена топографическому исследованию, связанному с захватом спартанцами Фив в 382 г. до н.э., поскольку топография местности и путь Фебида также подтверждают умышленный захват Фив. Дело в том, что Фебид двигался по хорошо известному спартанцам пути в Беотию через Мегары и далее по одному из горных проходов через Киферон. Мы в подробностях описали эту часть маршрута и привели пространную историко-топографическую библиографию в статье, посвященной передвижению войск Павсания перед битвой при Платеях 479 г. до н.э. [12]. Следуя по этому пути, Фебид проследовал через гору Киферон и вошел в Беотию у деревни Криекуки (сейчас переименована в Эрифры) с восточной стороны от древних Гисий и Эрифр. От этой точки в древности существовали две дороги на север, куда требовалось идти Фебиду для встречи со своим братом. Один путь шел на север к Фивам, а другой на северо-запад к предгорьям Геликона. Последний путь был короче и прямее к месту назначения Фебида, не предвещал никаких природных препятствий и был очень удобен для передвижения даже крупных армий. Вдоль этого пути находились сначала Платеи (у подножия Киферона) и далее на северо-запад Феспии, от которых по этой дороге легко было достигнуть Галиарта. Фебиду были доступны обе эти дороги, но вместо того, чтобы пойти к Феспиям по короткому пути (да и Феспии были расположены к спартанцам), Фебид выбирает длинный путь и идет к Фивам. Это при том, что Ксенофонт (Хен. Hell. 5.2.23) при описании принятия решения об отправке Евдамида и Фебида три раза употребляет слово «ταχύ» («быстрота»), тем самым подчеркивая, что требовалось действовать очень быстро [8, р. 201]. Фебид же выбирает медленный путь. Таким образом, учитывая топографические особенности местности и выбор Фебидом маршрута, можно сказать, что спартанец изначально имел своей целью Фивы.

Возвращаясь к топографии вопроса, попытаемся определить место, где Фебид встал у Фив лагерем перед захватом города. Все, что мы знаем по этому поводу из сочинения Ксенофонта (Hell. 5.2.25), это то, что отряд Фебида подошел к Фивам и расположился лагерем за городом около гимнасия. Джон Баклер пишет, что Фебид остановился вне городских стен рядом с гимнасием, который находился к югу от Фив на дороге к Платеям и Афинам. И далее, что это место находится на современном холме Колонаки [Там же, р. 202]. Однако, на наш взгляд, нет никаких оснований отождествлять это место с гимнасием. Во-первых,

сам Баклер ссылается на работу С. Симеонолгу [15, р. 140], но Симеонолгу не пишет, что здесь располагался лагерь Фебида, как и не пишет, что в районе этого холма был гимнасий. Семионолгу лишь отмечает, что, вероятно, южная часть Фив в классический период пришла в упадок, и свидетельством тому является использование холма Колонаки для погребений, впервые с Позднеэллиадского периода. Мы предполагаем, что Баклер неверно понял текст Симеонолгу и поместил на юг Фив гимнасий, тогда как из описания Семионолгу гимнасий следует поместить в северо-восточный сектор Больших Фив. Дело в том, что Павсаний (9.23.1) отмечает, что у фиванцев гимнасий Иолая и стадион находятся перед Претовыми воротами (*Θηβαίοις δὲ πρὸ τῶν πυλῶν ἐστὶ τῶν Προϊτίδων καὶ τὸ Ἰολάου καλούμενον γυμνάσιον καὶ στάδιον*). Северо-восточное положение Претовых ворот также известно по Павсанию и современным исследованиям, что мы рассмотрели в нашей статье, посвященной в том числе положению ворот Кадмеи [4, с. 87–92, рис. 1–2]. Таким образом, лагерь Фебида располагался с внешней стороны стен северо-восточной части Больших Фив. Отметим, что согласно Арриану (Anab. 1.7.7), Александр Великий также выбрал это место для своего первичного лагеря во время похода на Фивы в 335 г. до н.э.

Отметим, что захват лакедемонянами Кадмеи должен был сильнее всего отразиться на повседневной жизни многих фиванцев. Во-первых, до этого иностранные войска никогда не брали Кадмею. Во-вторых, Кадмея не была типичным греческим акрополем и сильно отличалась, например, от Афинского акрополя, где в этот период не было жилой площади. Кадмея была культовым, социальным и оборонительным центром Фив, а главное – здесь располагались дома многих фиванцев и религиозные монументы. Кроме того, Кадмея была и политическим центром, где созывались собрания и, вероятно, хранилась государственная казна [9, р. 3–4]. Таким образом, захват Кадмеи и размещение здесь спартанского гарнизона нарушило жизнь фиванцев в социальных, религиозных и политических аспектах.

В целом, мы должны отметить, что период с 387 по 382 г. до н.э. был периодом ослабления фиванского контроля над Беотией. Причина этого ослабления кроется во внешнеполитическом курсе Фив. Так, фиванцы не сумели ничего противопоставить условиям Анталкидова мира, поскольку его приняли все основные мощные греческие государства. Если же взглянуть еще глубже, то фиванцы могли влиять на внешнюю политику основных греческих государств лишь до тех пор, пока в нее не вмешались персы. Однако влиять на большую политику с участием персов можно было лишь в том случае, если государство имело сильный флот, чего тогда у фиванцев не было. В конечном итоге, Фивы были

вынуждены принять условия мира. В 382 г. до н.э. спартанцы заподозрили фиванцев в политических связях с олинфянами. Мы не можем точно сказать, на какой стадии были переговоры, но спартанцы сумели занять Кадмею и полностью поставили под свой контроль Фивы. Контроль над управлением Фивами принадлежал спартанскому гармосту, он же исполнял приказы из Лакедемона. По сообщению Ксенофонта, спартанцы достигли того, что фиванцы и другие беотийцы полностью им подчинялись (Xen. Hell. 5.3.27), а должность беотарха была упразднена [2, с. 167].

Библиографический список / References

1. Лурье С.Я. Комментарий к Греческой Истории Ксенофонта // Ксенофонт. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб., 2000. С. 277–443. [Lur'e S.Ya. Commentary on the Greek History of Xenophon. *Ksenofont. Grecheskaya istoriya*. S.Ya. Lur'e (transl. from ancient Greek into Russian and comments). St. Petersburg, 2000. Pp. 277–443. (In Russ.)]
2. Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. [Mozhajskij A.Yu. *Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskij period* [Foreign policy of Theban polis in the classical period]. PhD diss. Moscow, 2007.]
3. Можайский А.Ю. Образ фиванцев в сочинениях Ксенофонта // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13. Вып. 2. С. 580–595. [Mozhajsky A.Yu. The portrayal of the Thebans in the works of Xenophon. *Schole*. 2019. Vol. 13. No. 2. Pp. 580–595. (In Russ.)]
4. Можайский А.Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2018. С. 79–96. [Mozhajsky A.Yu. The rivers and the gates of Thebes in the tragedies of Aeschylus, Sophocles and Euripides, as the educational landscape of the city. *Hypothekai. Journal on the History of Ancient Pedagogical Culture*. 2018. Iss. 2. Pp. 79–96. (In Russ.)]
5. Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and the Small Cities in Ancient Greece, Latomus 134. Brüssel, 1973.
6. Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C. Edmonton, 1994.
7. Buckler J. The Theban Hegemony, 371–362 B.C. London, 1980.
8. Buckler J. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden, Boston, 2003.
9. Gartland S. Introduction. *Boiotia in the Fourth Century B.C.* S. Gartland (ed.). Philadelphia, 2017. Pp. 1–8.
10. Kirsten E. Plataiai. *RE*. Bd. XX. 1950. Sp. 2310.
11. Konecny A., Aravantinos V., Marchese R. Plataiai. *Archäologie und Geschichte einer boiotischen Polis = Österreichische Archäologisches Institut Sonder-schriften*. Vienna, 2013. Band 48.
12. Mozhajsky A. Reconsidering the movement of Pausanias' army before the Battle of Plataiai in 479 BC. *Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne*. 2017. № 5. Pp. 33–50.

13. Prandi L. Platea: Momenti e problemi della storia di una polis. Padua, 1988.
14. Rhodes P.J. A History of the Classical Greek World: 478–323 B.C. Padstow, 2006.
15. Symeonoglou S. The topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton, 1985.

Статья поступила в редакцию 23.10.2019, принята к публикации 25.11.2019
The article was received on 23.10.2019, accepted for publication 25.11.2019

Сведения об авторе / About the author

Можайский Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков имени В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Andrey Yu. Mozhajsky – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: a.mozhajsky@mail.ru

С.В. Гусарова

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о справедливости обвинения византийского патриарха Николая Мистика в участии в заговоре Андроника Дуки (X в.)

Статья посвящена расследованию обстоятельств обвинения византийского патриарха Николая Мистика в участии в заговоре друнгария Андроника Дуки. Автор критически анализирует источники, внутривосточные и внутрицерковные процессы в Византии 901–907 гг. и приходит к выводу о подложности улики. Клевета была составлена евнухом Самоной при всемерном содействии императора Льва VI. Составитель подложного письма преследовал двойную цель: политическое уничтожение Андроника Дуки и компрометацию константинопольского первосвященника. Император воспользовался фальсификацией для низложения Николая Мистика, отрицавшего законность его четвертого брака. Патриарх уклонился от признания обвинения в заговоре и продемонстрировал христианское смирение в условиях давления со стороны светской власти. Николай Мистик пострадал из-за придворных интриг и борьбы за чистоту канонов в вопросе тетрагамии Льва VI.

Ключевые слова: константинопольский патриарх, Николай Мистик, тетрагамия, император Лев VI, заговор Андроника Дуки.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Гусарова С.В. К вопросу о справедливости обвинения византийского патриарха Николая Мистика в участии в заговоре Андроника Дуки (X в.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 30–40.

S.V. Gusarova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

To the issue of truth of the allegations to the Byzantine Patriarch Nicholas the Mystic in the conspiracy of Andronikos Doukas (X century)

The article is devoted to investigating the allegations of the Byzantine Patriarch Nicholas the Mystic's participation on the conspiracy of Drungary Andronikos Doukas. The author critically analyzes the sources, internal political and internal Church processes in Byzantium in 901–907 and comes to the conclusion about the falsification of the evidence. This Slander was made by eunuch Samonas with the full assistance of the Emperor Leo VI. The author of the false letter pursued a dual goal: the political elimination of Andronikos Doukas and the discreditation of the High Priest of Constantinople. The Emperor used the falsification to overthrow Nicholas the Mystic who denied the legality of the Emperor's fourth marriage. The Patriarch evaded the confession of the accusation of the conspiracy and demonstrated Christian humility under the pressure from the secular authorities. Nicholas the Mystic suffered because of the court intrigues and the struggle for the purity of the canons in the matter of tetragamy of Leo VI.

Key words: the patriarch of Constantinople, Nicholas the Mystic, tetragamy, Emperor Leo VI, the conspiracy of Andronkos Doukas

CITATION: Gusarova S.V. To the issue of truth of the allegations to the Byzantine Patriarch Nicholas the Mystic in the conspiracy of Andronikos Doukas (X century). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 30–40. (In Russ.).

Статья посвящена практически незамеченной в отечественной и зарубежной науке проблеме исследования обстоятельств обвинения византийского патриарха св. Николая I Мистика (901–907, 912–925) в участии в заговоре Андроника Дуки (вторая половина IX – ок. 910). Новизна работы заключается в том, что затронутая тема будет впервые подробно проанализирована с привлечением новых для отечественной историографии документов. Историки XIX–XXI вв. изучали события, связанные с участием константинопольского патриарха в заговоре, исключительно

в рамках внутренней политики императора Льва VI. Целью статьи является выяснение факта причастности Николая Мистика к измене императору. Ответ на поставленный вопрос позволит, с одной стороны, яснее представлять внутривластную ситуацию в Византии в начале X в., с другой – четче увидеть значение личности Николая Мистика в рамках христианской истории. В ходе исследования необходимо решить следующие задачи: проанализировать исторические источники и концепции по проблеме участия Николая Мистика в заговоре Андроника Дуки; сопоставить сведения о заговоре с политическими событиями в Византии и историей Церкви. Данная работа будет опираться на следующие научные методы: исторический, сравнительно-исторический, синхронный и метод критического анализа.

Патриарх Николай I представляет собой крупнейшую политическую и церковную фигуру своего времени и широко известен благодаря миротворческой деятельности в период болгаро-византийских войн, а также из-за противостояния императору Льву VI (886–912) в вопросе признания его четвертого брака. Суть обвинения, предъявленного Николаю Мистика, сводится к тому, что тот отправлял письма мятежному военному с целью поощрения его желания свергнуть Льва VI и сесть на византийский трон.

Политическая и религиозная жизнь в Восточной Римской империи всегда тесно переплетались. Многие императоры успешно оказывали давление на патриархов с целью устранения препятствий к осуществлению своей воли, если же архипастырь стремился проводить независимый политический курс, тот или иной император зачастую создавали условия для низложения константинопольского первосвященника. Подобные отношения между светской и духовной властью в Византии дали основания для утверждения в научной среде представления о цезарепапизме. Николай Мистик с первых дней своего патриаршества противостоял желанию императора признать законным его четвертый брак, заключенный во многом из-за необходимости иметь наследника. Патриарх опирался на авторитет Священного Писания, которое категорически отрицало возможность тетрагамии. Лев VI, убедившись, что от архипастыря не добьется содействия, всемерно стремился заручиться поддержкой со стороны Церкви вопреки воле Николая Мистика, для чего был в 920 г. был созван Собор с участием заинтересованных в дискредитации константинопольского патриархата папских легатов.

Параллельно с эскалацией конфликта на почве тетрагамии императора Льва Мудрого развивалась интрига, связанная с участием патриарха в измене царю. Свидетельствами в пользу отношения святителя к заговору мятежного друнгария флота Андроника Дуки (855–913)

стали письма, которые, согласно словам ряда лиц, были отправлены патриархом Андронику. В историографии существует несколько гипотез относительно причастности Мистика к заговору, которые базируются на противоположных сведениях: с одной стороны, хроники Продолжателя Феофана [5] и Симеона Логофета [6], с другой – Псамфийской хроники [4]. Только последняя утверждает, что патриарх принимал участие в заговоре. Необходимо отметить, что обе хроники написаны современниками Николая Мистика. При этом автор Псамфийской хроники резко негативно относился к святителю, поскольку являлся учеником и поклонником его антагониста и преемника на высочайшем престоле – патриарха Евфимия (907–912), что требует особого критического анализа сведений из данного источника. Хроники Продолжателя Феофана и Симеона Логофета, по мнению ученых, имеют общий источник, они без лишних эмоций повествуют об исторических событиях Византии, при этом некоторые эпитеты дают основание предполагать, что их авторы в целом положительно относились к фигуре Николая Мистика. В ходе нашего исследования мы проанализируем источники и научные концепции, относящиеся к проблеме участия патриарха в заговоре, и сформулируем свою позицию по заданной теме.

По мнению византологов Ш. Диля и М.В. Анастоса, опирающихся на Псамфийскую хронику, патриарх действительно участвовал в заговоре против Льва VI; и после того, как о письмах стало известно императору, очень боялся расправы [2, с. 288; 7, с. 192–193]. Исследователь византийской истории Шон Тогер, тщательно проанализировав источники, сделал, на наш взгляд, крайне оригинальное предположение о том, что Николай Мистик действительно писал письма Андронику Дуке, но не с целью вступления в крамольные соглашения, а с целью будущего печалования перед императором о помиловании мятежного воина. Автор в качестве аргумента приводит аналогии с заступничеством патриарха перед василевсом за учинившего бунт адмирала Евстафия, которому вместо предполагаемой смертной казни заменили приговор на монашеский постриг [10, с. 302].

Хроника Продолжателя Феофана сообщает особо ценные сведения относительно заинтересованности временщика евнуха Самоны (ок. 875 – после 908) в деле политической гибели Андроника Дуки. Евнух, пользовавшийся доверием Льва VI, организовал вероломную интригу, суть которой заключалась в том, чтобы заставить Дуку не участвовать в военном действии совместно с друнгарием флота Имерием, т.е. нарушить царский приказ. Автор хроники утверждает, что Самона был перехвачен на сирийской границе с награбленным богатством и возвращен в Константинополь. При этом главным свидетелем бегства

царедворца выступил сын Андроника Дуки – представитель военной знати Константин Дука. Император простил евнуха и впредь оказывал ему доверие, что свидетельствует о природной хитрости Самоны и таланте убеждать оппонентов. Однако царедворец не упустил возможности осуществить реванш уже в отношении отца Константина Дуки. Так, анонимный автор хроники писал: «Но Самона, оставаясь неизменным врагом Андронику, копал ему яму, одевал путы на ноги...» [3, с. 48] И далее: «Он подговорил одного человека тайно написать Андронику, чтобы не садился на корабли, ибо, по его словам, Имерий получил приказ от царя схватить и ослепить тебя» [Там же, с. 49]. Дука испугался и не вступил в бой, в результате чего впал в отчаяние и учинил мятеж, который, по нашему представлению, являлся городским погромом в порыве безрассудства. При этом, как сообщает хроника, Самона сказал Льву VI: «Не всегда ли говорил я тебе, господин, что Дука – бунтарь, мятежник и враг твоей царственности?» [Там же].

Собственно, если последовательно опираться на текст хроники Продолжателя Феофана, можно прийти к заключению, что никакого заговора в собственном смысле такового не было, вместо него имел место быть военный произвол и мародерство. Наиболее важна следующая оценка деятельности Самоны автором указанной хроники: «Назначен был Самона паракимоменом¹, ибо содействовал царю во всяком беззаконии и зле – и начали они злоумышлять против Церкви» [3, с. 52]. В данном случае под злоумышлениями подразумевается лоббирование четверобрачия василевса и интрига против патриарха. Примечательно, что письма патриарха были найдены у нескольких пленных, которых незадолго до низложения Мистика допрашивал Самона. Как мы знаем из хроники Продолжателя Феофана, именно посредством письма был совершен заговор против Андроника Дуки. Мы полагаем, что посредством письма был совершен заговор и против патриарха. Такого же мнения придерживался Ромилли Дженкинс в своей книге «Исследование византийской истории X века», однако он не развивал свою мысль, в его книге отсутствует последовательная аргументация указанного вывода [8, с. 413–415].

По нашему мнению, евнух режиссировал низложение Николая Мистика, согласно с желанием на то Льва VI. Императору был крайне неугоден строптивый патриарх, который не только отказывался признавать его четвертый брак, но и наложил на царя епитимью и запрет

¹ Паракимомен (греч. *παρακοιμβενος* – «тот, кто спит около [императорской спальни]», постельничий) – придворная должность в Византийской империи, обычно занимаемая евнухами.

на торжественный вход в храм. Чтобы как-то узаконить свой брачный союз, от которого у василевса родился единственный наследник, Лев VI инициировал созыв Собора в 907 г., заблаговременно заручившись поддержкой римского Папы и удалив в ссылку сторонников византийского патриарха. Согласно Псамфийской хронике, до заседания Собора император откровенничал со своими стольниками о Николае Мистике: «Никак нельзя не прогнать патриарха с престола – ведь душа моя при нем не успокоится. Как только он допустит меня в храм, я тотчас найду свидетелей, знающих дела мятежного Дуки, и изгоню Николая из Церкви, обвинив его в оскорблении моей царственности» [1, с. 115]. Таким образом, мы предполагаем, что заговор против патриарха возглавлял сам Лев VI, однако у нас нет сведений о том, знал ли он, что письма, написанные к Андронику Дуке от имени патриарха, ложные.

В 907 г. император сослал патриарха в Галакренский монастырь, куда вскоре была подослана делегация с целью добиться письменного отречения Николая Мистика от патриаршества. Как свидетельствует Псамфийская хроника, Самона передал святителю слова царя: «Я хочу, чтобы ты понял, Николай, что, если ты в сей же час не пришлешь мне свое отречение, я, представив священному синклиту и священному чину твое собственноручное послание, открою, что ты виновник гибели многих благородных людей и обвиню тебя в преступлении против императора» [Там же, с. 136]. При этом указанный исторический документ говорит о том, что сами митрополиты не знали, с какой целью под предводительством Самоны отправились к опальному патриарху. Данный фрагмент приводит нас к выводу о фальсифицированности послания Андронику Дуке от имени патриарха. Недостоверную подделку Лев VI не рискнул демонстрировать на Соборе 907 г., посвященном легитимизации четвертого брака императора, несмотря на то что Собор полностью был на стороне императора.

Хроника также приводит текст отречения Николая Мистика, который, судя по его стилю и внутреннему содержанию, действительно вышел из-под пера святителя: «Так как в неблагоприятных и тяжелых обстоятельствах, постигших Божию Церковь, стало невозможным попечение о христолюбивом императоре, то я отрекаюсь от престола, предпочитая уединение и замкнутую жизнь мирскому непостоянству» [Там же, с. 152]. Как заметил советский византист Г.Г. Литаврин в своем исследовании «Культура Византии VII–XII вв.», «Лев VI дал понять Николаю Мистике, что может обвинить его самым страшным обвинением – оскорблением императорского величия. В то же время в представлении Льва VI – он – верный и смиренный сын матери – Церкви» [2, с. 73]. Такие диссоциирующие между собой положения могут

указать как на непоследовательность мыслей императора, так и на осознанную сделку с совестью на пути к желаемому.

Особенностью положения внутри константинопольского патриархата, начиная от иконоборческого периода VII в. и до времен Николая Мистика, являлось наличие противостоящих друг другу церковных партий. Причины разделения на каждом этапе были различны, хотя и наблюдалось определенное преемство между партиями на протяжении всего времени. Наличие партийности внутри клира фактически являлось показателем раскола и как следствие обуславливало нестабильность церковной жизни и шаткость патриаршего престола. После отстранения от кафедры Николая Мистика в Византии окончательно оформились две новые клерикальные партии противников опального патриарха и сторонников избрания нового. На преодоление предшествовавших патриаршеству Николая Мистика расколов уходили десятки лет, поэтому сама перспектива возникновения нового разделения тревожила святителя, о чем он многократно сообщал различным адресатам [9, с. 285, 445, 478–479].

Мы полагаем, что основной причиной подписания отречения от патриаршего сана являлась попытка не усугублять церковный кризис. Так, несколько позднее первого текста отречения Николай Мистик прислал дополнительный документ, в котором сам говорил о том, что уступил свое место тому, кто способен преодолеть церковный раскол, возникший на почве четверобрачия императора [4, с. 313]. При этом в обоих документах Николай Мистик подчеркивал, что ни при каких обстоятельствах не откажется от епископского сана, потому что посредством него служит Богу. Несмотря на то, что автор Псамфийской хроники явно не стремился указать на какие-либо добродетели патриарха, а наоборот, где можно чернил его, в вопросе отстаивания своей позиции по вопросу тетрагамии есть все основания доверять данному источнику, который содержит наиболее подробные сведения на эту тему. В дальнейшем, после восстановления в патриаршем сане, святитель проводил эффективную миротворческую политику по преодолению разделения внутри Церкви.

Историки в вопросе изучения событий низложения патриарха Николая упускали из внимания очень интересную деталь, зафиксированную в Псамфийской хронике. Согласно ей митрополиты, посланные все тем же вероломным Самоной к Николаю Мистика за отречением, услышали от патриарха, отрекшегося от высочайшей кафедры, следующие слова: «Я написал это своей рукой – ведь и вы, и царь, знаете мой почерк» [Там же, с. 327]. Данная фраза слишком реалистична, чтобы быть случайной вставкой, в то же время она слишком двусмысленна.

Едва ли человек с такой удивительной судьбой, которую он считал Промыслом Божиим, человек, который писал в одном из своих писем: «...никогда не буду внимать говорящим: “Возьми блага твои в этой жизни”» [6, с. 388] стал бы злоумышлять против власти, которая, согласно византийским представлениям, как и патриаршая власть, была от Бога. Данные слова, видимо, выражают смирение Николая Мистика, который знал, что Христос обещал райские блаженства тем, кого несправедливо гонят за имя Его. Смысл этих слов, по нашему предположению, заключается в том, что руки Николая не было на тех письмах, которые император выставлял в качестве обвинения.

Фрагмент текста такого письма приводит Псамфийская хроника: «Славнейший и многодостойный Дука, будущий Август Андроник! Убеждаю и упрашиваю тебя: не сдавайся, не подчиняйся людям императора, не доверяй приходящим к тебе: все это обычная ложь – и то, что они говорят, и то, что пишут» [4, с. 201]. Видимо, речь здесь шла о том, что Лев VI, как сообщает хроника Симеона Логофета, благожелательная к патриарху Николаю, сожалел о предательстве Дуки и пытался письменно призвать его в Константинополь, чтобы разобраться во всем и помиловать. В данном случае мы видим желание автора письма, которым являлся, по нашему мнению, Самона, убить двух зайцев сразу: с одной стороны, политически уничтожить Дуку, не допустив его примирения с императором, с другой – обвинить патриарха. Стиль указанного фрагмента напыщенный, тон горделивый, что совершенно не соответствует духу эпистолярного наследия святителя. До нас дошли 190 писем Николая Мистика, в каждом из которых он с подчеркнутым смирением и без излишней витиеватости обращался к своим адресатам.

В традициях восточной ветви христианской Церкви устоялось своеобразное представление о клевете. Терпение по отношению к клеветникам многими Святыми Отцами виделось средством достижения Царствия Небесного. По общему мнению богословов раннего средневековья, невинно терпящий ложь в свой адрес удостоивается прощения согрешений и награды в горнем мире. Так, например, Макарий Великий (ок. 300–391) сообщал о том, что был ложно оклеветан по поводу связи с блудницей, которая зачала и родила младенца. Вместо оправдания святой подвижник регулярно посылал через своего ученика рукодере с словами: «Продай и отдай жене моей на пропитание» [1, с. 149]. Преподобный авва Исаия, египетский пустынный V в., прямо указывал на благой плод терпения страданий от напраслин: «Надо знать, что для желающего войти на высшую степень блаженства должно быть и другое: чтобы и разглашаемое о нем было ложно» [Там же, с. 302]. Наиболее близкий ко времени жизни патриарха подвижник, много сам

претерпевший от интриг со стороны власть имущих, Иоанн Златоуст в одном из своих сочинений писал: «Тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще и получает величайшую награду» [1, с. 351]. Подобное мнение было широко распространено среди христианских мыслителей и, безусловно, Николая Мистик во время сильного давления со стороны светской власти руководствовался святоотеческими постулатами о клевете и гонениях. Сам Христос на протяжении своей трехлетней проповеди постоянно подвергался клевете и обвинениям, в ответ на которые мог только смиренно промолчать. Патриарх, подписывая отречение от святейшего престола, не признал своей вины в участии в заговоре, но бросил многозначительную фразу, которую в какой-то степени можно приравнять к благородному молчанию, в которых крайне смиренно обращался к каждому из своих адресатов.

Таким образом, мы считаем, что никакой перехваченной царскими служителями переписки Николая Мистика с Андроником Дукой не существовало, но существовала интрига Самоны против друнгария, через которую дискредитировался и патриарх, что было призвано вызвать особое содействие Льва VI, питавшего к Николаю недобрые чувства из-за канонических препятствий по поводу его брачных устремлений. Ложность доноса на патриарха косвенно подтверждает тот факт, что в 908 г., перед своим политическим изгнанием, Самона сфальсифицировал оскорбительный памфлет на Льва VI, написанный от имени евнуха Константина. Резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать вывод о том, что для евнуха Самоны составление подложных документов являлось традиционным средством борьбы со своими оппонентами. Кроме того, мы полагаем, что патриарх, будучи умным человеком, в случае участия в политических интригах не стал бы делать ставку на столь мелкую и неподготовленную фигуру, как Андроник Дука.

Проанализировав совокупность источников, относящихся к проблеме участия Николая Мистика в заговоре Андроника Дуки, мы можем сделать вывод о том, что патриарха оклеветали, и сам он не общался с мятежником. Источник обвинения – подложное письмо – было сфабриковано евнухом Самонией и направлено прежде всего против друнгария Андроника Дуки. Но неслучайно отправителем письма придворный назвал именно Николая Мистика: император Лев Мудрый стремился всеми средствами избавиться от независимого в своих действиях патриарха, боровшегося за чистоту канонов, и обвинение первосвященника в государственной измене оказалось хорошим поводом для давления на него. Этот факт, в свою очередь, являлся препятствием для принятия аргументов в пользу поддельности письма и оправдания Николая

Мистика. Святитель оказался в центре внутривосточного процесса, повлиявшего на ход церковной истории, при этом ему удалось отстоять свою позицию по защите церковных канонов, с одной стороны, и по мере возможности воспрепятствовать усугублению клерикального раскола – с другой. Анализ фактов биографии Николая Мистика играет особую роль в рамках исследования взаимоотношений светской и церковной власти в Византии и дает основание для полемики с наиболее радикальными теоретиками цезарепапизма. Святитель являлся человеком идеи, чьи этические взгляды базировались на Священном Предании, он стремился максимально следовать апостольским и святоотеческим заветам, несмотря на то, что жил в более позднюю эпоху.

Библиографический список / References

1. Брянчанинов И. Отечник. М., 2015. [Bryanchaninov I. Otechnik [Teachings of the Orthodox holy fathers]. Moscow, 2015.]
2. Диль Ш. История византийской империи. М., 2008. [Diehl Ch. Istoriya vizantiyskoy imperii [Histoire de l'Empire Byzantine]. Transl. from Fr. into Russian. Moscow, 1948.]
3. Культура Византии. Вторая половина VII – XII вв. / Под ред. Г.Г. Литаврина, З.В. Удальцовой. М., 1989. [Kultura Vizantii. Vtoraya polovina VII – XII vv. [The culture of Byzantium. Second half of the 7th century – 12 century]. Litavrin G.G., Udaltsova Z.V. (eds.). Moscow, 1989.]
4. Псамафийская хроника / Пер., предисл. и коммент. А.П. Каждана // Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 7–140. [Psamaphian Chronicle. A.P. Kazhdan (transl. into Russian, foreword and comment.). *Dve vizantiyskie khroniki X veka*. Moscow, 1959. Pp. 7–140. (In Russ.)]
5. Продолжатель Феофана. Жизнеописание Византийских царей / Пер. Я.Н. Любарского. СПб., 2009. [Prodolzhatel Feofana. Zhizneopisanie Vizantiyskikh tsarey [Scriptores post Theophanem. Biography of the Byzantine kings]. Ya.N. Lyubarskiy (transl. into Russian). St. Petersburg, 2009.]
6. Хроника Симеона Магистра и Логофета / Пер. со среднегреч. А.Ю. Виноградова; вступ. ст. и коммент. П.В. Кузенкова. М., 2014. [Khronika Simeona Magistra i Logofeta [Chronicle of Symeon Logotetns]. A.Yu. Vinogradov (transl. from medium Greek into Russian), P.V. Kuzenkov (introductory article and commentary). Moscow, 2014.]
7. Anasos M.M. Aspects of the Mind of Byzantium. L., 2001.
8. Jenkins R.J.H. Studies on Byzantine history of the 9th and 10th centuries. L., 1970.
9. Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Transl. by R.J.H. Jenkins; L.G. Westerink. Washington, 1973.
10. Tougher S. The reign of Leo VI (886–912): Politics and People. L., 2014.

Сведения об авторе / About the author

Гусарова Светлана Владимировна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Svetlana V. Gusarova – Postgraduate student of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru

М.П. Айзенштат

Институт всеобщей истории РАН,
119334 г. Москва, Российская Федерация

«Отец Реформы» английский радикал Джон Картрайт (1740–1824)

Статья посвящена жизни и политическим представлениям Джона Картрайта, одного из участников радикального движения в Англии на ранних этапах его становления. Картрайт занимал либеральные позиции, что проявилось в его отношении к борьбе североамериканских колонистов за независимость и попыткам французских революционеров создать собственную конституцию. Картрайт, которого современники называли «Отцом Реформы», первый обратился к обществу с призывом задуматься о современной системе представительства, стать сторонником ее реформирования и вернуть народу его утраченные права. В основе идей Картрайта лежали мифические представления о существовании древней конституции и древнего Парламента с ежегодными выборами в него.

Ключевые слова: Джон Картрайт, британский парламент, парламентская реформа в Великобритании, исторический миф, древняя конституция Англии

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Айзенштат М.П. «Отец Реформы» английский радикал Джон Картрайт (1740–1824) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 41–47.

M.P. Ayzenshtat

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

“Father of Reform” English radical John Cartwright (1740–1824)

The article is devoted to the life and political ideas of John Cartwright, one of the participants in the radical movement in England in the early stages of its formation. Cartwright took a liberal position, which was manifested in his attitude to the struggle of the North American colonists for independence and the attempts of the French revolutionaries to create their own constitution. Cartwright, whom contemporaries called the “Father of Reform,” was the first to appeal to society to think about the modern system of representation, to become a supporter of its reform and to return to the people their lost rights. Cartwright’s ideas were based on mythical ideas about the existence of an ancient constitution and an ancient Parliament with annual elections to it.

Key words: John Cartwright, British Parliament, parliamentary reform in Great Britain, historical myth, ancient constitution of England

CITATION: Ayzenshtat M. “Father of Reform” English radical John Cartwright (1740–1824). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 41–47. (In Russ.)

История борьбы за первую парламентскую реформу, программа радикалов, прохождение билля в Парламенте и итоги преобразований стали предметом осмысления политиками и изысканий историков практически сразу после ее проведения в 1832 г. [5; 8; 9]. В то же время сами реформаторы (за исключением ярких событий, связанных с «делом» Дж. Уилкса [2; 4; 7]), формирование их взглядов и конкретная деятельность не получили должного освещения в современной научной литературе. Между тем, сегодня, когда в историографии утвердился антропологический поворот, возрос интерес сообщества ученых к личности, ее роли в истории.

Одним из ярких сторонников радикального течения политической мысли на раннем этапе борьбы за парламентскую реформу был Джон

Картрайт, которого современники называли «Отцом Реформы». В его жизни и деятельности воплотились интеллектуальные искания современников, а также появление политиков новой формации, которые не просто пропагандировали собственные взгляды, но и прилагали усилия для их осуществления.

Джон Картрайт родился в 1740 г. в старинной дворянской семье, обедневшей в ходе Английской революции из-за поддержки его прадедом короля Карла I. Экономическое положение Картрайтов не улучшилось с наступлением новых времен. Однако трое братьев обладали пытливым умом и деятельным нравом. Так, Ричард стал удачливым предпринимателем, а Эдмунд изобрел ткацкий станок с ножным приводом, за что получил патент и вознаграждение в 10 тыс. фунтов стерлингов. Из-за стесненных материальных обстоятельств юный Джон, по словам его племянницы и биографа, получил неважное образование. Этот недостаток на протяжении всей жизни Картрайт восполнял самообразованием. Он читал произведения Дж. Локка, Т. Мора, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Р. Прайса и других близких ему по духу философов [3, р. 49–51, 55, 87–88]. Эти труды и события тех лет привлекли его внимание к политическим проблемам.

В 18 лет молодой Джон поступил на королевский флот и принял участие в Семилетней войне. С завершением войны и ухода с флота Картрайт долгие годы являлся майором милиции родного Ноттингемшира. В 1774 г., когда серьезно ухудшились взаимоотношения метрополии и североамериканских колоний, назревала война с ними, он опубликовал памфлет под названием «Американская независимость послужит славе и интересам Великобритании». Позиция Картрайта кардинально расходилась с общераспространенными в Англии мнениями о невозможности отделения колоний и обязательном наказании бунтовщиков. Как явствует из названия памфлета, автор выступил сторонником независимости. В 1776 г. он издал получивший широкую известность радикальный памфлет «Сделайте свой выбор!». Этот год стал временем важного интеллектуального прорыва в истории Британии. Именно тогда в Северной Америке была опубликована «Декларация независимости», опубликовано «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, «Отрывок об управлении» Дж. (Иеремии) Бентама, вышел первый том «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. Во всех этих трудах был заявлен новый взгляд на права народа, обоснована концепция свободы торговли и переосмыслены задачи правительства, что предвосхищало идеологические постулаты капиталистического общества.

В памфлете «Сделайте свой выбор!» Картрайт в энергичной манере обращался к жителям страны с тем, чтобы каждый задумался о существовавшей несправедливости. Он писал о радикальной программе, призывая читателя не оставаться в стороне от борьбы за ее осуществление. Картрайт утверждал, что равное представительство в Парламенте является неотъемлемым правом народа, а ежегодные выборы в Парламент призваны обеспечить осуществление этого права. Таким образом, его позиция была противопоставлена как тори, которые верили в божественное право королей, так и вигам. Для них, по утверждению Картрайта, божественное право управлять страной принадлежало знати и джентльменам [3, р. 82]. По сути, автор памфлета принял на вооружение мифические представления о древней истории англосаксонской Англии, которые высказывали ранние британские просветители. Они подразумевали, что в те времена весь народ имел право ежегодно избирать своих представителей в Парламент. Но обращение Картрайта прозвучало в иное время и в другой атмосфере, когда американские колонисты отстаивали осуществление принципа «Нет представительства – нет налогов», и способствовало подъему радикальных настроений в обществе. Вместе с тем, памфлет привлек внимание людей из различных социальных слоев и несхожих взглядов, от радикала Ричарда Прайса до Чарлза Леннокса, 3-го герцога Ричмонда, и сторонника запрета торговли Гренвила Шарпа.

Так человек, родившийся в семье тори и отчасти приверженной католической религии (по всей видимости, мать братьев Картрайт принадлежала к католической вере), превратился в трибуна радикальной реформы Парламента и всей системы представительства в нем. Сам Картрайт этот разрыв объяснял так. По любому вопросу, касающемуся морали или поведения человека как индивидуума либо члена общества, он должен иметь собственное мнение и, сообразуясь с собственными взглядами, действовать самостоятельно. Мнение и представления семьи или партии не всегда имеют вес в том высшем трибунале, перед которым человек должен будет отвечать за свои поступки [Там же, р. 57–58]. Таким образом, переход на радикальные позиции выходца из консервативной среды был обусловлен политическими и морально-этическими соображениями, не совпадавшими с устоями и ценностями, принятыми в семье. Немаловажную роль в этом перевороте сыграли события, которые происходили тогда в Британии.

Разрыв проявился уже в 1775 г. и был вызван курсом кабинета и монарха в отношении американских колонистов. Тогда Картрайт писал: «Сейчас я возмущен не только министрами, но также и оппозицией, так как имел возможность узнать их истинные чувства. Узнал,

насколько мало в них заботы об общем благе» [3, р. 58]. В расхождении слов и поступков оппозиции вигов, позиционировавших себя сторонниками свободы, Джон видел большую опасность для народа. И на следующий год он создал Общество по распространению информации о конституции. Членские взносы учрежденного объединения были высоки, что диктовалось его целью, обозначенной в названии. Всего на собранные средства был опубликован большой массив информации: 88 тысяч копий тридцати трех сочинений, отстаивавших идею проведения парламентской реформы [6, р. 228].

Собственные представления Картрайта об истории английской конституции отличались оригинальностью. Он писал о своем решительном несогласии с распространенными утверждениями о том, что Великая хартия вольностей 1215 г. является фундаментом английских свобод и базисом английской конституции. Он был убежден, что именно древние свободы явились источником Хартии, вырванной баронами из рук короля Иоанна Безземельного, как формальной декларации о правах, уже к тому времени известных в качестве конституционного наследия каждого англичанина [3, р. 67–68]. К теме конституции он возвращался не раз. В памфлете «Английская конституция» Картрайт отстаивал идею правления народа, равенства перед законом, всеобщего избирательного права для мужчин, тайного голосования, равных избирательных округов. Один экземпляр сочинения автор послал в Америку Т. Джефферсону [10, р. 152]. Картрайт неизменно отстаивал идею о существовании древней конституции и правах народа. Насколько близки ему были эти утверждения, свидетельствует подпись под приветственным письмом, обращенным к премьер-министру У. Питту-мл. После его выступления в Палате общин, когда Питт предложил создать комиссию для рассмотрения ситуации с представительство американских колонистов в Парламенте, Картрайт подписал свое послание именем короля «Альфреда»¹. Именно с ним радикалы связывали появление древней конституции в Англии. Об этом говорит и статья под названием «Отдайте наши права», где Картрайт обосновывал наличие конституции, которая была отнята властью у народа. Статья начиналась с описания обстановки в Риме накануне «потери свободы» [3, р. 149]. Тогда друзья были и у Цезаря, и у Помпея, но не было никого из друзей у самого Рима, писал автор. Англия может оказаться в том же положении рабства, «когда министры имеют друзей, оппозиция имеет друзей, но нет друзей у английской конституции» [Там же, р. 150].

¹ Имеется в виду король Альфред Великий (ок. 849–899/901) – король Уэссекса в 871–199/901 гг. Первым из англосаксонских правителей Британии стал именовать себя королем Англии.

Картрайт был в числе радикалов, с воодушевлением приветствовавших начало революционных событий во Франции. Уже в августе 1789 г. Джон направил письмо главе конституционного комитета Генеральных штатов, в нем он подчеркнул мудрость комитета, члены которого взяли за образец английскую конституцию [3, р. 183]. Одновременно он предостерегал французов. Действуя в интересах свободы, писал Картрайт, надо избежать тех ошибок, благодаря которым самая превосходная конституция падет жертвой коррупции. Главная ошибка англичан в период нашей («Славной». – М.А.) революции, полагал он, заключалась в том, что не была провозглашена свобода выбора, а именно она должна находиться в основе формирования и деятельности Парламента. Наши предки упустили это из виду, сетовал Картрайт [Там же, р. 182–185].

Углубление революции вызвало разочарование многих, в т.ч. и Картрайта. Об этом он писал в Бостон в 1793 г. Неизбежно вновь возникло сравнение английской «Славной» и французской революций. Картрайт отмечал недооценку французами «искусства управления» при осуществлении собственного курса преобразований. Причину этого он видел в недостаточном опыте. Англия, утверждал Картрайт, никогда не оказывалась в подобной опасной ситуации, сложившейся на континенте из-за амбиций слабых прожектеров и демагогов, т.к. уже ко времени «Славной революции» имела древнюю конституцию, Великую хартию вольностей и Билль о правах. А казнь короля и королевы в Париже он однозначно расценил как убийство [Там же, р. 185–186].

Преданность делу свободы и правам человека обусловила и деятельность Картрайта в рамках публичной жизни британцев. Он энергично поддерживал аболиционистов, выступавших за запрет работорговли, Общество друзей народа, созданное для продвижения дела парламентской реформы, Общество друзей свободы прессы; совместно с видными радикалами конца XVIII в. строил планы создания нового политического объединения, но не успел. Новые союзы уже создавались без него.

С небольшой долей преувеличения XVIII в. можно назвать веком истории, что обусловило становление философско-просветительской мысли, сохранение значимости прецедента в судебной и законотворческой практике, а также усиления ее места в повседневной жизни. Традиционно история наполняла примерами политическую полемику, одновременно достоверные, а чаще мифологические представления занимали важное место в формировании политической мысли [1, с. 165–180]. Этот парадокс прослежен в статье на примере места мифологизированных представлений о древней конституции и древнем Парламенте. Они послужили фундаментом выработки радикальной

программы преобразований архаичной системы представительства в идеях Джона Картрайта, которые имели отличия от формировавшейся во второй половине века радикальной доктрины.

Библиографический список / References

1. Айзенштат М.П. Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII века // Диалог со временем / Отв. ред. Л.П. Репина. 2015. № 51. С. 165–180. [Ayzenshtat M.P. The Past in the political culture of Britain in the second half of the XVIII century. *Dialog so vremem.* L.P. Repina (ed.). 2015. No. 51. Pp. 165–180. (In Russ.)]
2. Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. [Semenov S.B. *Radikalnoe dvigenie i borba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroy polovine XVIII veka* [Radical movement and struggle for parliamentary reform in England in the second half of the XVIII century]. Samara, 2008.]
3. Black J. *Eighteenth-Century Britain 1688–1783*. N.Y., 2001.
4. Bleakly H. *Life of John Wilkes*. L., 1917.
5. Brock M. *The great reform act*. L., 1973.
6. Cartwright F.D. *The Life and Correspondence of Major Cartwright*. L., 1825.
7. Christie I.R. *Wilkes, Wyvill and Reform. The parliamentary reform movement in British politics 1760–1785*. L.; N.Y., 1962.
8. *The great reform Bill of 1832. Liberal or conservative?* G.A. Cachill (ed.). Lexington, 1969.
9. Maccoby S. *English radicalism. 1832–1852*. L., 1935.
10. Osborn J.W. *John Cartwright*. Cambridge, 1972.

Статья поступила в редакцию 25.09.2019, принята к публикации 25.11.2019

The article was received on 25.09.2019, accepted for publication 25.11.2019

Сведения об авторе / About the author

Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра «История исторического знания», Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Marina P. Ayzenshtat – Dr. Hab. in History; leading researcher at the Research Center “History of Historical Knowledge”, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: m.aizen@mail.ru

К.А. БелоусоваМосковский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Революция в Ираке 1958 г. и изменение ситуации на Ближнем Востоке

Революция в Ираке 1958 г. явила собой пример буржуазной революции с ближневосточной спецификой. Она стала протестом против английского владычества, в частности, против Иракской нефтяной компании, которой управляли англичане, и господства крупных феодалов. Несмотря на существование довольно широкого спектра партий, революция была осуществлена группой «Свободных офицеров», это доказывает, что именно армия явилась самой политизированной и образованной прослойкой общества, способной выразить стремления мелкой буржуазии. Эта революция серьезно повлияла на ситуацию в ближневосточном регионе. С одной стороны, она способствовала росту национально-освободительных движений, с другой – не оправдала надежды арабов на сближение Ирака с Египтом. Революция изменила и позиции внешних сил, в том числе США, СССР и Великобритании.

Ключевые слова: революция в Ираке 1958 г., Иракская нефтяная компания, крупное землевладение в Ираке, Ближний Восток, политика США в Ираке

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Белоусова К.А. Революция в Ираке 1958 г. и изменение ситуации на Ближнем Востоке // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 48–58.

K.A. Belousova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Iraq Revolution in 1958 and the Change of Middle Eastern Situation

Iraq revolution in 1958 was an example of bourgeois revolution with Middle Eastern specific. It became a protest against English domination in the country, in particular against the Iraq Petroleum Company, which was under the leadership of Great Britain, and against big landlords' ownership. In spite of the fact that there was a wide range of political parties in the country revolution was made by a group of "Free Officers", which proves it was the army that was the most politicized and educated element of the society and it became a voice of petty bourgeoisie. This revolution greatly affected the Middle Eastern situation. On the one hand, it contributed to the growth of national liberation movements, on the other, it did not live up to the Arabs' hope for a rapprochement between Iraq and Egypt. The revolution also changed external power influence including such great countries as the USA, the USSR and Great Britain.

Key words: Iraq revolution in 1958, the Iraq Petroleum Company, big landlords' ownership in Iraq, the Middle East, the US policy in Iraq

CITATION: Belousova K.A. Iraq Revolution in 1958 and the Change of Middle Eastern Situation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 48–58. (In Russ.)

Революция 1958 г. в Ираке для государств Ближнего Востока имела большое значение. Она не только повлияла на внутривосточную ситуацию в регионе, но и существенно изменила глобальную расстановку сил, сложившуюся в результате формирования после Второй мировой войны блоковой системы международных отношений. По сути, революция явилась протестом против владычества Англии, господства Иракской нефтяной компании, которой владели англичане, и против крупного землевладения.

Когда в 1914 г. войска Великобритании начали оккупацию Ирака, они попытались привлечь местное население на свою сторону обещаниями помощи в завоевании независимости Ирака. На деле британская политика свелась к созданию марионеточных институтов, политически

закрепивших власть племенных шейхов и крупных земельных собственников. Так, в январе 1919 г. из феодалов суннитского вероисповедания была создана партия *Аль-ахд аль-Ираки* (Иракский завет). В нее вошли Нури Саид, Исмаил Намык, Джемаль аль-Мидфай, Тауфик ас-Сувейди, тесно связанные с сыновьями Хусейна Хашими: Фейсалом и Абдаллахом. Их привлекли на свою сторону обещанием земельной реформы, по которой земли крестьянских общин закреплялись за шейхами племен, духовной и светской знатью, компрадорской буржуазией. В задачу партии входило подготовить почву для полного политического подчинения Месопотамии английскому влиянию.

На международной арене политическое господство англичан было закреплено системой мандатов Лиги Наций. Наконец, в марте 1921 г. на Каирской конференции было провозглашено создание Королевства Ирак во главе с сыном хиджзского шерифа Хусейна – Фейсалом аль-Хашими. Во все ведомства королевского правительства были поставлены английские советники, в провинции полновластными господами стали английские инспекторы. Действительным правителем страны оставался верховный комиссар. Согласно англо-иракскому договору, навязанному Ираку в 1922 г., королевское правительство должно было руководствоваться «советами» английского верховного комиссара в вопросах международной и финансовой политики. Англия сохранила в Ираке свои войска.

В 1930 г. было подписано новое англо-иракское соглашение, по которому Британии было предоставлено неограниченное право размещать свои военные силы и осуществлять переброску воинских частей через Ирак. Армия Ирака также была под контролем англичан. Кроме того, по этому договору устанавливалось британское руководство над нефтяной промышленностью страны. Это соглашение связано с именем Нури Саида, который вплоть до революции 1958 г. занимал самые важные государственные посты и фактически руководил политикой государства.

По Портсмутскому договору 1947 г. британцы могли держать свои войска на территории Ирака до тех пор, пока не наступит «мир». И хотя Портсмутский договор не был ратифицирован, англичане до революции владели базами в Хаббании и Шуайбе по соглашению 1930 г.

Окупировав Ирак, англичане стали проводить практику комбинирования элементов османского управления государством с британским управлением, характерным для Индии, что помешало упадку королевской власти, возвысило полномочия племенных шейхов и крупных землевладельцев. Местная знать, таким образом, явилась собственником обширных полуфеодалных владений, а что касается рядовых членов племен, то они стали зависимыми крестьянами. Это послужило

причиной того, что сельская местность была фактически изолирована от городской, а развитие капиталистических отношений там было заморожено. Такое противоречие способствовало деформации в сельской экономической и политической системах, что не смогла преодолеть и революция 1958 г.

К концу 1950-х гг. 70% всех обрабатываемых земель было разделено между 3400 крупными землевладениями, из которых чуть больше 55% принадлежало 2484 феодалам, а 16,8% – 49 семьям [8, р. 18]. Они, собственно, и составляли класс землевладельцев, большая часть которых являлись одновременно шейхами племен. Население же Ирака на тот период насчитывало примерно 6,5 млн. чел. Иракское крестьянство влачило жалкое существование, даже по ближневосточным меркам. Большинство сельского населения, которое в 1957 г. насчитывало 3,8 млн чел., было безземельным [3, р. 91]. В 1953 г. британский медик описал иракского крестьянина как живой образец физической патологии и отметил, что ожидаемая средняя продолжительность жизнь в Ираке колеблется между 35 и 39 годами [5, р. 24]. К 1958 г. 80% населения страны были неграмотны, из них 90% составляли женщины. Менее 20% детей посещали школу. На 6 тыс. жителей приходился один доктор, и один стоматолог на 500 тыс. человек [8, р. 20].

Земельный закон от 1952 г., который расширил и дополнил законы 1931, 1932 и 1933 гг., подтверждал освобождение феодалов от налогов и предоставлял им право прямого управления, особо это касается региона Эль-Кут.

Накануне революции 1958 г. большинство иракцев расценивало крупное землевладение, а также монархию и власть несменяемого Нури Саида как порождение англичан. Поэтому уничтожение феодалов и политического аппарата связывалось иракцами с получением полной независимости от Англии.

К концу 1950-х гг. доходы от промышленного производства превысили доходы от торговли [Там же, р. 19]. Несмотря на это, буржуазия не имела реальной власти: в стране правила монархическая верхушка, высшая феодальная знать, Иракская нефтяная компания и англичане. Поэтому даже самые богатые буржуа были фактически исключены из процесса политического управления.

Мелкая буржуазия, учителя, врачи, офицеры, студенты представляли собой наиболее образованный контингент населения, который и являлся носителем националистических идей. Именно это прослойка наиболее активно выступала против присутствия англичан в стране.

Что касается рабочего класса в Ираке, то накануне революции 1958 г. он находился в процессе становления, что было связано со слабостью

промышленной буржуазии. В 1954 г. только 90 291 рабочий был занят в сфере промышленного производства, 15 249 – в нефтяной промышленности. Из существующих 22 460 предприятий 45% были семейными, 93% нанимали менее пяти рабочих. Только 294 фирмы нанимали более 20 рабочих и делили меж собой 44% всех промышленных рабочих. Только 30 тыс. рабочих были заняты на предприятиях, на которые нанимали 10 или более рабочих. Рабочий класс, таким образом, насчитывал, включая занятых на транспорте и в сфере услуг, 442 тыс. чел. из 26 млн городского населения. Большая часть рабочего класса была неграмотна, а поскольку многие недавно мигрировали из сельской местности, большинство являлось неквалифицированной рабочей силой [3, p. 91].

В 1952 г. американские нефтяные компании приняли принцип 50 на 50 в Ираке, что, по словам американского посла Дж. Макги, было сделано для того, чтобы «консервативные правительства в арабском мире получили больше денег» [цит. по: 9, с. 301, прим. 7]. Для Ирака это значило, что государственный доход от нефти подскочил с 10 до 60%. Однако контроль над производством нефти и ценами на нее оставался за Иракской нефтяной компанией, чьи представительства базировались в Нью-Йорке и Лондоне. Более того, иракский динар был связан с фунтом, поэтому на иракскую экономику неизменно влиял британский курс. И, несмотря на дополнительный доход, который стало получать иракское государство с 1952 г., правительство во главе с Нури Саидом не смогло преодолеть послевоенный финансовый кризис и осуществить сооружение дамб и ирригационных систем, столь необходимых стране.

Все политические партии в Ираке были запрещены, пресса находилась под строгой цензурой, в стране насчитывалось около 10 тыс. политических заключенных, к которым регулярно применялись пытки [8, p. 21]. В распоряжении Нури Саида была весьма эффективная полиция, обученная англичанами, а также множество шпионов и агентов, контролируемая пресса и лояльный парламент, состоявший, в основном, из крупных землевладельцев юга страны, которые, собственно, и являлись основной поддержкой премьера. К слову, парламенту потребовалось 10 минут обсуждений, чтобы ратифицировать столь важный для Нури Саида Багдадский пакт [Там же, p. 22].

В самом начале 1957 г. три основных оппозиционных партии Ирака, запрещенные в 1954 г. – Национальная демократическая партия (НДП), Иракская коммунистическая партия (ИКП) и партия Баас (ПАСВ, Партия арабского социалистического возрождения) – сформировали Фронт национального единства (ФНЕ). К нему примкнули не имевшие своей

партии насеристы¹, влияние которых усилилось после 1956 г., и другие, более мелкие оппозиционные группировки.

Буржуазная НДП была образована в 1930-х гг. Слабость ее организации и небольшое влияние в массах определялись слабостью самой национальной буржуазии. Однако ее лидеры обладали политическим весом. Мухаммед Хадид стал министром финансов в новом правительстве, а Худайиб аль-Хаджхмуд – министром сельского хозяйства.

ИКП, образованная в 1934 г., явилась, без сомнений, самой эффективной партией в Ираке. Будучи небольшой по численности, она была отлично организована, имела ячейки по всей стране и широкую поддержку населения. Под ее эгидой находились такие организации, как «Партизаны мира», Лига защиты прав женщин, Федерация демократической молодежи, ряд профсоюзов и др. Огромная популярность ИКП в 1958 г. и позже явилась причиной мужества, проявленного членами партии в предреволюционные годы, когда в период запрета всех партий коммунисты смогли мобилизовать и объединить основные оппозиционные силы.

Партия «Баас», основанная на идеях сирийской баасистской партии, была образована в 1954 г. Отражая чаяния мелкой буржуазии, она была популярна именно в этой среде. Ее малочисленность, тем не менее, возмещалась хорошей организацией партии, в т.ч. наличием собственных военных формирований.

В целом ФНЕ не был, по сути, сплоченной организацией; его членов объединяли цели освобождения от господства англичан и проведение, в первую очередь, аграрной реформы. Программа Фронта соответствовала идеям организации «Свободных офицеров» во главе с генералом А.К. Касемом и полковником А.С. Арефом, а формирование единой оппозиции подтолкнуло офицеров к действию. Высшие иракские военные были весьма политизированы, хотя и не связаны с какой-либо партией. Армия на мусульманском Ближнем Востоке, а тем более офицерство, представляла собой особую категорию интеллигенции в широком смысле этого слова. Более того, это была самая сплоченная, организованная, образованная и, что важно, многочисленная прослойка общества. Военные действия были согласованы с ФНЕ, однако революция 14 июля 1958 г. явилась полной неожиданностью для Фронта.

США не стали вмешиваться в иракскую революцию, хотя нужно отметить, что внимание США к Ираку и до революции было весьма

¹ Насеристы (сторонники египетского президента Г.А. Насера) – особая группа национальных патриотов, которая возникла во всех странах арабского Ближнего Востока после того, как Насер национализировал Суэцкий канал в 1956 г. и, таким образом, первым из всех ближневосточных лидеров радикально избавился от «опеки» англичан и французов.

умеренным. Пассивная политика США в Ираке объясняется целым рядом факторов. Ирак был традиционной сферой влияния Великобритании, стабильное положение внутри страны и твердая прозападная позиция Нури Саида не вызывали опасений и сомнений. Для США в предреволюционный период более значимую роль играла Сирия как центр арабского национализма, да и в целом духовный центр арабского мира, а также Иордания и Ливан, политическое положение которых было весьма шатким.

Есть мнение, что до революции 1958 г. два фактора: палестинский вопрос и проблема создания новой системы региональной безопасности, – влияли на американо-иракские отношения. Американо-иракские противоречия по первому вопросу не помешали зарождавшемуся сотрудничеству между двумя странами, но заложили основу для напряженности, трений и разногласий, которые стали доминирующей чертой американо-иракских отношений в течение нескольких десятилетий в будущем [7, р. 18]. Багдадский пакт, безусловное детище американцев, явился звеном в создании региональной цепи наступательно-оборонительных союзов или, по мысли государственного секретаря США Дж.Ф. Даллеса, элементом «северного яруса обороны» [4, р. 379].

Ирак занял одно из приоритетных мест в политике США на Ближнем Востоке только с конца 1957 г., когда американское военное командование стало проявлять интерес к возможностям строительства военных баз в Ираке, в частности, площадок для запуска ракет. По свидетельству сирийской газеты «Ан-Наср», иракские руководители благосклонно отнеслись к перемене «покровителя»: «В правительственные учреждения назначаются вместо английских сторонников американские. В генштабе проанглийски настроенные офицеры заменяются сторонниками американо-иракского сближения» [10, с. 3].

Вашингтон довольно быстро признал новый иракский режим А.К. Касема. На сегодняшний день такая позиция США кажется странной. Однако для 1958 г. невмешательство США в иракские события объясняется, в первую очередь, следствием биполярного противостояния и предвидением реакции СССР на любую агрессивную акцию со стороны США. Во-вторых, вполне возможно, что американцы опасались, что непризнание режима Касема могло подтолкнуть Ирак на объединение с президентом ОАР Г.А. Насером, хотя развитие событий показало, что это было совсем не так. В-третьих, США, конечно, надеялись, что Ирак, свергнув ненавистное владычество англичан, останется прозападным, но будет ориентироваться в своей политике на «атлантическую солидарность». В-четвертых, революция в Ираке была буржуазной и, несмотря на дружественные отношения, установленные Касемом

с Советским Союзом, ни о каком строительстве социализма в стране речи не шло.

Одним из главных достижений во время премьерства Касема была аграрная реформа, предложенная ИКП и явившаяся началом слома феодальных отношений в деревне. Политический вес крупных землевладельцев, а также большого бизнеса в стране был сильно подорван. Политическая и экономическая власть постепенно переходила в города, в руки мелкой буржуазии. Другим не менее важным достижением был закон от октября 1961 г., который завершил бесконечные, а потому безрезультатные переговоры с Иракской нефтяной компанией и ограничил права концессии до 0,5% от всей производимой нефти, а остальные 99,5% стали достоянием Ирака.

Революция в Ираке серьезно повлияла и на ситуацию в ближневосточном регионе. Падение иракского режима, служившего символом западной ориентации и моделью стабильности в бурном регионе Ближнего Востока, вызвало состояние беспокойства и страха всех «умеренных» правительств, особенно в Иордании, Саудовской Аравии и Ливане. Во внешней политике Ирак стал ориентироваться на СССР, что подтверждается заключением первого соглашения о торговле и военной помощи в конце 1958 г.

Однако именно для панарабских националистов, которые надеялись на полное сближение, вплоть до объединения, между Ираком и Объединенной Арабской Республикой (ОАР), революция 1958 г., несмотря на весь свой прогрессивный характер, оказалась самым большим разочарованием. Один из лидеров иракской революции Абд ас-Салам Ареф, который через два дня после *coup d'état* стоял на балконе в Дамаске рядом с Насером и получал публичные поздравления, через три месяца оказался в багдадской тюрьме под угрозой смертной казни. (Ареф тогда был близок к «Баас», и за это репрессирован Касемом, который опасался соперничества «Баас» и Насера как ее союзника.) К концу 1958 г. отношения между Ираком и ОАР были даже хуже, чем во время королевского режима. Насер называл Касема предателем арабского национализма. Кризис каиро-багдадских отношений достиг своей высшей точки в марте 1959 г., когда восстание в иракском г. Мосул, возглавляемое арабскими офицерами-националистами под руководством полковника аш-Шавафа и поддерживаемое ОАР, было жестоко подавлено. Осенью произошло неудачное покушение на Касема, приписанное агентам ОАР, что послужило поводом к предельному обострению отношений между Каиром и Багдадом [2, с. 78].

Возникшая ситуация оказалась предельно сложной для Насера. Касем, хоть и был настоящим арабским националистом, не только

не отдавал должного президенту ОАР, как это делали другие революционные лидеры, но и жестоко преследовал сторонников Насера в Ираке. Таким образом, Касем стал врагом Насера, а, значит, и ОАР. Однако бороться с таким врагом было крайне трудно. Касем отнюдь не был реакционером, как король Хусейн или Нури Саид, наоборот, он был героем Багдада, врагом предполагаемых империалистических врагов Насера и другом предполагаемого друга Насера, Советского Союза. Борьба с Касемом, таким образом, представляла угрозу политическому имиджу, престижу Насера, а также целостности египетско-сирийского союза. Сирия объединилась с Египтом частично из-за нежелания присоединиться к Ираку, что было целью иракской монархии. Теперь, когда последняя была низложена, отпала необходимость в защите от нее. Сирия согласилась на вступление в союз с Египтом и для того, чтобы способствовать свержению консервативных режимов, а в последующем стремиться к объединению арабских стран в единый союз. Сирийцы явились свидетелями падения ненавистного им иракского режима, но это не способствовало объединению, хотя после свержения Хашимитов именно Ирак по своему географическому положению, истории, экономике и социальной структуре был той страной, с которой Сирия могла бы искать союз в первую очередь.

Насер оказался в очень сложной ситуации. Он не мог не осуждать иракский режим за преследования своих сторонников, но, чтобы открыто выступить против него, он должен был быть уверен, что большинство партий в ОАР поддерживают его режим. На внутриарабской арене Насер должен был улучшить свои отношения с Иорданией и Саудовской Аравией в целях сотрудничества с ними по изолированию Ирака в Арабской Лиге. В апреле 1959 г. на встрече Совета Арабской Лиги Насер сделал неудачную попытку добиться официального осуждения режима Касема. Однако в августе 1959 г. были восстановлены дипломатические отношения между Иорданией и ОАР, а двумя неделями позже король Сауд прибыл в Египет с официальным визитом.

Директор ЦРУ Аллен Даллес назвал апрельскую ситуацию 1959 г. в Ираке «наиболее опасной в мире», мотивировав это тем, что коммунисты были близки к тому, чтобы «полностью захватить власть» [8, р. 26]. Такой поворот в отношении США к Ираку был неслучаен. Если сразу после революции Касем представлял собой возможного союзника (в докладах ЦРУ отмечалась антинасеровская направленность Касема), то позже, когда иракский лидер стал закупать оружие у СССР и даже включил в свое правительство нескольких коммунистов, отношение США к Ираку, естественно, изменилось.

Насер в это же время постарался улучшить отношения с США. Это было сделано им частично из некоторой лояльности к Амману и Эр-Рияду, но, скорее всего, это было прямым следствием подъема коммунистической активности в Ираке и ухудшением отношений Насера с СССР.

Такая пертурбация привела в смятение панарабских националистов как внутри, так и за пределами ОАР и особенно баасистов, которые осознавали, что Насер пошел на компромисс со своими революционными принципами, сотрудничая с Западом и монархическими режимами в регионе.

Как СССР, так и США понимали бесперспективность создания какого-либо объединения арабских государств. Но если в Советском Союзе под поддержкой лозунгов арабского единства подразумевалось объединение арабов в их национально-освободительной борьбе, то США поддерживали объединения на антинасеровской или антисирийской основе, т.е. «сводили дело к созданию условий для борьбы с националистическими режимами при опоре на консервативные арабские режимы, ориентирующиеся на тесные связи с Соединенными Штатами» [2, с. 64].

Революция в Ираке заставила Вашингтон удвоить масштабы своей помощи по доктрине Д. Эйзенхауэра [1, с. 156]. Что касается Советского Союза, то он был вынужден помогать двум государствам, которые находились в конфликте друг с другом. Кредит, выданный в феврале 1959 г. Ираку (137,5 млн дол.) был вторым по величине кредитом, выданным СССР до того времени (первый – Египту). Эта ситуация сыграла на руку США, которые только усилили свою политическую деятельность, чтобы Египет и Ирак противостояли друг другу, разжигая вражду между странами и, что, значительно страшнее, внутри них. Международный банк реконструкции и развития (МБРР) в декабре 1959 г. выдал ОАР кредит на сумму 56 млн дол. для расширения и углубления Суэцкого канала. Соединенные Штаты, основатели МБРР, не возражали против такого вложения средств. Это был, вероятно, ответ на то, что СССР предоставил кредит Ираку. Очевидно, что США пытались в своих интересах использовать напряжение, возникшее между Египтом и СССР.

В целом, «период 1959–1961 гг. был временем относительной пассивности в политике США, когда они не предпринимали значительных инициатив, а Ближний Восток оставался относительно спокойным» [7, p. 322].

Определенная лояльность нового иракского руководства к Западу, противоречия между Ираком и Египтом, сложность во взаимоотношениях между СССР, Ираком и Египтом играли на руку Вашингтону. Однако существовало несколько «но». Во-первых, Багдадский

пакт остался без Багдада. Во-вторых, пример иракской революции мог «заразить» и другие арабские страны. В-третьих, Ирак все более опирался в своей политике на СССР, и потому необходимо было там готовить новую революцию.

Библиографический список / References

1. Видясова М.Ф. Джихад без войны. Т. 2. Кн. 1. М., 2007. [Vidyasova M.F. Jihad bez vojny [Jihad without war.]. Vol. 2. Part 1. Moscow, 2007. (In Russ.)]
2. Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2006. [Primakov Je.M. Bligniy Vostok na scene i za kulisami [The Middle East: On the stage and behind the scenes.]. Moscow, 2006.]
3. Farouk-Slugett M. Contemporary Iraq. Some Recent Writing Reconsidered. *Review of Middle East Studies*. 1978. № 3. Pp. 87–99.
4. Foreign Relations of the United States. Washington, 1952–1954. Vol. IX.
5. Gabbay R. Communism and Agrarian Reforms in Iraq. L., 1978.
6. Polk W.R. The United States and the Arab World. N.Y., 1975.
7. Rubin B. The Arab States and the Palestine Conflict. N.Y., 1981.
8. Saddam's Iraq Revolution or Reaction? Committee against Repression and for Democratic Rights in Iraq. L., 1990.
9. Stork Joe. Oil and Penetration of Capitalism in Iraq. *Oil and Class Struggle*. P. Nore, T. Turner (eds.). L., 1980.
10. الحبيب وليد سياسة إنجلترا // النصر السورية. [Valid al-Khabib. The English Policy. *An-nasr*. 13.10.1957 (In Arabic).]

Статья поступила в редакцию 08.02.2019, принята к публикации 15.10.2019
The article was received on 08.02.2019, accepted for publication 15.10.2019

Сведения об авторе / About the author

Белюсова Ксения Андреевна – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института Истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Ksenia A. Belousova – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: thevp@mail.ru

В.А. Виталь

Независимый исследователь,
15551 г. Таллин, Эстония

Народный фронт Эстонии в период перестройки в СССР (1988–1991 гг.)

Эпоха перестройки в СССР открыла возможность для возникновения реальных, независимых от центра, народных движений. Впервые со многих вопросов был снят запрет, появилась возможность общественно-политической самоорганизации в прибалтийских республиках, без опасения быть обвиненными в национализме и сепаратизме. В этих группах были и представители республиканских этнических меньшинств. Новые движения возникли как Народные фронты в поддержку перестройки, но затем стали называться просто – Народными фронтами Эстонии, Латвии и Литвы. В статье проанализирована деятельность Народного фронта Эстонии в 1988–1991 гг. и сделан вывод о том, что многие его идеи не были осуществлены в независимой Эстонии в силу различных обстоятельств. Воспользовавшись этим, националистически ориентированные политики посеяли раскол в двух крупных национальных общинах Эстонии.

Ключевые слова: Эстонская ССР, Народный фронт Эстонии, перестройка в СССР, гласность, М.С. Горбачёв, Эдгар Сависаар, Марью Лауристин, «Поющая революция»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Виталь В.А. Народный фронт Эстонии в период перестройки в СССР (1988–1991 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 59–70.

© Виталь В.А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

V.A. Vital

Independent researcher,
Tallinn, 15551, Estonia

The People's Front of Estonia during the period of "perestroika" in the USSR (1988–1991)

The epoch of "perestroika" in the USSR presented the possibility for the emergence of real, independent from the center, people's movements. For the first time, the ban was lifted from many issues, the possibility of social and political self-organization in the Baltic republics appeared, without any fear of being accused of nationalism and separatism. These groups included representatives of republican ethnic minorities. The new movements were called the People's Fronts in support of perestroika, but then simply the People's Fronts of Estonia, Latvia and Lithuania. The article analyzes the activities of the People's Front of Estonia (NFE) in 1988–1991 and concluded that many ideas of the NFE were not implemented in independent Estonia due to various circumstances. Taking advantage of this, nationalist-oriented politicians sowed a split in two large national communities in Estonia.

Key words: Estonian SSR, People's Front of Estonia, "perestroika" in the USSR, glasnost', M.S. Gorbachev, Edgar Savisaar, Maryu Lauristin, the Singing Revolution

CITATION: Vital V. The People's Front of Estonia during the period of "perestroika" in the USSR (1988–1991). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 59–70. (In Russ.)

Во время своего визита в Ленинград 15–17 апреля 1985 г., а затем во время визита в г. Тольятти 8 апреля 1986 г., генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв впервые произнес слово «перестройка» [5]. На пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. он объявил об «ускорении социально-экономического развития страны» [1].

На XXVII съезде КПСС (февраль–март 1986 г.) встал вопрос о расширении гласности. Наступила эпоха, когда печатались ранее запрещенные книги, снималось кино нового формата, были освобождены из тюрем и «психушек» диссиденты. Провозглашалось возвращение к ленинским нормам в национальном вопросе. Это послужило сигналом для зарождения народных движений и инициатив абсолютно нового типа.

Толчком, побудившим советскую интеллигенцию к созданию Народного фронта, стала попытка консервативно настроенной части руководства СССР свернуть процессы гласности, демократизации и, в целом, «перестройки». Первыми о народном движении в поддержку «перестройки» и демократизации заговорили в Ленинграде, затем и в прибалтийских республиках.

Одним из таких объединений стали митинги противников разработки фосфоритов на территории ЭССР, что увенчалось победой и «окрылило» эстонское общество, создав предпосылки для широкого гражданского движения¹. Уже с середины 1988 г. в прибалтийских республиках СССР начали образовываться Народные фронты как движения в поддержку «перестройки». Первым Народный фронт (НФЭ)² возник в Эстонской ССР и сразу же сумел приобрести большое число сторонников, заработать авторитет и политический вес. К концу перестройки НФЭ утратил свой вес, уступив позиции национально ориентированным течениям.

13 апреля 1988 г., выступая на Эстонском телевидении в программе «Подумаем еще», один из авторов хозрасчета в ЭССР Эдгар Сависаар предложил создать народное движение в поддержку перестройки³. В ночь на 14 апреля была создана инициативная группа и подписана декларация Народного фронта, состоявшая из семи пунктов [6]. Движение позиционировалось как массовое народное, но не политическое, и официальные власти, одобряя деятельность Народного фронта, тем самым стремились снизить уровень напряжения в обществе. НФЭ возглавили Эдгар Сависаар и Марью Лауристин⁴. Политическая жизнь в Эстонской ССР «забурлила» летом 1988 г. множеством неформальных объединений. Консерваторы во главе с Карлом Вайно⁵ не смогли уловить

¹ «Фосфоритные войны» (25 февраля – 18 сентября 1987 г.) – народное движение против разработки новых месторождений фосфоритов на севере Эстонии. Считалось, что добыча полезных ископаемых нанесет непоправимый вред грунтовым водам и экологии Эстонской ССР.

² Народный фронт в поддержку перестройки, позднее Народный фронт Эстонии (НФЭ) – Eestimaa Rahvarinne (эст.). Дата основания – 13 апреля 1988 г., дата роспуска – 13 ноября 1993 г.

³ Эдгар Сависаар (род. в 1950 г.) – экономист, вместе с М. Лауристин первый председатель НФЭ, первый премьер-министр Эстонии (1990–1992 гг.), мэр Таллина (2001–2004, 2007–2015 гг.), вице-спикер Парламента (1992–1995 гг.), с 1991 по 2017 гг. – глава Центристской партии Эстонии. В КПСС состоял с 1983 по 1988 гг.

⁴ Марью Лауристин (род. в 1940 г.) – дочь известного эстонского коммуниста Йоханнеса Лауристина, доцент и заведующая кафедрой журналистики Тартуского университета. До 1995 г. занимала пост председателя Социал-демократической партии Эстонии. Министр социальных дел (1992–1994 гг.), депутат Парламента (1999–2003 гг.).

⁵ Карл Вайно (род. в 1923 г.) – с 1978 по 1988 гг. первый секретарь ЦК Коммунистической партии Эстонии.

волну и остались в оппозиции новым течениям. Митинги и демонстрации стали значительными по количеству участников: на Певческом поле 11 сентября в фестивале «Песнь Эстонии» участвовало более 300 тыс. чел. (25% населения ЭССР). Митинг сопровождался пением, когда все 300 тысяч участников пели одну песню единым хором. Митинг получил название «Поющая революция».

На предприятиях и в вузах появились самоорганизованные клубы в поддержку НФЭ. Одной из значительных акций НФЭ стала помощь в строительстве здания Национальной библиотеки, в этом участвовали около 4 тыс. его членов. При этом деятельность НФЭ не носила и не могла носить никакого антисоветского оттенка. Даже 23 августа 1988 г., в день подписания Договора о ненападении между СССР и фашистской Германией, когда стали известны факты о советско-германских договоренностях 1939 г., представители НФЭ заявили о том, что видят Эстонию в составе СССР. Тогда как националистически ориентированные группы уже тогда выражали желание выхода из Советского Союза [4].

К осени 1988 г. движение насчитывало около 60 тыс. чел. Народный фронт не позиционировался как сугубо национальное объединение эстонцев, в нем присутствовали также русские, украинцы, белорусы и другие представители разных национальностей ЭССР, а по факту – русскоязычные. Русскоязычные сторонники НФЭ отказывались создавать какие-либо национальные объединения, выступая фактически на стороне национального большинства. Социальный статус участников НФЭ также был весьма разнообразен: руководители республиканских предприятий, вузовские преподаватели, интеллигенция и простые работники предприятий, колхозов, совхозов и т.д. Из Москвы и от местных консервативных партийных чиновников звучали слова опасения о том, что НФЭ – это сугубо националистическое явление, опасное для советской власти, и оно может выйти из-под контроля, но, как видно, НФЭ был наднациональным движением и выступал с достаточно умеренных позиций. Это привлекало к нему людей, очень далеких от политики. Так, например, в НФЭ зарегистрировался известный ученый и преподаватель Тартуского университета Ю.М. Лотман, а также известный политэконом, академик М.Л. Бронштейн [2]. Перед I съездом НФЭ было создано 18 национальных делегаций (по 3–5 чел.), имевших право вето. Делегации были от представителей всех национальных групп, проживавших на тот момент в Эстонской ССР. Народный фронт терпимо относился к нацменьшинствам, населявшим Эстонию, но при этом нельзя отрицать, что НФЭ выступал за ограничение миграции в республику неэстонского населения [6].

НФЭ шел рука об руку с т.н. прогрессивной частью Коммунистической партии Эстонии (КПЭ), тогда как ее консервативная часть в лице К. Вайно продолжала придерживаться прежних взглядов, полных опасения потери контроля над народными массами. Это закончилось тем, что новым Первым секретарем ЦК КПЭ стал Вайно Вяльяс⁶, переведенный на эту должность с дипломатической работы, уроженец о. Хийумаа, пользовавшийся симпатией населения как свой человек. Вяльяс провел перестановки в аппарате ЦК КПЭ, обновив и омоложив кадры.

1–2 октября 1988 г. в Таллинском городском холле состоялся учредительный съезд Народного фронта, в ходе которого был выбран Совет уполномоченных и состав Правления, а также утверждены программа и Хартия НФЭ, в которой говорилось о поддержке курса КПСС на «перестройку» [6]. Таким образом, произошло официальное оформление НФЭ. Съезд НФЭ получил широкую огласку и приковал к себе внимание всего СССР. Горбачёв прислал свое приветствие съезду. Вяльяс, выступая на съезде, сказал следующее: «На недавнем пленуме ЦК Компартии Эстонии выступали коммунисты, активно включившиеся в движение Народного фронта. Я бы сказал больше: наличие Народного фронта – один из факторов, позволяющих сделать перестройку необратимой» [цит по: 9]. Этим заявлением Вяльяс обозначил важность общественных движений в поддержку перестройки, таких как НФЭ. Сависаар в своей речи напомнил, что до этого времени в СССР независимых и имеющих право голоса общественных движений не было: «Народный фронт считает своей миссией поиск возможностей сотрудничества с различными группировками, чтобы добиться социально-политического равновесия в обществе» [цит по: 9]. Национальный фронт Эстонии быстро стал мощной силой в общественно-политической жизни ЭССР, с которой нельзя было не считаться. Он выступал за демократизацию общественно-политической жизни, отказ от консерватизма сталинского типа, переход на региональный хозрасчет [6].

НФЭ ждал от Москвы «зеленого света» для того чтобы стать главной общественной силой перестройки, ее основным проводником в республике. Но Горбачёв мешкал, внешне выражал поддержку НФЭ, а на деле не давал ему свободы действий.

К концу 1988 г. напряжение в советском обществе нарастало: экономические проблемы, кризис власти, невнятная риторика Горбачёва, непонимание им реального положения вещей, – все это подталкивало Народные фронты прибалтийских республик к идее подписания нового Союзного договора, предполагавшего суверенитет в составе СССР,

⁶ Вайно Вяльяс (род. в 1931 г.) – первый секретарь ЦК КПЭ (1988–1990 гг.).

т.е. федерализацию. Эстонское партийное руководство также видело в федерализации вариант обновления СССР, но в лице Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Арнольда Рюителя было жестко «одернуто»⁷. Рюитель был вызван в Москву, где получил выговор и выслушал угрозы от Горбачёва и других советских руководителей. После возвращения Рюителя в Таллин Верховный Совет ЭССР, не теряя времени, принял поправки к Конституции и провозгласил суверенитет Эстонской ССР (результаты голосования: «за» – 254, «против» – 7). Верховный Совет СССР позднее отменил эти поправки, но это заставило Москву принять действенные меры для старта работы по обновлению взаимодействия по линии «Центр – союзные республики».

Верховный Совет ЭССР принял новую поправку к Конституции республики, провозгласившую эстонский язык государственным. Этот закон не дискриминировал носителей других языков, а лишь обеспечил статус и защиту языка национального большинства. НФЭ принял деятельное участие в принятии этого закона. Русскоязычная же часть НФЭ не выразила протеста по данному закону, дискутируя лишь по отдельным его частям [4].

Новый 1989 г. был отмечен празднованием Дня независимости Эстонии, и 24 февраля на башне Длинный Герман был поднят сине-черно-белый триколор – национальный флаг периода независимости⁸. За такой поступок в былое время можно было лишиться головы. Но даже в этой ситуации в республике никто не выдвигал каких-либо лозунгов и идей о независимости Эстонии от СССР. Напротив, интеллигенция видела Эстонию в обновленном, демократическом и федерализированном Советском Союзе. Видный политический деятель Эстонской ССР профессор М.Х. Титма писал в начале 1989 г.: «Разрыв с Россией – дело немыслимое, и это сегодня хорошо понимает каждый здравомыслящий эстонец. 50 лет в Союзе связали нас с ним крепко. Эстонцы понимают, что мы соседи с русским народом, и Эстония может быть свободна вместе с демократической Россией в демократической федерации. Ответственные политические силы эстонцев видят будущее Эстонии в составе обновленного перестройкой Союза» [цит по: 9]. НФЭ в этот период придерживался умеренной позиции, ожидая реакции от союзного Центра. Но подозрительность, недальновидность и слабое понимание реального положения дел политическим руководством в Москве во главе с Горбачёвым тормозили перестроечные процессы и сводили

⁷ Арнольд Рюитель (род. в 1928 г.) – председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (1983-1990 гг.).

⁸ 24 февраля 1918 г. была провозглашена независимость Эстонской Республики, впоследствии эта дата официально стала Днем независимости.

на нет все инициативы НФЭ и других сил, выступавших в поддержку перестройки. Инициативы НФЭ вызвали в Москве опасения, и, изображая заинтересованность, центр их попросту игнорировал, либо поступал старыми методами – жестко продавливал реализацию келейно принятых решений.

Медлительность и запоздалые решения Горбачёва и его окружения постепенно привели к экономическим трудностям в СССР. 1989 г. ознаменовался появлением товарного дефицита, продовольственных очередей, продуктовых карточек, что вызвало серьезное недовольство в прибалтийских республиках. КПЭ все большее слабела и постепенно сдавала свои позиции свежей силе – НФЭ. В этой обстановке началась подготовка к выборам в местные Советы народных депутатов.

23 августа 1989 г., в день 50-летия подписания «пакта Молотова – Риббентропа» и секретных протоколов о разделе сфер влияния в Европе, от Таллина до Вильнюса на протяжении 600 км выстроилась живая цепочка людей, получившая название «Балтийская цепочка». Это была акция нового формата, и она вызвала раздражение общесоюзного руководства, в результате чего появилось Заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики», в котором была дана жесткая оценка акции «Балтийская цепочка» [7]. В этой связи НФЭ призвал население Эстонской ССР не проводить каких-либо массовых акций, дабы не спровоцировать конфликт с центральными властями.

Идеология НФЭ в 1990 г. претерпела изменения: произошел отказ от идеи обновленного Союза и переход к мысли о полной независимости Эстонии. Также в НФЭ произошел внутренний раскол. Центристское крыло возглавил Сависаар, правое – Марью Лауристин. У НФЭ появились партии-конкуренты с различными политическими окрасами, и он утратил монополию, но все же оставался весомой политической силой. Заметным противовесом НФЭ стал Эстонский Конгресс (ЭК), партия, выступившая за выход из состава СССР, которую поддерживали эмигрантские организации эстонцев и националистически настроенные реваншисты. Члены ЭК были сторонниками радикальных методов, а НФЭ они объявили пособником «красных». Еще одним примечательным явлением стал Комитет граждан Эстонской Республики, который провел выборы в Конгресс Эстонии и на первом же заседании определил своей главной задачей восстановление независимости Эстонии. Конгресс избрал исполнительный орган – Комитет Эстонии. Примечателен тот факт, что на выборы в Конгресс Эстонии допускались лишь те, кто по состоянию на 1940 г. состоял в гражданстве Эстонии, либо их потомки. Это сразу определило дальнейший вектор политики Комитета Эстонии.

В феврале 1990 г. депутаты Верховного совета Эстонии приняли декларацию с требованием независимости. Далее начались необратимые процессы и в самом СССР: некоторые депутаты Верховного Совета СССР открыто называли Горбачёва предателем. Сама КПЭ разделилась на различные фракции, и в ней давно уже не было никакого единства мнений. 29 марта 1990 г. приступил к работе новый Верховный Совет ЭССР (ВС ЭССР), который возглавил Арнольд Рюитель. ВС ЭССР тоже был представлен разными политическим течениями, от умеренных до правых. НФЭ занимал левоцентристские позиции и был представлен в новом Верховном Совете тремя фракциями. В центре – независимые депутаты. Справа обосновались члены Конгресса Эстонии с их радикальными взглядами в отношении НФЭ, называвшие ВС ЭССР органом оккупационной власти. Тем не менее, НФЭ сформировал Правительство, т.к. обладал большинством, а председателем правительства стал лидер НФЭ – Сависаар. Политика нового Верховного Совета была направлена на восстановления независимости. 8 мая 1990 г. ВС ЭССР восстановил название «Эстонская республика» и действие Конституции Эстонской Республики от 1938 г. [11].

14 мая Горбачёв попытался одернуть руководство ЭССР. 15 мая оппозиционное НФЭ «Интердвижение» попыталось захватить здание ВС ЭССР, но попытка захвата провалилась, после этого деятельность «Интердвижения» как соперника НФЭ сошла на нет. Странники независимости Эстонии получили поддержку от российских либералов, сумевших занять важные государственные посты. Так, 28 июня 1990 г. лидер НФЭ и премьер-министр Эстонии Сависаар и мэр Ленинграда Анатолий Собчак подписали Договор о сотрудничестве двух городов, а Марью Лауристин участвовала в переговорах по проекту взаимоотношений Эстония – РСФСР в Москве. Таким образом, все более четко определялись линии распада СССР.

В первой половине января 1991 г. развернулись драматические события в Вильнюсе и Риге, которые закончились кровопролитием. Командование Прибалтийского особого военного округа (ПриОВО) планировало также ввести войска и в Таллин. В сложившейся ситуации НФЭ призвал граждан республики встать на защиту стратегически значимых объектов и выйти на улицы. В самый разгар событий, 13 января, в Таллин прибыл председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин, в срочном порядке (воспользовавшись очередным неуклюжим шагом Горбачёва) подписавший договоры о межгосударственных отношениях РСФСР и Эстонии, а также Латвии. Таким образом, Ельцин сумел «купить» себе симпатии руководства и большинства населения прибалтийских республик.

Затем было создано правительство Эстонии, которое также возглавил лидер НФЭ – Сависаар. Эстония фактически получила карт-бланш на самостоятельное решение всех вопросов, первым из них встал вопрос гражданства. 4 августа 1991 г. в Таллине прошла конференция НФЭ. Вопрос гражданства обсуждался в следующем ракурсе: гражданство предполагалось дать всем проживавшим на территории республики, вне зависимости от национальности [9].

Путч ГКЧП, поднятый в Москве 20 августа 1991 г., охватил и прибалтийский регион. Командование ПрибОВО объявило о принятии на себя полномочий руководства республик, запретив митинги и любые собрания. В Таллин была направлена Псковская дивизия ВДВ, военнослужащие которой заняли первые этажи телебашни. Лидер НФЭ Сависаар обратился к населению республики с призывом не подчиняться решениям ГКЧП. Руководство республики спешно формировало правительство в изгнании из тех политиков, которые были в Швеции или Финляндии. Но силового решения не было, путч в Москве провалился. 20 августа Верховный Совет провозгласил государственный суверенитет Эстонии, а 6 сентября 1991 г. Госсовет СССР признал его [8].

Народный Фронт в поддержку перестройки зарождался как проект прогосударственный и просоветский. Лидеры НФЭ стремились поддержать горбачёвские реформы «снизу», избегая какого-либо сепаратизма на начальном этапе и на следующих этапах развития движения. Само это движение было «срезом» различных социальных слоев ЭССР и отражало чаяния большинства жителей республики. Неповоротливость и заскорузлость бюрократической системы СССР не позволили использовать потенциал НФЭ в интересах обновления СССР, чем вызвали сначала недоумение в рядах фронта, а затем и полное разочарование в политике Москвы. После этого НФЭ направил свои силы на обособление ЭССР от остального Советского Союза: хозрасчет, больше полномочий республиканскому руководству, восстановление национальной символики, главенство эстонского языка. Почувствовав свою силу, НФЭ начал добиваться полного государственного суверенитета. Таким образом, Народный фронт в поддержку перестройки, разочаровавшись в самой перестройке, эволюционировал в Народный фронт Эстонии, став двигателем не просто политического плюрализма в СССР, базой для многопартийной системы в СССР, но и силой, добившейся государственного суверенитета Эстонии. Члены руководства НФЭ, такие как Марью Лауристин, Эдгар Сависаар и др., стали первыми министрами, парламентариями независимой Эстонии и политическими долгожителями. Марью Лауристин продолжительное время была председателем Социал-демократической партии Эстонии.

А вот последний Председатель Верховного Совета Эстонии Арнольд Рюйтель сделал, пожалуй, самую удачную карьеру, находясь с 2001 по 2006 г. в должности президента Эстонии. В последние годы он эволюционировал в своих взглядах, стал почетным председателем «ультра-правой» Консервативной народной партии Эстонии (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE), члены которой отличаются национальной и расовой нетерпимостью в отношении нацменьшинств Эстонии [1].

К сожалению, многие идеи НФЭ не были осуществлены в независимой Эстонии в силу различных обстоятельств: конкуренция с националистически ориентированными партиями, политическая незрелость руководителей молодого государства, их недалёковидность. Националистически ориентированные политики посеяли раскол в двух крупных национальных общинах Эстонии. Так, например, идея «нулевого гражданства» (т.е. предоставления гражданства всем жителям ЭССР) не была реализована, и часть русскоязычных жителей до сих пор не имеет гражданства Эстонии и политических прав, находясь в статусе «неграждан». Большая часть русскоязычных активистов НФЭ осталась «за бортом» активной политической жизни республики, довольствуясь общественной деятельностью. «Правые силы, которые пришли к власти в Эстонии в 1992 году, повернули колесо истории вспять», – отметил активный деятель НФЭ профессор Рафик Григорян в своем выступлении по случаю тридцатилетнего юбилея Народного Фронта Эстонии [3].

13 ноября 1993 г. НФЭ прекратил свое существование, а на его «осколках» были созданы различные партии, одна из которых (Центристская партия) под руководством бывшего лидера НФЭ Сависаара сохранила в своем составе наибольшее число бывших активных участников НФЭ. В самой партии остались те, кто продолжает отстаивать одну из главных идей НФЭ: Эстония – страна для всех ее жителей.

Библиографический список / References

1. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназаров (1985–1991) / Сост. А. Черныяев, В. Медведев, Г. Шахназаров. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. [V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyayeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarov (1985–1991) [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU... According to the notes of Anatoly Chernyayev, Vadim Medvedev, George Shakhnazarov (1985–1991)]. A. Chernyayev, V. Medvedev, G. Shakhnazarov (comp.). 2nd ed. Moscow, 2008.]
2. Калинина Ю. Голиков: «Народный фронт» родился в Эстонии под лозунгом поддержки перестройки. URL: <https://ee.sputniknews.ru/>

- analytics/20181002/13008181/golikov-narod-front-estonia-perestrojka.html (дата обращения: 10.02.2019). [Kalinina Ju. Golikov: The Popular Front was born in Estonia under the slogan of supporting perestroika. URL: <https://ee.sputniknews.ru/analytics/20181002/13008181/golikov-narod-front-estonia-perestrojka.html> (In Russ.)]
3. Калинина Ю. Григорян: нельзя забывать о тех, кто основал Народный фронт Эстонии. URL: <https://ee.sputniknews.ru/analytics/20181001/12984097/grigoryan-osnovatel-narod-front-ehstonia.html> (дата обращения: 03.12.2018). [Kalinina Ju. Grigoryan: we must not forget about those who founded the Popular Front of Estonia. URL: <https://ee.sputniknews.ru/analytics/20181001/12984097/grigoryan-osnovatel-narod-front-ehstonia.html> (In Russ.)]
 4. Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М., 2016. [Mezhevich N.M. Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka «vtorykh respublik» [Baltic States 2.0. A quarter century “second republics”. Moscow, 2016.]
 5. Михаил Горбачев: последний из СССР. 02.03.2016. URL: <https://tass.ru/politika/1800647> (дата обращения: 20.01.2019). [Mikhail Gorbachev: posledniy iz SSSR [Mikhail Gorbachev: The last of the USSR]. URL: <https://tass.ru/politika/1800647> (In Russ.)]
 6. Народный конгресс: Сборник материалов конгресса Народного фронта 1–2 октября 1988 г. / Сост. О. Отенсон. Таллинн, 1989. [Narodnyu kongress: sbornik materialov kongressa Narodnogo fronta 1–2 oktyabrya 1988 g. [People’s Congress: A collection of materials of the Congress of the Popular Front October 1–2, 1988]. O. Otenson (comp.). Tallinn, 1989.]
 7. О положении в республиках советской Прибалтики. Заявление ЦК КПСС // Правда. 1989. 27 августа. С. 1. [Statement of the CPSU Central Committee “On the Situation in the Republics of the Soviet Baltic States”. *Pravda*. 1989. August 27. P. 1. (In Russ.)]
 8. Постановление Госсовета СССР от 06.09.1991 г., № ГС-3. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr_usr_19438.htm (дата обращения: 16.11.19) [Postanovleniye Gossoveta SSSR ot 06.09.1991 g., № GS-3 [Decree of the State Council of the USSR of September 6, 1991, No. GS-3]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr_usr_19438.htm]
 9. Симонян Р.Х. Эстония. Обретение второй независимости. М., 2016. [Simonyan R.Kh. Estoniya. Obretneniye vtoroy nezavisimosti [Estonia. Gaining second independence]. Moscow, 2016.]
 10. Урмет К. Арнольд Рюйтель: ЕКРЕ и Isamaa в правительстве помогут защитить национальные интересы Эстонии. URL: <https://rus.err.ee/919329/arnold-rjuutel-ekre-i-isamaa-v-pravitelstve-pomogut-zawitit-nacionalnye-interesy-jestonii> (дата обращения: 16.05.2019). [Urmet K. «Arnol’d Ryuytel’: EKRE i Isamaa v pravitel’stve pomogut zashchitit’ natsional’nyye interesy Estonii» [Urmet K. Arnold Rüütel: EKRE and Isamaa in the government will help protect Estonia’s national interests. URL: <https://rus.err.ee/919329/arnold-rjuutel-ekre-i-isamaa-v-pravitelstve-pomogut-zawitit-nacionalnye-interesy-jestonii> (In Russ.)]
 11. Seadus Eesti sümboolikast. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/24029> (date of access: 16.12.2018).

Статья поступила в редакцию 18.02.2019, принята к публикации 30.04.2019
The article was received on 18.02.2019, accepted for publication 30.04.2019

Сведения об авторе / About the author

Виталь Владимир Анатольевич – независимый исследователь, г. Таллин, Эстония

Vladimir A. Vital – independent researcher, Tallinn, Estonia

E-mail: laskur41@gmail.com

О.Д. Сандомирская

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Война Босин (1868–1869) в Японии в освещении прессы Великобритании, Франции и США

В статье рассматривается реакция прессы Великобритании, Франции и США второй половины XIX в. на события войны Босин и начальный этап Революции Мэйдзи в Японии. Данные события привели к коренному изменению общественно-политической обстановки в Японии и, таким образом, сформировали общественное мнение ведущих мировых стран в отношении нее. Участие европейских и американских дипломатов во внутривнутриполитических процессах Японии в период форсированного окончания ее самоизоляции неоднократно исследовалось в историографии. Тем не менее, вопрос о том, как действия дипломатов освещались в национальной прессе этих стран, начал разрабатываться сравнительно недавно. Вместе с тем, такое исследование представляется актуальным ввиду того, что именно пресса как наиболее массовый источник информации сформировала общественное мнение читателей в отношении Японии. В качестве основных источников были привлечены обширные материалы шести наиболее влиятельных газет того времени: британских «Таймс» и «Манчестер Гардиан», американских «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Трибьюн», французских «Ля Пресс» и «Газета политических и литературных дебатов». Их контент-анализ позволил автору статьи исследовать специфику восприятия

прессой этих стран ряда эпизодов из истории Японии и дипломатических отношений между этой страной и ведущими мировыми державами, а также изучить особенности интерпретаций названными периодическими изданиями причин раскола в японской политической элите, приведшего к гражданской войне и реставрации императорской власти.

Ключевые слова: война Босин в Японии, Великобритания, Франция, США, революция Мэйдзи, «Таймс», «Манчестер Гардиан», «Нью-Йорк Таймс», «Трибюн», «Газета политических и литературных дебатов», «Ля Пресс»

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Сандомирская О.Д. Война Босин (1868–1869) в Японии в освещении прессы Великобритании, Франции и США // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 71–83.

O.D. Sandomirskaya

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The Japanese *Boshin War* (1868–1869) in British, French and American press

This article dwells upon the British, French and American press coverage of the Japanese *Boshin War* events and the initial stage of the Meiji Revolution in the second half of the 19th century. These events led to dramatic changes in the social and political situation in Japan, and, thus, at that time they formed the public opinion of the leading world countries toward Japan. The participation of European and American diplomats in the internal political processes of Japan in the regarded period has been repeatedly investigated by historians. Nevertheless, the question of how the actions of diplomats was covered in the national press of these countries began to be investigated relatively recently. At the same time, such a study seems to be relevant in view of the fact that it was the press that, as the most popular source of information, formed the public opinion of readers in terms of Japan. The main sources were extensive materials of six the most influential newspapers of that time: the British *Times* and the *Manchester Guardian*, the American *New-York Times*, the *New-York Tribune*, the French *La Press* and *Le Journal des Débats Politiques et Littéraires*. Their content analysis allowed

the author of the article to study the specifics of the press perception of these countries of a series of episodes from the history of Japan and diplomatic relations between this country and the leading world powers, as well as to study the peculiarities of the interpretation of the reasons for the split in the Japanese political elite by the periodicals that led to the civil war and restoration imperial power.

Key words: Japanese *Boshin War*, UK, France, USA, Meiji revolution, *Times*, *Manchester Guardian*, *New-York Times*, *New-York Tribune*, *La Press*, *Le Journal des Débats Politiques et Littéraires*

CITATION: Sandomirskaya O.D. The Japanese *Boshin War* (1868–1869) in British, French and American press. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 71–83. (In Russ.)

В середине XIX в. Япония, как никогда прежде, оказалась в центре внимания прессы ведущих мировых держав – Великобритании, США и Франции. В результате многолетней дипломатической борьбы [6], с использованием как мирной, так и военной дипломатии, представителям этих стран удалось насильно прервать самоизоляцию Японии и навязать ей дипломатическое и торгово-экономическое сотрудничество на невыгодных для нее условиях. Договоры 1854–1858 гг., получившие название *Ансэйских*¹, предоставили указанным странам возможность активного вмешательства во внутренние дела Японии. Это привело к росту националистических настроений в Японии, изданию «Указа об изгнании варваров» 11 апреля 1863 г. и войнам: Сацумско-британской 1863 г., Симоносекской 1863–1864 гг. и Войне Босин 1868–1869 гг. Ознаменовавшая завершение этих конфликтов Революция Мэйдзи закрепила начавшуюся модернизацию Японии и ее интеграцию в мировую систему международных отношений [2].

Роль дипломатов перечисленных стран в этих процессах неоднократно исследовалась в историографии [1; 3–5; 7], однако вопрос о том, как деятельность дипломатических служб освещалась в прессе, начал разрабатываться сравнительно недавно [10; 17; 18; 34]. Между тем, такой анализ представляется актуальным, поскольку именно пресса этих стран как массовый источник информации формировала общественное мнение этих стран в отношении Японии. Немаловажно и то обстоятельство, что пресса являлась основным источником новых сведений

¹ Ансэйские договоры (япон. 安政五カ国条約 – «договор годов Ансэй с пятью державами») были названы по девизу правления («Мирное управление») японского императора Комэя (1854–1860), при котором были подписаны договоры с США, Нидерландами, Россией, Великобританией и Францией.

о Дальневосточном регионе для западного читателя, чьи знания о Японии, в лучшем случае, восходили к эпохе Великих географических открытий, а в худшем – и вовсе отсутствовали [19, с. 7]. В связи с этим, представляется актуальным рассмотреть, каким образом пресса мировых держав освещала события войны Босин (1868–869) и начальный этап Революции Мэйдзи как событий, приведших к коренному изменению общественно-политической обстановки в Японии, и, тем самым, формировала мнение своих читателей.

В процессе исследования были проанализированы материалы шести наиболее влиятельных газет того времени: британских «Таймс» и «Манчестер Гардиан», американских «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Трибюн», французских «Ля Пресс» и «Газета политических и литературных дебатов» (далее – «Газета...»). С помощью автоматизированного поиска по оцифрованным версиям этих изданий было выявлено 11 528 материалов по исследуемой проблеме, опубликованных в 1863–1869 гг., из них для данной статьи было отобрано 34. В качестве ключевого слова для поиска использовалось слово «Япония» и его производные (рис. 1).

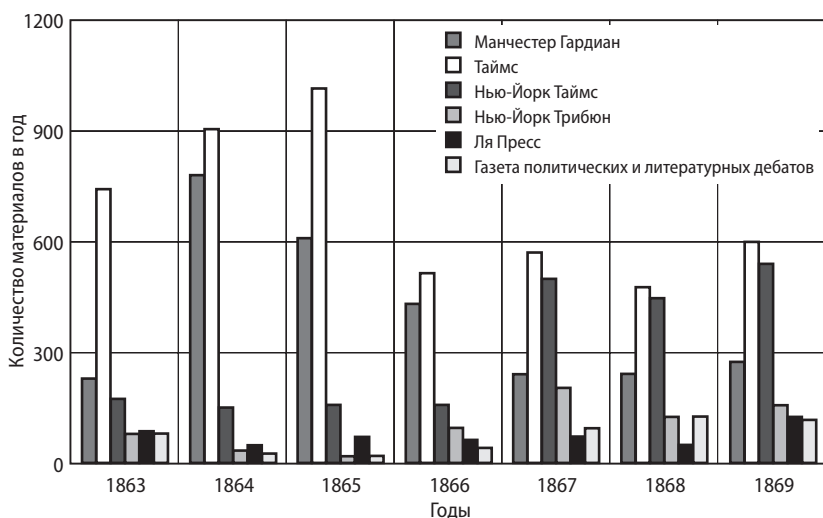

Рис. 1. Количество материалов, касающихся Японии, опубликованных в западных газетах в 1863–1869 гг.

В течение рассматриваемого периода наибольшее число публикаций с упоминанием Японии вышло в британской «Таймс», наименьшее – во французских изданиях (рис. 1). Это объясняется тем, что для Великобритании, занимавшей позиции лидирующей колониальной державы,

проникновение в Японию было логическим продолжением ее политики в отношении Китая, где она преуспела во время Опиумных войн (1839–1860), потеснив Францию и США. Рассматриваемые американские газеты также демонстрировали устойчивый интерес к Японии, однако явно меньший, чем в Британии. Видимо, следует учитывать, что внимание американской публики было, в первую очередь, приковано к событиям собственной Гражданской войны (1861–1865) и ее последствиям.

Говоря о характере публикаций, в которых упоминалась Япония, важно отметить, что лишь малая часть из них представляла собой полноценные статьи и репортажи. Чаще всего о Японии упоминали в колонках, сообщавших курсы обмена валют, а также о маршрутах судов и проведении аукционных торгов. В то же время после 1859 г., когда Японию смогли посещать журналисты, газеты освещали не только дипломатические переговоры, соглашения и конфликты, вопросы развития торговли, но и давали сведения о природе, климате, хозяйстве, культуре и быте этой страны. При этом публикации появлялись регулярно, но с опозданием на несколько месяцев, чему способствовало отсутствие прямой телеграфной связи с Японией.

На основании выявленных публикаций были выделены два основных вопроса, интересовавших мировые державы и их прессу в ходе этих событий: кто победит в войне между сёгуном и императором, и будет ли победитель соблюдать ранее заключенные договоры. В этот период дипломаты, в отличие от прессы, уже в целом понимали особенности государственного строя Японии. Они знали, что Япония была разделена на крупные княжества, во главе которых стояли наследные правители из знатных родов, даймё, признававшие власть императора и министра-военачальника сёгуна. Сёгуны опирались на созданные ими правительства бакуфу². Во внешней политике правительство бакуфу придерживалось курса самоизоляции страны – сакоку³.

В начальный период политического противостояния, т.е. с 1855 г. вплоть до 1864 г., мировые державы действовали против Японии

² Бакуфу (япон. 幕府 – «палаточный лагерь») – изначально термин означал ставку главнокомандующего, затем стал применяться для определения своеобразной формы правления в Японии, фактически военной диктатуры. Главнокомандующие обладали реальной политической властью, в то время как власть императора была номинальной и носила сакральный характер.

³ Сакоку (япон. 鎖国 – «страна на замке»). Политика Японии в 1635–1853 гг., основанная на принципе самоизоляции страны. Предполагала практически полный отказ от внешнеполитических связей с целью предотвратить распространение христианства в стране и не допустить роста влияния мировых держав. Начата в 1635 г. изданием «Эдиктов Сакоку».

преимущественно сообщая. Именно единодушие позволило им спровоцировать нарастание противоречий в политической элите Японии и использовать конфликты императора Комэя (1846–1867) с сёгунами из рода Токугава Иэсада (1853–1858) и Иэмоти (1858–1866) для заключения выгодных для себя соглашений. Однако после победы в Симоносекской войне против княжества Тёсю, бывшего главным оплотом борьбы с иностранным влиянием, интересы держав разделились. В условиях обострившейся борьбы за власть между императорским двором и сёгуном, имевшим поддержку части даймё, Великобритания и США стали поддерживать императора, а Франция – сёгуна. Внешне декларируя нейтралитет в отношении сторон конфликта, страны снабжали их оружием и присылали военных советников. Кроме того, исследователи отмечали и идеологическое влияние, которое оказывали переводная литература и личный опыт японцев, побывавших за границей и ознакомившихся с западными политическими институтами [36; 38].

Кульминации этот внутривластный и социальный конфликт, подпитываемый соперничеством между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией – с другой, достиг в 1867 г., когда после смерти императора Комэя трон унаследовал его пятнадцатилетний сын Муцухито (Мэйдзи) (1867–1912). Возобладавшая при дворе оппозиция сёгуну издала 3 февраля 1868 г. «Манифест о реставрации императорской власти», по которому институт сёгуна упразднился, но бывший сёгун Ёсинобу Токугава (1867–1868) должен был руководить правительством до реорганизации системы государственного управления. Попытка Ёсинобу Токугава и его сторонников удержать власть не имела успеха, хотя война императора против оставшихся верными сёгуну северных княжеств шла до лета 1869 г. 6 апреля 1868 г. была обнародована императорская программа преобразований, «Клятва пяти пунктов», в которой пятым пунктом закреплялся принцип открытости международному сотрудничеству.

Обратимся вначале к тому, как привлеченные нами издания объясняли раскол в японской политической элите в период этой войны, получившей название Босин (1868–1869).

«Нью-Йорк Таймс» видела причины войны в открытии портов для иностранцев [8, р. 5]. Однако ответственность за нее она возлагала на местных князей, даймё, которые «сопротивляются цивилизационным процессам» [42, р. 4]. Аналогичную позицию занимала и французская «Газета...» [14, р. 1]. Впоследствии она изменила свою позицию, заявив, что ставка первых дипломатов на союз с сёгунами была ошибкой. При этом она оправдывала этот промах тем, что в 1854 г. сёгун имел больше власти, чем император [31, р. 2].

Некоторые издания возлагали ответственность за начало конфликта на молодого императора Мэйдзи. Так, «Таймс» характеризовала его как «слабую марионетку» [11, р. 4]. Справедливости ради стоит отметить, что «Таймс» предлагала читателям две точки зрения: сторонников и противников вмешательства во внутренние дела Японии. На позиции невмешательства стоял, например, Ш. Осборн (1822–1875), адмирал, участник Крымской войны и Второй Опиумной войны. Он полагал, что задача британского правительства – предотвращать конфликты с местным правительством [25, р. 5].

Рассмотрим далее вопрос о том, как пресса освещала ход событий во время противостояния. Первое, на что следует обратить внимание, – это односторонняя подача информации, поскольку затрагивались лишь вопросы, связанные с интересами ведущих мировых держав. На страницах исследуемых изданий японская гражданская война представляла как противостояние приверженцев императора и сёгуна, в крайнем случае, как борьба сторонников и противников вестернизации. Социальные и экономические противоречия, также способствовавшие возникновению конфликта, игнорировались [25]. Газета «Ля Пресс» разделяла участников революции на «князей Севера», сторонников сёгуна, и «князей Юга», поддерживавших императора. Кроме того, газета утверждала, что северные княжества готовы решить конфликт мирным путем – в суде в Великобритании, Франции или США, однако в статье не уточнялось, откуда у журналиста появилась такая, очевидно, секретная информация.

Освещение гражданской войны в Японии по горячим следам не представлялось возможным, поскольку новости приходили с большим опозданием. Зато видно, насколько сильно журналисты ошибались в своих прогнозах и оценках происходящего. К примеру, корреспондент американской «Трибьюн» характеризовал политическую обстановку в Японии в 1867 г. как благоприятную и возлагал большие надежды на нового сёгуна, а также на то, что нововведения иностранцев (школы, церкви, железная дорога, телеграф, газеты) склонят японцев к взаимовыгодному сотрудничеству. В марте 1867 г. «Трибьюн» поспешила сообщить о победе императора над сёгуном, хотя конфликт только разгорался.

В целом, «Трибьюн» в меньшей степени, чем остальные газеты, пыталась разобраться в тонкостях японской политики и рапортовала о «полном изменении уклада правления» [45, р. 4]. Только в 1868 г. она опубликовала статью, в которой читателям разъяснялось политическое устройство Японии и история данного вопроса, император впервые назывался императором, а сёгун – тайкуном (для сравнения: аналогичные статьи в других западных изданиях вышли еще в 1854–1855 гг.).

В то же время в 1868 г. японские граждане были впервые включены в статистическую сводку по иммигрантам в Нью-Йорке. Согласно представленным в «Трибьюн» данным, за 1867 г. в город въехали 87 японцев (для сравнения за тот же год: 117 519 немцев, 65 132 ирландца, 185 русских) [46, р. 1].

Отметим, что, в отличие от британских и французских газет, американская пресса довольно подробно описывала сами военные столкновения, в частности, осаду Хакодате императорскими войсками (4 декабря 1868 г. – 27 июня 1869 г.), отмечая умелое командование с обеих сторон. Статьи «Нью-Йорк Таймс» о ходе гражданской войны и начальном этапе революции примечательны еще и тем, что в них впервые появляются имена японских даймё и сёгунов, но по-прежнему сохраняется путаница в японских именах собственных, должностях и титулах. Последнего сёгуна называли и *Stots-bashi* и *Stotsbashi*.

«Нью-Йорк Таймс» завершила освещение Войны Босин в 1869 г., сообщив о переезде императорского двора в Эдо и о разрушении «каменной стены, обитой железом», отделявшей Японию от остального мира [48, р. 4]. Мятёжное государство сёгуна ни разу не было упомянуто газетой, но публикации о «продолжающейся войне Японии за прогресс» продолжали выходить вплоть до августа этого года [49, р. 1].

Освещение войны Босин во французской «Газете...» велось с большим воодушевлением. Новость об упразднении сёгуната была напечатана на первой полосе и сопровождалась аналитическим комментарием. «Газета...» сожалела о том, что ряд журналистов призывал к вмешательству в конфликт, чтобы поддержать сёгуна, одновременно превознося политику невмешательства как «якорь надежды современного общества» [16, р. 1]. Выражалось сомнение в верности выдвинутой французскими ученым версии о том, что даймё – это закостенелые феодалы, а сёгун – реформатор, как и в понимании особенностей японской государственности через призму французских реалий XIX в. «Газета...» упрекала американцев и британцев в желании нажиться за счет гражданской войны в Японии и призывала своих соотечественников не следовать их примеру [Там же]. В последующих публикациях издание выражало сочувствие Японии, называя ее «бедной страной» [32, р. 2]. Она также сообщала о начавшихся преобразованиях и оперативно извещала своих читателей об успехах французской миссии при новом правительстве, как-то: получении компенсаций за порчу имущества, наказании виновных в нападении на французских матросов, о приглашении французских дипломатов на аудиенцию к императору [44, р. 1].

В «Ля Пресс» также следили за развитием противостояния между императором и сёгуном. Вслед за французским правительством

«Ля Пресс» встала на сторону императора и начала создавать образ милостивого и прогрессивного монарха. Например, сообщалось о замене смертного приговора сёгуну на его изгнание в родовое княжество Мито. В той же заметке говорилось о намерении создать новую систему государственного управления [26, р. 1]. Сёгун, напротив, стал позиционироваться как мятежник [33, р. 1]. В конце лета 1869 г. чаще стали печататься новости о мирной жизни в Японии: например, о строительстве больницы в Хёго и разведке угольных шахт [28, р. 1]. «Ля Пресс» удостоила Японию упоминанием в разделе «театральные новости». Наряду с информацией о премьерах во французских театрах, сообщалось, что в Японии «театры такие же, как в Париже» [39, р. 2].

Редакция «Таймс» предпочитала не акцентировать внимание на событиях войны, зато регулярно сообщала читателям о том, как открываются новые порты для иностранцев. Иногда сообщения звучали комично: «При открытии порта города Осаки первого января 1868 г. трудностей не возникло. Присутствовали 12 британских, 6 американских и один французский военный корабль» [12, р. 7] – разумеется, японцы, памятуя об опыте бомбардировки Канагавы, не препятствовали (да не могли препятствовать!) их открытию при столь внушительной, по их меркам, военной мощи противника. По традиции «Таймс», за новостью об открытии порта следовал материал о городе, с описанием его местоположения, хозяйственной и культурной жизни. Автор материала лестно отзывался об Осаке, называя город «японским Парижем» [Там же, р. 8]. В другой статье бухта города сравнивалась с пейзажами Женевского озера и сообщалось, что здесь варят лучшее сакэ в Японии. Продолжая тему, автор иронично утверждал, что местные князья пристрастились к светлому пиву и шампанскому, что «дает возможность питать смелые надежды в отношении их полной цивилизованности» [Там же]. Корреспондент не сомневался в перспективности британо-японских отношений, но только в отдаленном будущем, благодаря воздействию европейской техники и капиталов. А пока, констатировал он, Великобритания могла получить от Японии лишь немного шелка, древесины, бронзовых и фарфоровых безделушек [Там же].

В целом, «Таймс» считала гражданскую войну в Японии угрозой развитию ее сотрудничества с Британией, США и Францией [50, р. 7]. Официальная позиция, передававшаяся общественности через «Таймс», заключалась в том, что император – сторонник прогресса и связей с Западом, а сёгун – сторонник сохранения изоляции страны [35, р. 10].

Особое место в публикациях перечисленных газет занимала возможная угроза жизни иностранцев и сохранности их имущества. Именно ее западные дипломаты использовали как предлог для увеличения своего

военного контингента в стране. Так, августе 1869 г. «Нью-Йорк Таймс» отмечала антизападные настроения среди японцев, в связи с которыми Великобритания переводила часть кораблей от берегов Китая в порты Японии для обеспечения защиты европейских поселений [20, р. 1]. В своей консервативной манере «Трибьюн», т.е. апеллируя не к «цивилизованности» японцев, а к военной мощи США, успокаивала читателей, отмечая, что «за последние десять лет японцы видели и слышали слишком много о могуществе западной цивилизации, чтобы попытаться вернуться к изоляционистской политике» [21, р. 1; 47, р. 1].

Во французской «Газете...» японцев обвиняли в «фанатизме» и «промышленной отсталости», но, вместе с тем, выражали сомнение в том, «так ли уж необходимо присутствие европейцев там, где им настолько не рады» [15, р. 1]. «Ля Пресс» беспокоилась о судьбе военных консультантов, направленных Великобританией и Францией ко двору императора и сёгуна соответственно. Она объясняла их выдворение из Японии отсутствием денег в японской казне на оплату их услуг, а также возросшим влиянием британского дипломата Г. Паркса (1828–1885) [13, р. 1–2]. Недружественное отношение к Великобритании не мешало этому изданию перепечатывать из «Сан» рассказы об оскорблениях, которым подвергались иностранцы в Японии: например, коляску капитана британского фрегата «Океан» остановили, чтобы пропустить экипаж местного даймё; французский лейтенант получил удар палкой по голове и был оставлен лежать без сознания; голландцу с трудом удалось прогнать трех японцев, пытавших поджечь французское посольство [40, р. 2]. В заметке от 13 августа 1869 г. отмечалась «ненависть» местного населения в отношении иностранцев [27, р. 2].

«Таймс» также была обеспокоена судьбой соотечественников в Японии и не преминула сообщить о покушении на голландского министра [30, р. 10] и об убийстве двух британских матросов в Нагасаки [29, р. 9]. В апрельском выпуске газеты за 1868 г. рассказывалось о нападении на Паркса во время его визита к императору [23, р. 9]. Отдельная статья была посвящена атаке 23 марта 1868 г. на британских, французских и голландских дипломатов, в т.ч. на Э. Сатоу (1843–1929) во время их визита в Киото по приглашению императора. Свидетель событий подробно описал этот инцидент, подчеркивая мужество иностранных дипломатов и трусость их японской охраны. Задержанный нападавший не имел представления о национальности своих жертв и просил казнить его как можно скорее [9, р. 10].

На фоне этих сообщений контрастом выглядит заметка о визите в Японию второго сына британской королевы Виктории принца Альфреда, герцога Эдинбургского (1844–1900), первого представителя

западных монархий, посетившего эту страну. Описывая его прием в сентябре 1869 г., «Нью-Йорк Таймс» подчеркивала уважение, которое по отношению к нему проявила японская сторона: окна на верхних этажах домов, расположенных по маршруту следования его кортежа, были закрыты для того, чтобы никто не мог смотреть на него «сверху вниз». Как отмечала газета, подобная честь оказывалась только правителям Японии [24, р. 11]. «Манчестер Гардиан», рассказывая об этом событии, отмечала «сердечный» характер приема [43, р. 4]. Несмотря на неофициальный характер визита, для британской стороны он символизировал усиление ее влияния в регионе через установление дружественных отношений с японским императором [37, р. 135].

Представленный обзор освещения рядом газет событий, происходивших в Японии в 1867–1869 гг., позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на поверхностное понимание причин, хода и последствий войны Босин, журналисты, тем не менее, в целом верно описывали ее основные реалии. Ошибочность в их оценках объяснялась не только культурным и языковым барьером, но также и невозможностью оперативно получать и передавать информацию. При этом важно отметить, что газеты перестали ссылаться на средневековые западноевропейские тексты как на основные источники информации о Японии.

Во-вторых, для отношения мировой прессы к Японии и ее политикам, а также к простому народу, была характерна та же предвзятость, что и для правительств ведущих стран, считавших Японию очередным плацдармом для своих колониальных интересов. Вместе с тем, в ряде изданий, таких, как французская «Ля Пресс», можно увидеть попытку переосмысления этой концепции в более благоприятном для Японии свете. Нарастание тенденции наблюдается уже в начале Революции Мэйдзи, которая воспринималась наблюдателями как однозначно положительное явление.

В-третьих, стремясь передать «восточный колорит», пресса способствовала проникновению ряда японских слов и понятий, таких как сёгун, тайкун, самурай, рикша, в массовую культуру стран ведущих мировых держав. В начале 1860-х гг. в журналистских репортажах они дополнялись разъяснениями и аналогиями, но уже через несколько лет стали использоваться как самостоятельные понятия.

Библиографический список / References

1. Бордаков М.А. Особенности освещения Русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 157–162. [Bordakov M.A. Features of publicizing

- Russian-Japanese War of 1904–1905 on pages in the Far Eastern press. *Far Eastern Affairs*. 2016. No. 1. Pp. 157–162. (In Russ.)]
2. Верисоцкая Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток, 2005. [Verisotskaya E. Vesternizaciya, nacional'naya ideya i realii yaponskoj politiki v epohu Mejdzi [Westernisation, national idea and the reality of Japan policy in the Age of Meiji]. Vladivostok, 2005.]
 3. Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996. [Molodyakov V. Obraz Yaponii v Evrope i Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [The image of Japan in Europe and Russia in the second half of the 19 – early 20 centuries]. Moscow, 1996.]
 4. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956. [Narochnickij A. Kolonial'naya politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke 1860–1895 [Colonial policy of the capitalist powers in the Far East 1860–1895]. Moscow, 1956.]
 5. Никонов О.А. Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2017. № 1. С. 32–45. [Nikonov O. Evolution of colonial policy of Great Britain in the East (the second half of the 19th – first half of the 20th centuries). *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2017. No. 1. Pp. 32–45. (In Russ.)]
 6. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2016. [Sergeev E. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Big Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian and British Relations in Central and East Asia]. Moscow, 2016.]
 7. Файнберг Э.Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954. [Fajnberg E. Vnutrennee i mezhdunarodnoe polozhenie Yaponii v seredine XIX veka [Internal and international affairs of Japan in the middle of 19 century]. Moscow, 1954.]
 8. A formidable revolution in Japan. *New-York Times*. 17.02.1868.
 9. Attack on the English mission in Japan. *The Times*. 20.05.1868.
 10. Beasley W.G. Great Britain and the Opening of Japan, 1834–1858. Kent, 1995.
 11. China. *The Times*. 11.03.1869.
 12. China and Japan. *The Times*. 25.02.1868.
 13. Chronique politique. *La Presse*. 05.06.1869.
 14. Faits divers. *Journal des débats politiques et littéraires*. 01.03.1868.
 15. France. *Journal des débats politiques et littéraires*. 23.05.1868.
 16. France. *Journal des débats politiques et littéraires*. 25.03.1868.
 17. Hall F. Japan through American eyes: The journal of Francis Hall, Kanagawa and Yokohama, 1859–1866. Ed. and annot. by F.G. Notehelfer. Princeton, 1992.
 18. Hammersmith J.L. Spoilsmen in a flowery fairyland: The development of the U.S. legation in Japan, 1859–1906. Kent, OH, 1998.
 19. Huffman J.L. A Yankee in Meiji Japan: The crusading journalist Edward H. House. Lanham; N.Y.; Oxford, 2003.
 20. Japan. *New-York Times*. 09.08.1869.
 21. Japan. *The New-York Tribune*. 22.04.1868.
 22. Japan. *The Times*. 06.01.1868.
 23. Japan. *The Times*. 30.04.1868.

24. Japanese Affairs. *New-York Times*. 30.10.1869.
25. Japanese politics. *The Times*. 29.02.1868.
26. Japon. *La Presse*. 05.07.1868.
27. Japon. *La Presse*. 13.08.1867.
28. Japon. *La Presse*. 15.08.1869.
29. Japon. *The Times*. 14.09.1867.
30. Japon. *The Times*. 20.08.1867.
31. Journal des débats politiques et littéraires. 10.08.1868.
32. Journal des débats politiques et littéraires. 25.04.1868.
33. Lefèvre C. Chronique Politique. *La Presse*. 07.07.1868.
34. Medzini M. French policy in Japan during the closing years of the Tokugawa regime. Harvard, 1971.
35. Money-Market and city intelligence. *The Times*. 20.04.1868.
36. Munson T.S. The periodical press in treaty-port Japan: Conflicting reports from Yokohama, 1861–1870. Leiden, 2012.
37. Nish I., Kibata Y. The history of Anglo-Japanese relations, 1600–2000. Vol. 1. The political-diplomatic dimension, 1600–1930. Basingstoke, 2000.
38. Nobutaka I. Western influences on the Meiji Restoration. *Pacific Historical Review*. 1948. Vol. 17. № 1. Pp. 1–10.
39. Nouvelles des theaters. *La Presse*. 17.10.1869.
40. Nouvelles du Jour. *La Presse*. 11.07.1869.
41. Outrages in Japan. *The Times*. 27.05.1868.
42. Revolution in Japan. *New-York Times*. 18.02.1868.
43. Summary of News. *The Manchester Guardian*. 27.10.1869.
44. Télégraphie privée. *Journal des débats politiques et littéraires*. 19.05.1868.
45. The New-York Tribune. 03.01.1868.
46. The New-York Tribune. 21.01.1868.
47. The New-York Tribune. 21.03.1868.
48. The revolution in Japan – Removal of the capital. *New-York Times*. 18.01.1869.
49. The revolution in Japan – Removal of the capital. *New-York Times*. 21.08.1869.
50. Trade with Japan. *The Times*. 28.02.1868.

Статья поступила в редакцию 10.09.2019, принята к публикации 15.10.2019

The article was received on 10.09.2019, accepted for publication 15.10.2019

Сведения об авторе / About the author

Сандомирская Ольга Дмитриевна – аспирант кафедры регионоведения факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Olga D. Sandomirskaya – Postgraduate Student of the Department of Regional Studies of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University

E-mail: Sandomirskaya.olga@gmail.com

Теория и философия
политики, история
и методология
политической науки

В.О. Беклямишев

Фонд «История Отечества»,
105062 г. Москва, Российская Федерация

Концептуализация понятия «историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле

В статье рассматривается понятие «историческая аналогия», заимствованное из словаря современной политической лингвистики. В первом разделе автор характеризует различные подходы к анализу обозначаемого им феномена – когнитивного процесса, риторического приема и способа вербализации исторической идентичности. Во втором разделе рассматривается синонимичный термин «историческая метафора», расцениваемый автором как некорректный. В третьем разделе уделяется внимание теории прецедентности – базовой методологической рамке при изучении исторических аналогий в отечественной лингвистике. Отмечается, что прецедентные феномены из сферы истории не в полной мере отвечают традиционным критериям прецедентности, поскольку «считываются» лишь представителями определенного мнемонического сообщества и предполагают практически несводимую множественность соперничающих интерпретаций.

Ключевые слова: историческая аналогия, политический дискурс, коллективная память, политика памяти, политическое использование прошлого

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33046 Наставник_опн «Исторические аналогии как фактор восприятия политической реальности в молодежной среде».

© Беклямишев В.О., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Беклямишев В.О. Концептуализация понятия историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 84–95.

V.O. Beklyamishev

“History of the Motherland” fund,
Moscow, 105062, Russian Federation

Conceptualization of the concept of “historical analogy” in an interdisciplinary problem field

The article discusses the concept of “historical analogy”, borrowed from the dictionary of modern political linguistics. In the first part, the author characterizes various approaches to the analysis of this phenomenon as the cognitive process, the rhetorical method and the method of verbalization of historical identity. In the second part, the author discusses the synonymous term “historical metaphor”, regarded by the author as incorrect. The third part focuses on the “case theory” – the basic methodological framework for the study of historical analogies in Russian linguistics. It is noted that case phenomena from the sphere of history do not fully meet the traditional criteria of “case theory”, since they are “read” only by representatives of a certain mnemonic community and suggest an almost irreducible multiplicity of competing interpretations.

Key words: historical analogy, political discourse, collective memory, policy of memory policy, political using of past

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the RFBS and the Autonomous Non-profit Organization EISR within the framework of the scientific project No. 19-011-33046 Mentor_opn “Historical analogies as a factor in the perception of political reality in the youth environment”

CITATION: Beklyamishev V.O. Conceptualization of the concept of “historical analogy” in an interdisciplinary problem field. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 84–95. (In Russ.)

Значительная роль исторической аргументации в современном публичном дискурсе обуславливает неослабевающий интерес к ней. По замечанию политолога О.Ю. Малиновой, понятийный аппарат подобных исследований не отличается единообразием, т.к. специализация данного проблемного поля еще далека от своего завершения [10, с. 180]. В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к сравнительно развитому языку описания «риторики прошлого», выработанному современной политической лингвистикой.

Систематизировав различные дискурсивные стратегии в отношении «коллективного» прошлого, Л. Хонгтао и Р. Сварверуд разделили их на коммеморацию (продвижение определенной интерпретации исторического события в публичном пространстве), погружение современной проблемы в ее исторический контекст и проведение исторической аналогии [30, р. 359]. Предметом данной статьи является последний случай – на наш взгляд, наименее изученный в российской исследовательской традиции.

Отметим, что общепризнанного определения исторической аналогии на сегодняшний день не выработано. Например, хорватский политолог Д. Пехар определяет ее как «проекцию образа прошлого (источник) на образ настоящего или будущего (мишень)» [36, р. 117], а российский лингвист О.А. Солопова – как «эксплицитное или имплицитное сравнение прошлого и будущего, базирующееся на прецедентных именах и ситуациях» [18, с. 24].

В различных исследовательских текстах, корпус которых весьма обширен, также используется ряд синонимичных понятий: «историческая метафора», «прецедентное сравнение из сферы истории», «интертекстуальная метафора» и т.д. Вопрос о корректности их употребления применительно к историческим аналогиям будет рассмотрен нами позднее.

Традиция изучения исторических аналогий в зарубежной политической лингвистике достаточно обширна. Латвийская исследовательница Д. Джургелевиуте выделяет в ней четыре магистральных направления: когнитивное, когнитивно-инструментальное, инструментальное и конструкционистское [31, р. 45]. Наибольшее развитие на сегодняшний день получил когнитивный подход, предметом которого является использование исторических аналогий в процессе принятия управленческих решений [16; 20].

Внимание к внеязыковым (ментальным) аспектам порождения и функционирования исторических аналогий побуждает исследователей-когнитивистов опираться прежде всего на социологический и психолингвистический инструментарий. Например, при анализе

воздействия аналогии между партиями-сателлитами НСДАП и современными немецкими ультраправыми партиями применялись методы опроса и социологического эксперимента [38]. Схожий эксперимент, в рамках которого представителям двух возрастных когорт предлагалось выбрать между аналогиями «Вьетнам» и «Вторая мировая война» применительно к военной кампании США в Ираке, был осуществлен ранее американскими социологами [37].

Определенной популярностью среди когнитивистов пользуется компаративный анализ. Путем сопоставления публичных выступлений и мемуарных источников, объединенных авторством одного лица (как правило, политического деятеля), уже постфактум осуществляется демаркация его когнитивных аналогий (лежащих в основе принятия решений) и тропов, используемых им лишь в целях воздействия на аудиторию [32].

Отметим, что сторонники когнитивно-инструментального подхода не придерживаются разделения на этапы индивидуального мышления по аналогии и использования аналогий в процессе публичной коммуникации. Обобщающее исследование когнитивно-инструментальных функций исторической аналогии проведено шведскими исследователями А. Брендстрем, Ф. Байнандером и П. Хардтом [23, р. 194]. Полученные ими результаты кратко представлены в таблице 1.

Таблица 1

Когнитивные и когнитивно-инструментальные функции исторических метафор

Функция	Механизм и способ воздействия	Индикаторы
1. «Фильтр»	Механизм: спонтанный; когнитивный Воздействие: предоставление готового исторического «сценария», который помогает тем, кто принимает решение, разобраться с текущим кризисом (проблемой)	Наличие совместно выработанных исторических аналогий, высказанных в рамках причинно-следственного рассуждения (дискуссии)
2. «Учитель»	Механизм: целенаправленный; когнитивный или инструментальный (в зависимости от площадки и аудитории). Воздействие: предоставление исторического «сценария» как набора руководящих принципов, определяющих, как надлежит действовать в данной ситуации	Присутствие исторических аналогий в рамках декларации целей (в процессе обсуждения и/или в стандартных рабочих процедурах исполнительных органов)

Окончание табл. 1

Функция	Механизм и способ воздействия	Индикаторы
3. «Тюрьма»	Механизм: спонтанный; когнитивный или инструментальный. Влияние: фреймирование, т.е. преждевременное сужение спектра вариантов способа действия	Непропорционально частое повторение и/или чрезмерно (неуместно) обобщенное употребление исторической аналогии
4. «Слепое пятно»	Механизм: спонтанный или целенаправленный; когнитивный Влияние: дискурсивное ограничение: «забытые» аналогии, вынесенные политическими акторами «за скобки»	Заметное отсутствие в текстах политиков конкретных аналогий (предполагается, что аналитик знает о возможных альтернативных аналогиях)
5. «Оружие»	Механизм: целенаправленный; инструментальный. Влияние: средство политического убеждения, воздействия и легитимации, которое акторы используют во время взаимодействия с другими сторонами в процессе принятия решений	Аналогия используется только при общении с «восприимчивой» аудиторией сторонников и не используется на других площадках (используется там, где «санкционирована» большинством публики)
6. «Травма»	Механизм: спонтанный; когнитивный/эмоциональный Влияние: аналогия с крайне острыми эпизодами прошлого, которые являются «оголенным нервом» в памяти сообщества (и самих лиц, принимающих решения). При употреблении аналогия повышает уровень стресса и может затмить многие другие соображения	Широкое использование «эмоционального» языка и символических жестов. Демонстрируется озабоченность наихудшими сценариями и моральными издержками

Предметом конструкционистского подхода, в свою очередь, являются исторические идентичности, вербализируемые через употребление тех или иных исторических аналогий [21]. Применение сравнительных конструкций, базирующихся на прецедентных ситуациях из «коллективно-го» прошлого, – «основная часть национального нарратива и национального самосознания», – утверждает, в частности, Д. Пехар [36, р. 120]. Показательным примером здесь служит аналогия «крестоносцев». В польском медиадискурсе она конструирует стереотипно окрашенный образ «немцев» [40, р. 516], а в турецком – маркирует цивилизационный конфликт по линии «Восток–Запад» [22, р. 54].

В русле конструкционистского подхода, на наш взгляд, может рассматриваться и «дискурсивная теория метафоры», разработанная немецкими лингвистами Й. Вальтером и Й. Хельмигом. «Речевые акты, неотъемлемым компонентом которых являются метафоры, включаются в дискурсы, которые могут быть соответственно проанализированы и деконструированы» [39, р. 119], – подчеркивали Вальтер и Хельмиг, описывая преимущества своего метода. «Но только комбинированный анализ дискурсов и метафор способен привести к всестороннему пониманию социальной конструкции реальности» [Там же].

В основе данного подхода лежит утверждение, что «конкретные дискурсы допускают только конкретные метафоры» [39, р. 126]. Развивая эту логику, отметим, что профессиональные историки «благоразумно воздерживаются» от исторических аналогий [5, с. 26], тогда как политический дискурс «строится так, будто история и извлеченный из нее опыт могут служить руководством для действий в настоящем» [11, с. 12]. Более того, (не)употребление исторических аналогий эффективно маркирует «границы» сегментов внутри самого политического дискурса. Не случайно американский социолог Р. Пэрис, изучавший стенограммы дебатов в Конгрессе США, выявил, что использованию каждой исторической аналогии предшествовал спор сторон об ее оценочных смыслах и об уместности ретроспективных сравнений в целом [35, р. 425].

Как отмечалось нами ранее, ряд авторов подменяет понятие исторической аналогии термином «историческая метафора» [27; 29]. Предполагаем, что это связано со сходством между исторической аналогией и структурной метафорой, под которой Дж. Лакофф и М. Джонсон понимали «те случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [9, с. 35]. Об этом, в частности, свидетельствует предположение финской исследовательницы Й. Хелльстен, согласно которому «при непрерывном использовании исторические метафоры превращаются в структурные» [29, р. 124]. Не разделяя этой точки зрения, подчеркнем, что отличия исторической аналогии от структурной метафоры носят принципиальный характер.

Во-первых, сфера-источник структурной метафоры задает «телесный опыт индивида», а не «абстрактные концептуальные структуры» (к которым относятся культурный опыт и коллективная память) [33, р. 268].

Во-вторых, у исторической аналогии как сфера-источник, так и сфера-мишень принадлежат одному домену («within-domain»), тогда как структурная метафора предполагает проекцию между различными концептуальными доменами («between-domain») [28, р. 275].

В-третьих, структурные метафоры обращаются к сфере-источнику, которая находится «вне времени и пространства», тогда как исторические

анalogии – это отношения между пространствами, имеющими указанные («deictic») координаты [24, p. 149].

Кроме того, немецкий лингвист Й. Цинкен, относящий исторические аналогии ко множеству интертекстуальных метафор, отмечал, что последние функционируют независимо от структурных, выполняя при этом различные функции. Одни служат для интерпретации «социальных аспектов» рассматриваемого феномена, другие – помогают интерпретировать «базовые понятия» [40, p. 519]. Например, в дискурсе русских националистов начала XX в. отношения между национальностями сопоставляются с войной (т.н. «милитарная» структурная метафора), но «не просто с войной, а с войной конкретной: польско-шведской интервенцией (1610–1612 гг.), Батыевым нашествием, Отечественной войной 1812 г. и т.д.» [4, с. 27]. Иными словами, через проведение исторической аналогии структурированный метафорой базовый концепт – «противостояние» – обретает дополнительные «социальные» коннотации: «угроза основам государственности», «сплочение нации перед лицом врага», «трудная, но неизбежная победа» и т.д. Приведенные аргументы побуждают нас призвать к отказу от понятия «историческая метафора» как вводящему в заблуждение.

Вместе с тем, отметим, что попытки разграничить исторические метафоры и исторические аналогии предпринимаются исследователями до сих пор. В частности, по мнению американского социолога Г. Мэлларда, историческая метафора предполагает прямое уподобление современной ситуации с ситуацией из прошлого, а историческая аналогия – наличие указания на непреодолимые различия между образом прошлого и его современным «аналогом» [34, p. 558].

Кроме того, историческая метафора представляет собой «отношение подобия между двумя случаями» ($A \rightarrow B = A_1 \rightarrow B_1$), а историческая аналогия – «отношение подобия между набором отношений в двух случаях» ($A \rightarrow B \approx C \rightarrow D$). Так, в приведенном Мэллардом примере аналогии (популярной у проамериканского ближневосточного политикума) современный Ближний Восток уподобляется средневековой Европе, а его «образ будущего» – современному Европейскому Союзу [34].

Традиционно невысокий интерес российских политических лингвистов к историческим аналогиям обусловлен тем, что в отечественной исследовательской традиции подобные случаи, как правило, рассматриваются в русле лингвокультурологической теории прецедентности [1; 12; 13; 15]. Предметом последней выступают прецедентные феномены – «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», знакомые подавляющему большинству членов определенного лингвокультурного сообщества и помогающие его представителям ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве [6, с. 220].

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о крайне невысокой частоте встречаемости исторических аналогий в русскоязычном публичном дискурсе. Так, М.Н. Крылова, рассмотревшая более 6 тыс. текстов, выявила «исторические» прецедентные феномены лишь в 1% от всего массива [8, с. 32]. Исследование, выполненное на материале региональной прессы, подтвердило их встречаемость лишь в 5% случаев среди всех выявленных [19, с. 106].

Вместе с тем, следует отметить, что «исторические» прецедентные имена размещаются преимущественно «в заголовках, лидах, первом и последнем разделах текстов, а также в текстах под фотографиями газетных статей» [40, р. 509]. Перечисленные позиции относят к «сильным позициям», оказавшись в которых троп «организует всю метафорическую систему текста и поэтому представляет особый интерес для исследования» [7, с. 152].

Теория прецедентности, безусловно, демонстрирует определенные параллели со многими современными подходами в русле «memory studies». Достаточно обратить внимание на постулируемую ею связь между коммуникативной, индивидуальными мнемоническими процессами и коллективной памятью («когнитивной базой», в терминологии В.В. Красных). С одной стороны, историческое событие отражается в коллективной памяти «не в полноте своих характеристик», а лишь как «основное действие» [2, с. 33], т.е. как прецедентная ситуация. С другой стороны, использование прецедентной ситуации для проведения аналогий впоследствии «освежает и усиливает» память о соответствующем событии [25, р. 345].

По замечанию лингвиста Д.Б. Гудкова, «исторические» прецедентные ситуации, основанные на реальных и вымышленных прототипах, не должны разделяться исследователями при анализе: «Реальной ситуацией мы называем как, например, переход Суворова через Альпы, так и убийство Тарасом Бульбой своего сына» [3, с. 41]. Приведенный тезис, на наш взгляд, вполне созвучен процессу-реляционной теории Дж. Олика, подчеркивавшего «вплетенность» коллективной памяти «в конstellации других смыслов культуры» [17, с. 44].

Высоко оценивая потенциал теории прецедентности, вынуждены отметить ряд ее слабых мест при описании непосредственно исторических аналогий. Одним из важнейших критериев прецедентности является считываемость «при минимальном уровне эрудиции» [3, с. 41]. Тогда как прецедентные феномены из сферы истории, во-первых, «считываются» лишь представителями определенного (зачастую, очень узкого) мнемонического сообщества, а во-вторых, предполагают заведомо несводимую множественность соперничающих интерпретаций. Даже поверхностный анализ употребления прецедентного имени «Наполеон»

в русскоязычных СМИ продемонстрировал семь совершенно различных подходов к его восприятию [14, с. 109–111]. Все это, безусловно, существенно усложняет экстраполяцию исследовательских выводов, полученных в результате анализа «исторических» прецедентных феноменов на небольшом корпусе текстов.

В заключение отметим, что применение методов политической лингвистики позволяет не только повысить качество анализа «риторики прошлого», но и побуждает ставить новые исследовательские вопросы в ее отношении. Примером здесь служит описанное нами понятие «историческая аналогия», объединяющее под собой индивидуальный когнитивный процесс, акт вербализации исторической идентичности и маркер конкретного сегмента политического дискурса. Полагаем, что дальнейшие эмпирические исследования данного феномена с опорой на обширный массив политических текстов позволят существенно обогатить отечественные «memory studies».

Библиографический список / References

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Исторические прецедентные феномены как медийный манипулятивный инструмент // Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М., 2017. С. 160–167. [Ableev S.R., Kuz'minskaya S.I. Historical case phenomena as a media manipulative tool. *Tsivilizatsionnyj suverenitet Rossii: problemy i diskussii*. Moscow, 2017. Pp. 160–167. (In Russ.)]
2. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. № 48 (2). С. 29–40. [Artamonova Yu.D. To the question of the mechanisms of historical memory. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2018. № 48 (2). Pp. 29–40. (In Russ.)]
3. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 11. М., 2000. С. 40–46. [Gudkov D.B. Precedent situation and ways to update it. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Vol. 11. Moscow, 2000. Pp. 40–46. (In Russ.)]
4. Дулесов Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск. Интегративные процессы в диалоге. Ижевск. 2016. С. 24–30. [Dulesov E.P. Military metaphor in the discourse of Russian nationalists of the early XX century. *Yazyk i literatura v nauchnom dialoge. Integrativnyye protsessy v dialoge*. Izhevsk, 2016. Pp. 24–30. (In Russ.)]
5. Иллерицкая Н.В. История и политология: траектория презентизма // Вестник РГГУ. Сер.: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2009. № 1. С. 20–28. [Illeritskaya N.V. History and Political Science: the path of presentism. *Vestnik RGGU. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2009. № 1. Pp. 20–28. (In Russ.)]

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. [Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow, 2003.]
7. Колотина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. [Kolotina E.V. Metaforicheskoe modelirovanie dejstvitel'nosti v russkom i anglijskom ehkonomicheskom diskurse [Metaphorical modeling of reality in Russian and English economic discourse]. PhD diss. Ekaterinburg, 2001.]
8. Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // Русская речь. 2017. № 6. С. 31–35. [Krylova M.N. "Silent like a partisan". Case studies from the sphere of history. *Russkaya rech'*. 2017. № 6. Pp. 31–35. (In Russ.)]
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, 2004. (In Russ.)]
10. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. № 8 (4). С. 179–204. [Malinova O.Yu. The political use of the past as an instrument of symbolic politics: The evolution of the discourse of the ruling elite in post-Soviet Russia. *Politicheskaya ehkspertiza*. 2012. № 8 (4). Pp. 179–204. (In Russ.)]
11. Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. 2014. № 2. С. 5–17. [Malinova O.Yu. Temporality and other properties of the symbolic in politics. *Simvolicheskaya politika*. 2014. № 2. Pp. 5–17. (In Russ.)]
12. Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 12–19. [Nakhimova E.A. The names of Russian tsars as a precedent field in modern Russian media. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2009. № 2. Pp. 12–19. (In Russ.)]
13. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 48–55. [Nakhimova E.A. The case name Kerensky in modern domestic media. *Politicheskaya lingvistika*. 2008. № 1 (24). Pp. 48–55. (In Russ.)]
14. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 107–114. [Nakhimova E.A. The case name of Napoleon in the Russian media. *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 23. Pp. 107–114. (In Russ.)]
15. Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 60. № 24. С. 118–126. [Nakhimova E.A. The precedent field "The Time of Troubles" in modern media. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2008. T. 60. № 24. Pp. 118–126. (In Russ.)]
16. Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М., 1999. [Neustadt R., May E. *Sovremennye*

- razmyshleniya o pol'ze istorii dlya tekhn, kto priminaet resheniya [Thinking in time: The uses of history for decision makers]. Moscow, 1999. (In Russ.)]
17. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74. [Olick J.K. Figurations of memory: A process-relational methodology illustrated on the German case (translation into Russian D. Khlevnyuk). *Sociological Review*. 2012. № 1. Pp. 40–74. (In Russ.)]
 18. Солопова О.А. Будущее России в экспортном исполнении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2012. № 2 (261). С. 22–28. [Solopova O.A. The future of Russia in export performance. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika*. 2012. № 2 (261). Pp. 22–28. (In Russ.)]
 19. Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Вестник Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (50). С. 106–111. [Silant'eva V.N. The Origin of Case Texts. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 2 (50). Pp. 106–111. (In Russ.)]
 20. Улбутов Д.И., Крот Н.С. Определение исторических аналогий как показатель сформированности исторического мышления старшеклассников // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 77–91. [Ulbutov D.I., Krot N.S. Definition of historical analogies as an indicator of the formation of historical thinking of high school students. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2019. № 1. Pp. 77–91. (In Russ.)]
 21. Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square. *Research in Economics*. 2017. № 71. Pp. 8–19.
 22. Aydın-Düzgüt S. De-Europeanisation through discourse: A critical discourse analysis of AKP's election speeches. *South European Society and Politics*. 2016. № 21 (1). Pp. 45–58.
 23. Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by looking back: Historical analogies and crisis management. *Public Administration*. 2004. № 82 (1). Pp. 191–210.
 24. Chilton P. *Analyzing political discourse: Theory and practice*. L.; N.Y, 2004.
 25. Chin-Chuan L., Hongtao L., Francis L. Symbolic use of decisive events: Tiananmen as a news icon in the editorials of the elite U.S. press. *Harvard International Journal of Press and Politics*. 2011. № 16 (3). Pp. 335–356.
 26. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: The Case of the «Common European House». *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4 (1). Pp. 7–31.
 27. Delouis A. When history becomes a metaphor for the present and the future: Recent far-right discourse about immigration in the UK. *Lexis*. 2014. № 8. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/205>.
 28. Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C. et al. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects. *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Pp. 274–285.
 29. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism. *Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research*. Tartu, 1997. Pp. 121–141.
 30. Hongtao L., Svarverud R. When London hit the headlines: Historical analogy and the Chinese media discourse on air pollution. *The China Quarterly*. 2018. № 234. Pp. 357–376.

31. Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese. *Politologija*. 2011. № 2 (62). Pp. 43–73.
32. Khong Y. Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. N.Y., 1992.
33. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, L., 1987.
34. Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security. *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue. 3. Pp. 532–562.
35. Paris R. Kosovo and the metaphor war. *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. № 3. Pp. 424–451.
36. Pehar D. Historical rhetoric and diplomacy – an uneasy cohabitation. *Language and Diplomacy*. 2001. Pp. 117–138.
37. Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war. *American Sociological Review*. 1992. № 57. Pp. 315–326.
38. Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., et al. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right. *Social Influence*. 2014. № 9 (4). Pp. 300–317.
39. Walter J., Helmig J. Discursive metaphor analysis: (de)construction(s) of Europe. *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World*. L., 2008. Pp. 119–131.
40. Zinken J. Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse. *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14 (4). Pp. 507–523.

Статья поступила в редакцию 16.12.2018, принята к публикации 14.01.2019
The article was received on 16.04.2018, accepted for publication 14.01.2019

Сведения об авторе / About the author

Беклямишев Владимир Олегович – ведущий координатор проектов, фонд «История Отечества», г. Москва

Vladimir O. Beklyamishev – lead project coordinator, "History of the Motherland" fund, Moscow

E-mail: beklyamishev@yandex.ru

А.М. Матвеева

Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ),
125319 г. Москва, Российская Федерация

Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна

В статье представлен анализ некоторых аспектов геополитики периода постмодерна, в частности, одной из важнейших областей противостояния наших дней – культуры. В то же время в статье проводится мысль, что культура является не только объектом воздействия со стороны заинтересованных геостратегических сил, но и сама, в известной степени, оказывает влияние на разработку геополитических доктрин в культурно-психологическом, информационном, идеологическом и аксиологическом отношениях. В этой связи некоторые течения современной культуры, которые могут быть обобщенно определены как культура постмодернизма, являются орудием давления на геополитических противников США и, прежде всего, на Россию. Особое внимание в статье уделено способам культурно-цивилизационной, правовой, моральной легализации войн нового типа: гибридных, преэмптивных, консциентальных и т.д., а также таких инструментов подавления неугодных Западу режимов, как цветные революции. В качестве основной рабочей гипотезы выявляются общие принципы и механизмы в структуре постмодернистской культуры, гибридных войн и цветных революций.

Ключевые слова: геополитика, постмодерн, гибридная война, преэмптивная война, консциентальная война, глобализация, общественное сознание, мировое сообщество, цветная революция

Благодарности. Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты», № 18-09-00621 А.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Матвеева А.М. Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96–111.

A.M. Matveeva

Moscow Automobile and Road Construction
State Technical University (MADI),
Moscow, 125319, Russian Federation

Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism

The article presents an analysis of some aspects of the geopolitics of the postmodern period, in particular, one of the most important areas of confrontation of our days – culture. At the same time, the article suggests that culture is not only an object of influence from interested geostrategic forces, but also, to a certain extent, influences the development of geopolitical doctrines in cultural, psychological, informational, ideological and axiological relations. In this regard, some currents of modern culture, which can be generally defined as a culture of postmodernism, are a tool of pressure on geopolitical opponents of the United States and, above all, on Russia. Special attention is paid to the methods of cultural-civilizational, legal, moral legalization of a new type of war: hybrid, preemptive, consensual, etc., as well as such tools for suppressing regimes unfavorable to the West as color revolutions. The general principles and mechanisms in the structure of postmodern culture, hybrid wars and color revolutions are identified as the main working hypothesis.

Key words: geopolitics, postmodern, hybrid war, preemptive war, constant war, globalization, public consciousness, world community, color revolution.

Acknowledgments. This article was completed as part of the RFBR project “The History of the Russian Federation’s Participation in Local Hybrid Wars in 1991–2008: Genesis, Geostrategy, Results”, No. 18-09-00621 А.

CITATION: Matveeva A.M. Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 96–111. (In Russ.)

Современное международное положение, по мнению большинства военных ученых и геополитиков, основано на противостоянии США, стремящихся к однополярности, и ряда региональных держав – субцентров, которые пытаются противодействовать этой тенденции, но даже вместе не могут составить конкуренцию американцам [13]. Это состояние перманентной напряженности, которое в современной геополитике характеризуют как структурный кризис цивилизации или кризис мироустройства постмодерна [12, с. 38]. Стремясь глобализовать мир, США после официального окончания холодной войны перешли к геополитике нового типа, которую применительно к реалиям современности можно охарактеризовать как геополитику постмодерна. Геополитика постмодерна – это механизм трансформации современного миропорядка, направленный на десоверенизацию государств через разрушение их внутренних систем.

Идентификация геополитики главного субъекта миропорядка, США, по принадлежности к феномену современной мировой культуры – постмодернизму – неслучайна. Это нашло широкое отражение в философии, геостратегической и геополитической мысли. И хотя общих подходов к геополитической значимости культуры нет, сам интерес к проблеме показателен и свидетельствует о необходимости ее дальнейшей углубленной проработки.

Так, еще известный философ современности С. Хантингтон подчеркивал, что после окончания холодной войны именно культурно-цивилизационная идентификация определяет модель сплоченности или дезинтеграции государства. Культура рассматривалась им как приоритетная сфера, которая может объединить народ или разрушить государство как основное поле геополитического противоборства [Там же, с. 15]. Эта позиция разделяется многими авторитетными геополитиками. В.В. Карякин отмечает, что геополитика постмодерна нацелена на установление контроля над пространством посредством использования информационных технологий, методов манипуляции общественным сознанием, перекодировки национальной, культурно-цивилизационной идентичности [Там же, с. 45]. Одной из ключевых сфер геополитического воздействия является область культуры. Философ А.Г. Дугин характеризует геополитику постмодерна как англосаксонское «масонство XXI века», которое насаждает свои ценности и установки по всему

миру, разрушая традиционные культурные смыслы цивилизаций [7]. Генерал Л.Г. Ивашов подчеркивает, что особым объектом исследования современной геополитики является культурно-цивилизационный код пространства, который задает вектор развития народа, цивилизации и государства [8, с. 116]. Иными словами, геополитика постмодерна – это стратегия США по созданию управляемой глобальной мировой системы, она направлена на слом культурного кода государств, разрушение цементирующей народы культурной идентификации.

Для реализации этой цели распространяется в глобальных масштабах проект постмодерна (или постмодернизма) как особой культурной парадигмы современности. Ее суть ярко выразил бывший вице-президент США А. Гор: «Мы, похоже, все более стремимся раствориться в изобилии форм культуры, общества, технологии, средств массовой информации, а также способов производства и потребления, но платим за все это потерей своей духовной жизни» [6, с. 243]. Через СМИ и иные формы массового культурного производства идет пропаганда универсального вещизма, заменяющего духовность – основу культуры, т.е. утверждается приоритет формы (усредненных стандартов культуры, унифицированных, «модных» вкусов) над содержанием (культурными смыслами, кодами). В итоге культивируется тип массового усредненного человека – легкого объекта манипуляции, поскольку его жизнь подчинена правилам рынка, проникшего в систему даже межличностных отношений [20, с. 85]. Рыночный принцип прост: меньше затрат и больше выгоды. Он пронизывает всю постмодернистскую парадигму, заменяя эстраду шоу-бизнесом, киноискусство – киноиндустрией и т.д., создавая общество потребления, где престиж и статус человека определяется фактом обладания той или иной вещью.

Б. Райнов характеризовал массовую культуру так: «Это производство псевдохудожественного продукта в соответствии с определенными стандартами и требованиями определенного воздействия. Именно потому, что она не творчество, а производство, “массовая культура” легко подчиняется шаблонной идейной и технологической программе. Это не только псевдоискусство, но и псевдокультура, потому что она не содержит художественных открытий, не несет по-настоящему глубоких знаний о действительности... Мы считаем, что точнее всего содержание этого феномена можно было бы выразить термином массовая буржуазная псевдокультура» [17, с. 107]. Исследователи этой проблемы подчеркивают, что массовый человек (или человек масс, одномерный человек), массовое общество бессилён перед натиском информационного воздействия массовой культуры постмодернизма, он ее не критично воспринимает [15]. Таким образом, геополитика постмодерна

нацеливается на поддержание и культивирование массовой культуры как важной структурной части культуры постмодерна.

В то же время сама культурная сфера в известной степени является предпосылкой разработки геополитических доктрин и практического их осуществления в информационном, культурно-психологическом, аксиологическом отношениях. В данной статье будут рассмотрены основные механизмы постмодернистской культуры в структуре геополитики США, геополитики постмодерна и форм ее практической реализации – гибридных войн и цветных революциях.

На правах доминирующей геополитической силы США выстраивают мировой порядок уже вне стратегии затратной большой войны, а в рамках стратегии войны нового типа – гибридной [7]. Гибридные войны, по мнению большинства геостратегов, это качественно иной уровень геостратегического противостояния, который стирает привычные рамки в понимании войны и мира [2; 3; 5; 7; 9; 13]. Эти войны ведутся с преобладанием невоенных методов, их воздействие устремлено под внешние контуры страны. Механизм гибридной войны направлен на дезорганизацию и разрушение экономики, политической и социальной сферы государства, слом суверенитета государства часто через «конструирование» марионеточных участников во власти стран-объектов. Все это имеет своей целью превратить страну-объект воздействия в колонию и плацдарм для последующей «мягкой» экспансии.

Одной из важнейших областей гибридного воздействия является культура, культурно-цивилизационные ценности, коды и смыслы. Глобальная культура пытается их нивелировать и привести к общему знаменателю, который наносит удар по национальной идентификации, по уникальной цивилизации. Эти универсальные глобальные ценности связаны с пропагандой активного потребительства (вещизма), утверждения принципов нравственного релятивизма, направленного на разрушение выработанных веками морально-нравственных основ человеческого общества (например, пропаганда однополых браков и однополых семей, которые имеют право на усыновление детей; ювенальной юстиции; толерантности, которая ущемляет права коренных народов государства, и т.д.). Глобальные ценности постмодернизма приводят к утрате цивилизацией вектора своего самобытного развития и переориентируют их в «нужном» субъекту гибридного воздействия русле.

Геополитика постмодерна, как говорилось выше, нацелена на глобальное распространение массовой культуры. Это культура микса, т.е. смешения ценностей, установок, различных смыслов в новом художественном продукте. Так был создан поп-арт, который культивирует эклектику и произвольное сочетание разнообразных деталей и предметов.

Гибридные угрозы – это также смешение разнообразных тактик, стратегий и методов воздействия во всех отраслях и сферах жизни страны. Они подобны мифологической стоглавой гидре, они подвижны и непредсказуемы, сложно определить, от какой «головы» ждать нанесения контрольного удара. Микширование, гибридизация сути войны нового типа связаны также с тем, что «жесткая», военная сила сочетается с элементами «мягкой» силы как системы дипломатических, экономических, юридических, политических, и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в государствах с целью оказания на нее влияния, отвечающего интересам национальной безопасности США [2, с. 34]. И наоборот, «мягкое» воздействие сопрягается с жесткими методами. Так, по наблюдению А.В. Манойло, в последних цветных революциях, включая украинскую, использовались снайперы, которые, стреляя по участникам протестных акции, разжигали еще большую агрессивность толпы. Это рассматривается как метод информационно-психологического воздействия «мягкой силы» с применением элементов «жесткой силы» – оружия снайперов [14, с. 17].

Постмодернизм с его глобализаторской и популизаторской силой массовой культуры создает мощное гибридное оружие в культурно-цивилизационной сфере по насаждению по всему миру философии реинтерпретации (изменения, чаще искажения) первоначальных, условно говоря, традиционных или классических смыслов. В искусстве это проявляется в различных экспериментах с готовым произведением через комбинирование с другими элементами, переносом в другой контекст. В итоге изначальный объект таких манипуляций приобретает иной смысл.

В отношении гибридных войн такой прием выражается в реинтерпретации понимания (а значит, и общественного восприятия) их агрессивной сущности как миротворческих операций, борьбой за права человека (нацменьшинств, поддержка политического плюрализма и т.д.), гуманитарных миссий, «экспорта и проецирования стабильности», борьбой за демократические ценности. Наглядно такая реинтерпретация в геополитике постмодерна проявляется и в трактовке цветных революций, которые военные ученые рассматривают в качестве подготовительной фазы гибридных войн.

Цветная революция – это технология подчинения государства Соединенным Штатам Америки через организацию государственного переворота. Это не подлинная революция, поскольку ее предпосылки, ход и итоги режиссируются и финансируются извне и служат реализации геополитических целей США. «Революционная» оппозиция также формируется под внешним воздействием. Революция в классическом понимании имеет своей целью качественное изменение в жизни государства

и общества. Цветная же революция направлена, как верно заметил историк В.Э. Багдасарян, на десоверенизацию государства и выстраивание мировой глобальной системы [1].

А.В. Манойло выявил общий механизм действия и технологий в цветных или «бархатных революциях» в Восточной Европе, «Арабской весне» в Северной Африке и Евромайдана на Украине. Все они внешне протекают как настоящие политические революции, и их итоги воспринимаются и принимаются мировой общественностью как законные. Известный отечественный геополитик В.А. Цымбурский отмечал, что оппозиционные «революционные» силы, которые сметали дискредитированную легитимную власть, признавались победителями со стороны США, значит, и мировым сообществом еще до их окончательного утверждения на политическом олимпе [23]. Таким образом подчеркивается связь между геополитической линией США и цветными революциями. Манойло выделяет следующие особенности цветных революций, которые отличают их от подлинной революции. Во-первых, отсутствие революционной идеологии. Это связано, на наш взгляд, с особенностями постмодернистской культуры и ее сегментом – современной массовой культурой. Постмодернизм отрицает целостность. Ему необходимо агрессивно расчленять целое, и, микшируя его части, создавать новый культурный гибрид.

Постмодернизм делает ставку на форму, на ее изменчивость, при этом содержание как таковое начинает терять ценность, и с ним можно выполнять любые манипуляции. В то же время современная массовая культура предполагает снижение культурной, интеллектуальной планки: для популяризации информация должна быть легкой, доступной для усвоения и воздействовать на эмоции.

В эпоху постмодернизма не появилось ни одной принципиально новой идеологии или системы целостных взглядов, претендующих на ее подобие. Вместо идеологии постмодернизм предлагает коммерческий яркий «пиар», но с размытыми и нечеткими, предельно широкими идеями. Поэтому и т.н. идеология цветных революций не ясна. С.Г. Кара-Мурза установил, что в основе цветных революций лежит постмодернистская технология рекламы, воздействующая на подсознание и эмоциональную сферу. Вместо конкретных идей предлагаются новые «рекламные продукты», например, создание «украинской нации» [9].

По замечанию Багдасаряна, ни одна из цветных революций не выдвигала собственной программы, что позволяет привлечь в оппозиционные ряды представителей различных политических сил и создает видимость широкого общенационального фронта. Например, во время т.н. «болотной революции» белые ленточки связали с А.А. Навальным и либералов,

и лимоновцев, и левоцентристов, причисляющих себя к коммунистам, во главе с С.С. Удальцовым.

Вместо идеологической программы цветная революция аккумулирует протестные настроения в обществе. Как правило, они связаны со следующими идеями: экспорт демократии, низвержение авторитарного антидемократического режима и борьба с коррупцией. В этой связи Кара-Мурза выявил еще одну технологию геополитики постмодерна, а именно: в цветных революциях накопившееся недовольство, протестная энергия переключается на политические цели, которые не связаны с интересами этих масс, с решением их социальных и экономических проблем [11].

За неимением идеологии, которая будет побуждать к действию, геополитика постмодерна делает ставку на яркие перформансы или «спектакли» постмодерна, как их определил Кара-Мурза [10]. Эпатируя и шокируя, они провоцируют и подстегивают протестные движения цветных революций. Например, «Арабская весна» началась в 2011 г. с акции самосожжения тунисца Мохаммеда Буазизи в знак протеста против коррупции в его стране. Евромайдан на Украине сопровождался перформансом – раздачей участникам протестов булочек и печенья сотрудницей Государственного департамента США Викторией Нуланд. Само безыдейное протестное движение напоминает постмодернистский флешмоб. Толпа, как правило, формируется через социальные сети. Движущей силой выступает т.н. «креативный класс», представленный, в основном, молодежью, преимущественно офисными работниками, и маргиналами. То есть это социальные группы, малоспособные к критическому восприятию тех идей, ради которых они оформились в толпу.

Кара-Мурза отмечает, что применение технологий политического спектакля стало универсальным методом захвата власти. Под особенности культуры государства-объекта подбираются соответствующие «художественные средства», разрабатывается сценарий и постановка спектакля. «Если перехват власти проводится в момент выборов, эффективным приемом является создание обстановки максимально “грязных” выборов – с тем, чтобы возникло общее ощущение их фальсификации. При этом возникает обширная зона неопределенности, что дает повод для большого спектакля “на площади”. Последнее время дало нам два классических примера – “революцию роз” и “оранжевую революцию”» [Там же].

Во-вторых, по мнению Манойло, применение военной силы в ходе самой цветной революции носит второстепенный характер, а после ее завершения – решающий. Тогда начинается собственно военное вторжение миротворцев. В-третьих, итогом всех цветных революций является приход к власти в постреволюционных государствах марионеток

США, которые переводят страну под внешнее управление. Это значит, что страна де-факто становится неоколонией и одновременно плацдармом (или, как их называет, Манойло, «государством-provokatorom») для продвижения новых цветных революций или локальных войн [14, с. 15]. За это страна-provokator получает кредиты для повышения своей военной мощи.

Член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош отмечает, что цветная революция – это, прежде всего, мощное информационное воздействие на граждан страны – объекта агрессии – с целью формирования управляемой толпы, которая должна свергнуть правительство и привести государство под внешнее управление [4]. В то же время в массовом общественном сознании этот процесс разрушения законных демократических режимов воспринимается как акт народного волеизъявления и настоящая революция. Это наглядно демонстрирует еще одну особенность современной массовой культуры и специфику ее восприятия общественным сознанием – интерпретация переходит в инверсию традиционных смыслов. Когда черное воспринимается белым, традиционно-положительные образы – отрицательными и наоборот.

Здесь массовая культура, ее информационно-семантическое поле зачастую используется как гибридное оружие войны нового типа. С одной стороны, это концентрированное оружие, направленное на слом исторического кода памяти народа и уничтожение объективной трактовки мировой истории. С другой – взаимосвязанное с первым морально-правовое оружие, когда откровенная ложь становится правовым основанием для вооруженной агрессии, ареста иностранных граждан, экономического давления на государства и т.д.

Уместно вспомнить еще об одном детище геополитики постмодерна – преземптивной войне. Эта доктрина президента США Дж. Буша-мл., разработанная в 2002 г., предполагает войну на опережение, т.е. против государства, которое может представлять потенциальную угрозу в будущем. Причем эта война идет по схеме: смена власти – выстраивание новой нации, «нациопеределка» – восстановление страны, в которой народ, собственник ресурсов, отстраняется от права собственности на них уже навсегда [7, с. 743]. Право собственности передается транснациональным корпорациям без какого-либо сопротивления бывшего собственника, народа этой страны. «Результаты “обычной” войны могут быть со временем пересмотрены и пересматриваются, но результаты преземптивной войны закрепляются навсегда» [18, с. 20].

Одним из важнейших звеньев этой войны является строительство «правильной», переформатированной нации, которая теряет волю к сопротивлению заокеанским манипуляторам. Ивашов отмечал, каким

образом США пытаются это осуществить: «Подавлив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить» [8, с. 769]. Насаждение чуждых ценностных, зачастую противоречащих национальным традициям, ориентиров лежит в основе любых экономических проектов, политических требований, которые выдвигаются в ходе гибридных операций. Подогнав под свои интересы геополитический объект (народ, государство, политическую элиту) в духовно-цивилизационном смысле, можно добиться реализации самых амбициозных внешнеполитических целей.

В отношении преэмптивного воздействия, по мысли Ивашова, страна может сопротивляться, пока существует историческая память о великих победах над врагами и достижениях [Там же]. Недаром на Западе и в России определенными силами продолжается упорная война по внедрению в общественное сознание наших граждан негативных мифов об отечественной истории. Для определения данного явления в историографии имеется еще одно специальное обозначение – «войны памяти» [24; 25]. Но в центре внимания творений постмодернистского кино, вроде оскверняющего историческую память фильма «Смерть Сталина» или комедии про блокадный Ленинград под названием «Праздник», – разрушение историко-нравственного кода восприятия Великой Отечественной войны. А это направлено на достижение главной цели глобальной гибридной войны против России – нивелирование геостратегических результатов Второй мировой войны. Но даже после приравнивания в резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. советского коммунизма к фашизму, признания Бандеры и Петлюры национальными героями Украины, сносов памятников советским солдатам-освободителям в Прибалтике и Польше (при молчаливом одобрении международной общественности) память о войне будет жива, пока потомки победителей помнят, за что сражались их дедушки и бабушки. Перекодирование молодого поколения идет полным ходом. Как верно отметил Ивашов: «Все постсоветское сообщество становится полной противоположностью выработанной веками культурно-исторической традиции» [8, с. 766].

Крушение историко-моральных ориентиров приводит к нивелированию закона, инверсии его назначения как равного для всех. Внедряются двойные стандарты, односторонние трактовки, избирательный и культурно-правовой плюрализм. Как отмечает Н.А. Нарочницкая, США добились международного юридического обоснования «актов международного терроризма»: бомбардировок Сербии, Ирака, Афганистана [16, с. 485]. Систематическое и безнаказанное нарушение основ международного права привело к изменению его идейной концепции и роли

контролирующих его институтов. Они санкционировали локальную войну против Сербии, ее расчленение; произвол «Гаагского трибунала», который, отрекшись от презумпции невиновности и следования доказательной базе, по сути, убил законного президента Сербии С. Милошевича. Существует масса и других примеров подобной деятельности.

В новом глобалистском международном праве понятие «суверенитет» было заменено на концепции «относительного» суверенитета и степени «эффективности» в сфере осуществления государством своего суверенитета. Все это должно было проходить на фоне превращения «НАТО под эгидой США в военно-политический каркас ойкумены от Атлантики до Урала» [16, с. 487].

Международное право, переведенное на глобалистскую основу, также стало инструментом гибридной войны. Например, применение презумпции невиновности приобрело избирательный характер. В международном правовом поле на Россию она не распространяется, наша страна априори назначается ответственной за все, вплоть до странных результатов выборов президента США. Это органично вписывается в философскую канву постмодернистского осмысления бытия – философию абсурда. Один из ее разработчиков, французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр, так выразил абсурдистскую суть понимания бытия: «Не имеет ни повода, ни причины, ни необходимости» [19]. Бессмысленное, иными словами, то, что умом постичь нельзя, воспринимается через сильные эмоции: ужас, шок, т.е. через картинки, которые показывают СМИ в русле геополитики постмодерна. Например, «химатаки» в Сирии и чудесное спасение детей «белыми касками». Во время Пятидневной войны 2008 г. на территории Южной Осетии по европейским каналам транслировали сюжет про осетинскую женщину, сына которой задавили танками грузинские военные, однако перевод был совершенно иной: перед европейским зрителем это была жительница г. Гори, сына которой убили российские миротворцы.

На правовой и информационный произвол наслаивается еще одна особенность постмодернизма – нигилизм, попирающий традиции и авторитеты. Нигилизм в информационном поле гибридного воздействия сопряжен с откровенной ложью и отсутствием ответственности за нее.

В свое время Нарочницкая выявила четко выраженную тенденцию восприятия в массовом сознании динамики гибридных войн: «Каждая новая геополитическая перестройка регионов в единый мир под англосаксонской эгидой заставляет меркнуть потрясения предыдущих лет» [16, с. 513]. Например, развал СССР привел к эффекту отодвигания на дальний план в памяти объединение Германии. Агрессия против Югославии также затмила немецкую «мирную» экспансию. Война

в Афганистане привела к формированию восприятия экспансии НАТО на Восток Европы как события второстепенного масштаба. Эффект от информационно-психологического воздействия на мировое сообщество позволяет глобализаторам списывать, стирать свои военные преступления как будто за сроком давности.

Так, в ходе расследований специальной комиссии стран антииракской коалиции еще в 2004 г. по горячим следам войны было установлено, что у Ирака не было оружия массового поражения. Именно из-за обвинений в его наличии началась локальная война против Ирака, был отстранен от власти, а впоследствии и казнен бывший президент С. Хусейн. Однако уже в 2004 г. это преподносилось и внедрялось в общественное сознание как дело прошлое. Этот эффект «забывания» не менее опасен, чем попираание норм международного права, поскольку позволяет США продолжать безнаказанно свои гибридные «гуманитарные миссии» по всему миру.

Устойчивость линии геополитики постмодерна во многом обуславливается нейтральностью и пассивностью мирового общественного мнения. Международное общественное сознание находится под прочным атлантическим колпаком установочных парадигм развития и информационно-психологического воздействия. События на Ближнем Востоке и в Сирии, на Украине, инцидент (25 ноября 2018 г.) в Керченском проливе и т.д. в общественном сознании европейцев и американцев имеют вполне определенную оценку. Некритичное восприятие геополитики постмодерна международным сообществом, по сути, легализует любые действия США в моральной, правовой и культурно-цивилизационной сферах. На этом фоне ООН, Европарламент, ПАСЕ и прочие международные организации превратились в своеобразные секретарские службы США и НАТО, которые оформляют мандаты на осуществление военных операций во внутреннем конфликте любых суверенных государств.

Инструментами геополитики постмодернизма являются гибридные войны и цветные революции, нацеленные не только на слом суверенитета государств и превращение их в подобие «банановых республик», но и на перекраивание народов по «правильным» шаблонам, что влечет за собой, по сути, медленное их уничтожение. Дело здесь не только в отчуждении народа страны от ее ресурсов, что характерно для колониальной или неоколониальной политики. Культурно-цивилизационное переформатирование народов приводит к утрате выработанных историей ориентиров и ценностей, исторической памяти, цементирующей собственно народ.

Поскольку постмодернизм ставит во главу угла форму вместо сути, вместо разработки идеологического концепта, воздействующего

на разум (а это также требует затрат времени), он нацелен на психоэмоциональное воздействие. Приемы и средства постмодернистской культуры вызывают шок, удивление, но не побуждают анализировать. Такая же схема лежит в основе геополитики постмодерна. Чтобы инспирировать военный конфликт или цветную революцию, начать военную операцию, достаточно устроить яркий, затрагивающий чувства массовой аудитории перформанс, преподнести его соответствующим образом в СМИ, и это станет основой для международного одобрения и правового санкционирования. Например, шоу со спасением «белыми касками» детей, «пострадавших» от химатак, или кампании по пиару данных экзитполов, призванные «доказать» «совершенные властями» «фальсификации выборов» [23, с. 89–92] и прочие комплексные постановочные действия.

Одной из центральных областей геополитического противостояния современности является культура. Гибридное воздействие на страны через эту сферу отвечает главным рыночным принципам геополитики постмодерна: относительно малая затратность, массовое распространение, высокая эффективность. Таким образом, формируется своеобразная «индустрия», конвейер локальных конфликтов и войн, цветных революций, которые средствами культуры, «мягкой силы», можно подготовить, «срежиссировать» и запустить в любой точке мира. Установление общих принципов в структуре культуры постмодерна, гибридных войн и цветных революций дает важный инструментарий для анализа их воздействия на общественное сознание, на геополитическую практику. Учет знаний о функционировании механизма культуры постмодерна в цветных революциях и гибридных войнах на информационно-психологическом, идеологическом, правовом уровнях позволяет разработать адекватную, комплексную геостратегию по защите национального суверенитета и культурно-цивилизационных ценностей.

Библиографический список / References

1. Багдасарян В. Классические революции и цветные революции: типологические различия (14.10.2015) // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya> (дата обращения: 21.03.2019). [Bagdasaryan V. Classical revolutions and the color revolutions: Typological differences. *Geopolitica.ru*. 14.10.2015. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya> (In Russ.)]
2. Балашин В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–36. [Balashin V.

- “Soft power” as an instrument of foreign policy of a number of foreign countries. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2013. No. 3. Pp. 34–36. (In Russ.)]
3. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М., 2018. [Bartosh A.A. Konflikty' XXI veka. Gibridnaya vojna i czvetnaya revolyuciya [Conflicts of the XXI century. Hybrid war and color revolution]. Moscow, 2018.]
 4. Бартош А.А. Ускорители гибридной войны // Военно-промышленный курьер. 2018. № 46 (759). 27 ноября. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584> (дата обращения: 21.03.2019) [Bartosh A.A. Accelerators of hybrid war. *Voенно-promy'shlenny' j kur'er*. 2018. No. 46 (759). 27 November. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584> (In Russ.)]
 5. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). 27 февраля. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 21.03.2019) [Gerasimov V.V. The value of science in foresight. *Voенно-promy'shlenny' j kur'er*. 2013. № 8 (476). 27 Feb. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632> (In Russ.)]
 6. Гор Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993. [Gore A. Zemlya na chashe vesov [The Earth is in the balance. Ecology and the human spirit]. Moscow, 1993. (In Russ.)]
 7. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна // Геополитика.ru. 23.01.2012. URL:<https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2019). [Dugin A.G. Geopolitics of postmodernism. *Geopolitica.ru*. 23.01.2012. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (In Russ.)]
 8. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2015. [Ivashov L.G. Geopolitika Russkoj civilizacii [Geopolitics of Russian civilization]. O.A. Platonov (ed.) Moscow, 2015.]
 9. Кара-Мурза С.Г. О технологии «цветных революций». URL: <https://mnenie.me/tehnologii-cvetnyx-revolycij.html> (дата обращения: 21.03.2019). [Kara-Murza S.G. O tehnologii «czvetny'ch revolyucij» [About the technology of “color revolutions”]. URL: <https://mnenie.me/tehnologii-cvetnyx-revolycij.html>]
 10. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт. М., 2006. [Kara-Murza S.G. Revolyucii na e'ksport [Revolutions for export]. Moscow, 2006.]
 11. Кара-Мурза С.Г. Угрозы для России: революции модерна и постмодерна (1.12.2014). URL: <http://old.centero.ru/chair/ugrozy-dlya-rossii-revoljutsii-moderna-i-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2019). [Kara-Murza S.G. Ugrozy' dlya Rossii: revolyucii moderna i postmoderna [Threats to Russia: Modern and postmodern revolutions.] 1.12.2014. URL: <http://old.centero.ru/chair/ugrozy-dlya-rossii-revoljutsii-moderna-i-postmoderna>]
 12. Карякин В.В. Методологические основы геополитики «третьей волны» // Стратегическая стабильность. 2012. № 2 (59). С. 38–46. [Karyakin V.V. Methodological foundations of “third wave” geopolitics. *Strategicheskaya stabil'nost'*. 2012. No. 2 (59). Pp. 38–46. (In Russ.)]
 13. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн»// Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112. [Klimenko S. Theory and practice of “hybrid wars”. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*. 2015. No. 5. Pp. 109–112. (In Russ.)]
 14. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015.

- № 4 (29). С. 7–19. [Manojlo A.V. Hybrid wars and color revolutions in world politics. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny'ch technologij)*. 2015. № 4 (29). Pp. 7–19. (In Russ.)]
15. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994. [Marcuse H. *Odnomernyj' chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva* [One-Dimensional man]. Moscow, 1994.]
 16. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. [Narochniczkaia N.A. *Rossiya i russkie v mirovoj istorii* [Russia and Russians in world history]. Moscow, 2003.]
 17. Райнов Б. Массовая культура. М., 1979. [Rajnov B. *Massovaya kul'tura* [Mass culture]. Moscow, 1979.]
 18. Россия в XXI веке. Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012. [Rossiya v XXI veke. *Materialy' godovogo sobraniya Akademii geopoliticheskikh problem* [Russia in the XXI century. Proceedings of the annual meeting of the Academy of geopolitical problems.] Moscow, 2012.]
 19. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической философии / Пер. с фр. В.И. Колядко. М., 2000. [Sartre J.-P. *By'tie i nichto. Opy't fenomenologicheskoy filosofii* [L'être et le néant : Essay d'ontologie phénoménologique]. Moscow, 2000.]
 20. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. [Soros G. *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The crisis of global capitalism: Open society endangered]. Moscow, 1999.]
 21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. [Huntington S.P. *Stolknovenie civilizacij* [The clash of civilizations and the remaking of world order]. Moscow, 1996.]
 22. Цымбурский В. Россия в американо-иранском противостоянии. Статья вторая // Агентство политических новостей. 19.02.2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11503> (дата обращения: 21.03.2019). [Cymburskij V. *Russia in the US-Iran confrontation. Article the second. Agentstvo politicheskikh novostej*. 19.02.2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=11503> (In Russ.)]
 23. Что надо знать о «цветных революциях»: Учебное пособие / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. [Chto nado znat' o «czvetny'ch revolyuciyach»] [What you need to know about the “color revolutions”]. A. Ananchenko (ed.). Moscow, 2018.]
 24. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М., СПб., 2018. С. 421–431. [Churakov D.O. “Memory wars” and local conflicts of our time. *Prepodavanie voennoj istorii v Rossii i za rubezhom*. Moscow, St. Petersburg, 2018. Pp. 421–431. (In Russ.)]
 25. Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. Ч. 1. С. 21–27. [Churakov D.O. *History textbook and “memory wars” in the post-Soviet space. Prepodavatel' XXI vek*. 2013. No. 3. Part. 1. Pp. 21–27.]

Статья поступила в редакцию 15.08.2019, принята к публикации 23.09.2019

The article was received on 15.08.2019, accepted for publication 23.09.2019

Сведения об авторе / About the author

Матвеева Александра Михайловна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории и культурологии, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Alexandra M. Matveeva – PhD in History; associate professor at the Department of History and Cultural Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)

E-mail: alexmatveeva828@mail.ru

А.Н. Горская

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарёва,
430005 г. Саранск, Республика Мордовия,
Российская Федерация

Трансграничное сотрудничество Псковской области и Республики Беларусь

Автор статьи, опираясь на содержание двусторонних соглашений постсоветского времени, подписанных представителями Псковской области и Республики Беларусь, а также показатели вовлеченности первых лиц Псковской области в выстраивание отношений с белорусским соседом в периоды их руководства, определяет характер взаимоотношений, рассматривает эволюцию и анализирует динамику взаимодействия в рамках трансграничного сотрудничества на региональном и локальном уровнях. Обосновывается мнение, что приграничное и трансграничное сотрудничество в рассматриваемом ракурсе вышло за рамки торговых операций и обрело многоаспектный, разноуровневый и диверсифицированный характер. Намеченные планы и поставленные сторонами цели и задачи реализуются достаточно успешно, однако весь кооперационный потенциал еще не задействован, в связи с чем автор статьи дает практические рекомендации псковской стороне.

Ключевые слова: приграничное взаимодействие, прямые контакты российских регионов и Республики Беларусь, Псковская область, Республика Беларусь, соглашение о сотрудничестве, трансграничное сотрудничество.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Горская А.Н. Трансграничное сотрудничество Псковской области и Республики Беларусь // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 112–122.

A.N. Gorskaya

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation

Cross-border cooperation of the Pskov region and the Republic of Belarus

The author of the article is guided by the content of bilateral post-Soviet agreements signed by representatives of the Pskov region and the Republic of Belarus, as well as indicators of the involvement of senior officials of the Pskov region in building relations with the Belarusian neighbor during their leadership, determines the nature of the relationship, considers evolution and analyzes the dynamics of interaction within the framework of cross-border cooperation at the regional and local levels. The author substantiates the opinion that cross-border cooperation in this perspective has gone beyond the scope of trade operations and has acquired a multidimensional, multilevel and diversified nature. Outlined plans, goals and objectives set by the parties are being implemented quite successfully, however, the entire cooperation potential has not yet been utilized. In this regard, the author of the article gives practical recommendations to the Pskov side.

Key words: border interaction, cooperation agreement, cross-border cooperation, direct contact of the Russian regions and the Republic of Belarus, Pskov Province, Republic of Belarus.

CITATION: Gorskaya A.N. Cross-border cooperation of the Pskov region and the Republic of Belarus. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 112–122. (In Russ.)

Введение

После распада СССР Псковская область обрела протяженную границу с тремя независимыми государствами: Республикой Беларусь, Латвийской Республикой и Эстонской Республикой, что повлияло на стратегию позиционирования региона и его элит в отношениях с партнерами на территории Российской Федерации и за ее пределами – с иностранными партнерами.

Тем не менее, несмотря на приобретение потенциально нового экономического пространства, Псковскую область до сих пор относят к регионам с невысоким уровнем развития международных контактов и слабыми экспортными возможностями [6, с. 195].

Отечественные авторы в качестве главных партнеров Псковской области обычно указывают страны Балтии – Латвию и Эстонию (А.Г. Манаков [5, с. 98–107], О.Н. Копытова [4, с. 63–65], Е.О. Негров [9, с. 82–90] и др.), хотя на межгосударственном уровне здесь сохраняются серьезные противоречия и не прослеживается ориентация на развитие многоформатного диалога. Отношения же с Республикой Беларусь, несмотря на объективные взаимные интересы, остаются без должного внимания.

Ввиду усиления конкуренции, увеличения роли глобализации и интеграции активная вовлеченность Псковской области в отношения трансграничного сотрудничества с Республикой Беларусь потенциально выступает перспективным направлением, позволяющим компенсировать определенные издержки негативных проявлений и более эффективно использовать дополнительные инструменты взаимодействия. Губернаторский корпус в этом процессе занимает особое место, т.к. участие представителей региональных и местных элит обеих стран ввиду их политической и экономической заинтересованности прямо или косвенно сказывается на успехе трансграничного сотрудничества. Однако его общий фон формируется совокупностью условий, возникающих на уровне межгосударственных отношений (применительно к России и Беларуси уже давно приобретших характер интеграционных, что предполагает гораздо более тесную взаимосвязь и плотность контактов по практически всем линиям).

Главной целью данного исследования является анализ динамики трансграничного сотрудничества Псковской области на белорусском направлении с учетом внутренних и внешних факторов и интересов контрагентов. Для ее достижения необходимо рассмотреть эволюцию трансграничных отношений Псковской области и партнеров из Республики Беларусь в контексте развития российско-белорусской интеграции; проанализировать содержание диалога представителей политических

элит на региональном и локальном уровнях; определить характер взаимоотношений Псковской области и партнеров из Беларуси; выработать некоторые рекомендации региону.

Проблемы и достижения

В условиях 1990-х гг. нахождение вдали от российской столицы обеспечивало Псковской области относительную свободу от политического контроля федерального центра, а приграничное расположение открывало новые перспективы для выстраивания внешних связей. Однако положительный эффект расширения потенциального пространства деятельности хозяйствующих и прочих субъектов региона изначально оказался незначительным. Соответственно, едва ли не самым предпочтительным в этом смысле для Псковской области могло стать белорусское направление, в то же время здесь обнаружились некоторые сложности, обусловленные рядом объективных и субъективных обстоятельств.

Так, при первом губернаторе Псковской области постсоветского периода А.А. Добрякове какие-либо официальные соглашения региона с Республикой Беларусь и ее областями заключены не были [13]. Стоит подчеркнуть, что и собственно российско-белорусский интеграционный вектор тогда не акцентировался. Наблюдалось некоторое дистанцирование Беларуси от многосторонних форматов с интеграционными задачами (например, Договора о коллективной безопасности). Тем не менее, в первые годы существования Содружества Независимых Государств региона Российской Федерации и Республики Беларусь установили определенные связи, регулируемые разнообразными документами.

На отсутствие инициатив со стороны первого губернатора по налаживанию взаимодействия с белорусскими партнерами, кроме прочего, повлияла внутренняя региональная ситуация, сложившаяся в результате противостояния «демократов» с представителями «старой номенклатуры» и конфликта главы администрации области с областным Советом.

Более позитивным в анализируемом ракурсе воспринимается период губернаторства В.Н. Туманова. Среди приоритетов своей деятельности он называл получение областью статуса свободной экономической зоны. В этом ключе использование геополитического положения области для выстраивания трансграничного сотрудничества стало очень важным. На уровне региона были заключены два соглашения с белорусскими партнерами: о развитии взаимовыгодного сотрудничества с Витебским облисполкомом в 1993 г. и Договор о дружбе и сотрудничестве с Минской областью в 1996 г. [Там же].

При следующем губернаторе, Е.Э. Михайлове, были подписаны соглашения и договоры с Витебской областью Республики Беларусь, непосредственно граничащей с Псковской областью [13]. Особо отметим, что Михайлов выступал к тому же соавтором принятого еще 23 декабря 1994 г. Постановления Государственной Думы РФ о совместном заседании Государственной Думы с Верховным Советом Республики Беларусь.

Центральные органы власти Республики Беларусь до этого времени редко проявляли интерес к Псковской области, но осознание важности отношений на уровне регионов обеих стран отчетливо прослеживалось. Например, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко использовал официальные сообщения по случаю праздничных мероприятий Псковской области для подчеркивания своей добрососедской позиции.

В начале 2000-х гг. уже можно констатировать серьезные успехи Псковской области в формировании многоуровневой структуры взаимодействия с белорусскими партнерами. В частности, в октябре 2000 г. подписано соглашение между министерством иностранных дел Республики Беларусь и администрацией Псковской области Российской Федерации о торгово-экономическом сотрудничестве [10]. Соглашение существенно обогатило перечень форм сотрудничества. В ноябре 2000 г. заключен договор на локальном уровне – о партнерстве между Псковом и Витебском.

Применительно к плоскости российско-белорусских отношений с периода руководства Михайлова нарабатывался опыт реализации инструментария концепции еврорегионов в рамках еврорегиона «Днепр» (Гомельская область (Беларусь), Черниговская область (Украина), Брянская область (Россия)) [3]. Благодаря ему гипотетически может быть увеличен потенциал взаимодействия Псковской области с белорусскими партнерами, однако Псковская область до сих пор участвует в осуществлении этой формы международной интеграции лишь в рамках еврорегиона «Псков–Ливония» (приграничные районы России, Эстонии и Латвии) [12, с. 59].

Период конца 2004 – начала 2009 гг., к сожалению, оказался практически «нулевым» для наращивания приграничного и трансграничного взаимодействия по линии Псковская область – Республика Беларусь. Он пришелся на губернаторство М.В. Кузнецова. За время его руководства ни одного документа о сотрудничестве с Республикой Беларусь на уровне региона подписано не было, хотя белорусская сторона выражала желание поддерживать взаимоотношения, что проявлялось в оказанном внимании со стороны Президента Республики Беларусь к перво-му лицу области.

Можно, разумеется, искать причины такой стагнации в необходимости для сторон некоей отсрочки в целях более эффективной имплементации свершившихся достижений, в трудностях политического диалога России и Беларуси на высшем уровне вследствие «торговых войн» и пр. Вместе с тем, имелись и внутрирегиональные политические обстоятельства, не позволившие добиться новых результатов в данной области.

В период руководства областью А.А. Турчаком позитивная динамика взаимодействия Псковской области с Беларусью возобновилась. Количественно она заключалась в новых соглашениях и договорах [2; 13]. Качественно – прежде всего в активизации сотрудничества между районами и городами Псковской области и Беларуси с акцентом на интересах населения. Сам А.А. Турчак подчеркивал, что «стимулом к дальнейшему развитию и укреплению сотрудничества служит постоянная активная деятельность региональных и местных властей по обе стороны границы» [1].

Еще одной тенденцией можно признать подписание соглашений между различными организациями (в частности, Соглашения о взаимодействии и сотрудничестве между Псковской областной организацией Профсоюза работников народного образования и науки РФ и Минской областной организации Белорусского профсоюза работников образования и науки, апрель 2014 г.).

Личные контакты губернатора области с представителями белорусских республиканских и областных ведомств положительно сказались на внедрении элементов планирования стратегии и тактики взаимодействия на разных уровнях. Пример этого – План мероприятий («дорожная карта») «Развитие двустороннего сотрудничества между Республикой Беларусь и Псковской областью Российской Федерации», утвержденный в 2012 г.

В рамках второго Форума регионов России и Белоруссии 2015 г. были заключены соглашения области с исполкомами Витебской и Брестской областей Республики Беларусь [10]. Новые моменты в них – желание сторон развивать прямые связи средств массовой информации, более четкое выделение приоритетных областей, активизация научно-технического сотрудничества.

Конкретизация областей и механизмов сотрудничества, планирование, реализация, контроль, ориентация на получение результата, анализ проведенных мероприятий способствовали укреплению добрососедских отношений. В частности, в июне 2015 г. состоялась встреча губернатора Псковской области с Президентом Республики Беларусь. Близость и родство регионов не раз подчеркивались белорусской стороной в официальных заявлениях.

В апреле 2017 г. был подписан Договор о породнении между Шарковщинским районом Витебской области и Псковским районом Псковской области [2]. Следует отметить, что на этом этапе строительства трансграничного сотрудничества породненные связи городов и районов России и Беларуси стали рассматриваться как действенный фактор народной дипломатии.

В июне 2017 г. Турчак заключил соглашение между администрацией Псковской области и Правительством Республики Беларусь о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве [10]. Принципиальных отличий в отношении Псковской области с белорусскими партнерами оно не привнесло, но подтвердило заинтересованность представителей региональных и местных элит в продолжении трансграничного сотрудничества и укрепило уже сложившиеся взаимосвязи.

Большое количество подписанных соглашений и заключенных договоров в исследуемый период можно объяснить появлением в 2010 г. Таможенного союза. Его создание неизбежно вызвало положительные изменения в отношениях Российской Федерации и Республики Беларусь. Были сняты практически все ограничения на ведение двусторонней торговли. Подобный институциональный толчок к развитию естественным образом стимулировал и отношения регионов.

После досрочной отставки Турчака временно исполняющим обязанности главы региона был назначен, а впоследствии избран губернатором М.Ю. Ведерников. Практически сразу после его утверждения в должности область посетил И.В. Заломай – руководитель отделения Посольства Республики Беларусь в РФ [11].

Ведерников неоднократно принимал участие в рабочих встречах с министрами архитектуры и строительства Республики Беларусь А.Б. Черным и Д.М. Микуленком. При этом губернатор активно использует федеральный ресурс, а также потенциал интеграционных форматов, например, благодаря семинарам Парламентского Собрания Союза России и Беларуси [7]. Основной предмет обсуждения – развитие производственной кооперации и строительства.

При новом губернаторе продолжилась деятельность двусторонней рабочей группы по сотрудничеству Псковской области и Республики Беларусь. Один из главных ее результатов – «дорожная карта» по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству на 2018–2020 гг. Характерны акценты на подготовке и осуществлении конкретных проектов (рамочное соглашение между государственным предприятием «Псковпассажиравтотранс» и белорусским «МАЗом» и др.) и актуализация ранее заключенных

соглашений районов Псковской области с партнерами из Витебской области [14].

Итак, отношения Псковской области и Республики Беларусь развивались достаточно динамично, практически с нуля до обретения уровня партнерского взаимодействия. Важно, что и в редкие периоды застоя не были забыты достигнутые договоренности или расторгнуты заключенные соглашения. Несмотря на то, что на активности участия политических элит Псковской области в развитии внешних связей с Беларусью сказывались разные факторы, обнаруживавшиеся в плоскости федеральных, региональных и двусторонних взаимодействий, белорусская сторона продолжала проявлять интерес к российскому региону.

Политика, проводимая властями Псковской области на белорусском направлении за последние 10 лет, оказалась самой результативной. В настоящее время область располагает широкой сетью договорных отношений с Республикой Беларусь – как на региональном, так и на локальном уровнях. Инициативу активно перенимают отдельные учреждения и предприятия. Подход сторон к роли приграничного положения в стратегических документах можно интерпретировать как комплексный, затрагивающий многие области и позволяющий извлекать новые преимущества.

Имеются прямые контакты Псковской области с центральными органами власти Республики Беларусь. Они, в свою очередь, уделяют области довольно пристальное внимание, поэтому можно утверждать, что соблюдение формальностей дополнилось качественным сотрудничеством. Приграничное и трансграничное сотрудничество в рассматриваемом ракурсе вышло за рамки торговых операций и обрело многоаспектный, разноуровневый и диверсифицированный характер.

Стороны довольно успешно реализуют намеченные планы, поставленные цели и задачи, однако думается, что весь кооперационный потенциал ими еще не задействован. Некоторые прежние проблемы исчерпали себя. Например, проблемы регионального уровня: конфликты внутри региональных политических элит; отсутствие инициатив со стороны губернаторов; игнорирование потенциала интеграционных форматов; ограниченность характера сотрудничества, конкретных проектов, элементов планирования и стратегии; проблемы федерального уровня: несовершенство нормативно-правовой базы; недоступность федерального ресурса; проблемы международного уровня: дистанцирование Беларуси от многосторонней интеграции; отсутствие прямого интереса центральных органов власти Республики Беларусь к Псковской области. Некоторые проблемы, тем не менее, сохранились. На региональном уровне это отсутствие необходимой инфраструктуры,

невысокий уровень развития международных контактов и слабые экспортные возможности Псковской области; недооценка российско-белорусского вектора; на федеральном уровне: игнорирование инструментария других форм международной интеграции; ориентация на проекты федерального уровня; на международном уровне: трудности политического диалога Российской Федерации и Республики Беларусь, последствия санкционной политики. Ужесточились геополитические и геоэкономические вызовы (усиление конкуренции и конфронтации, эскалация конфликтности в том числе по периметру границ Российской Федерации и Республики Беларусь).

Представляется, что Псковской области в первую очередь необходимо увеличивать конкурентоспособность, поддерживая активную вовлеченность в трансграничное сотрудничество. Области необходимо продвигать свои интересы и на федеральном уровне, быстрее реагировать на изменения международной ситуации.

На обозримую перспективу, на наш взгляд, существует несколько ключевых векторов укрепления трансграничных отношений Псковской области и партнеров из Беларуси. Один из них – выстраивание договорных отношений с теми белорусскими областями, которые до этого оставались на периферии внимания участников, а именно – Гродненской, Могилевской и Гомельской.

Полагаем, что выстраивание отношений регионального и локального уровней в рамках российско-белорусской интеграции имеет стратегическое значение, т.к. даже в периоды ослабления межгосударственных отношений трансграничное сотрудничество может оставаться стабильным и добрососедским, способно сохранить связи и каналы для налаживания дальнейшего взаимодействия и его углубления.

Библиографический список / References

1. Беларусь – важнейший партнер. URL: <http://www.pskov.ru/press/19.03.13/31678/print> (дата обращения: 20.04.2019) [Belarus – vazhneyshiy partner [Belarus is the most important partner]. URL: <http://www.pskov.ru/press/19.03.13/31678/print>]
2. Документы поселений. URL: <http://pskovrajon.reg60.ru/dokumenty/dokumenty-poselenii/dokumenty-poselenii> (дата обращения 20.04.2019). [Dokumenty poseleniy [Settlement Documents]. URL: <http://pskovrajon.reg60.ru/dokumenty/dokumenty-poselenii/dokumenty-poselenii>]
3. Копко Ю.А. Еврорегионы Беларуси. 26.05.2010. URL: <http://forsecurity.org/evroregiony-belarusi> (дата обращения 20.04.2019). [Kopko Yu.A. Evroregiony Belarusi [Euroregions of Belarus]. 26.05.2010. URL: <http://forsecurity.org/evroregiony-belarusi>]

4. Копытова О.Н. Внешнеэкономические связи Псковской области // Проблемы и перспективы европеизации образования приграничных территорий / Отв. ред. Г.В. Варламов. Псков, 2013. С. 63–65. [Kopytova O.N. Foreign economic relations of the Pskov region. *Problemy i perspektivy evropeizatsii obrazovaniya prigranichnykh territoriy*. G.V. Varlamov (ed.). Pskov, 2013. Pp. 63–65. (In Russ.)]
5. Манаков А.Г. Динамика трансграничных контактов населения западных районов Псковской области в 2003–2013 гг. // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 98–107. [Manakov A.G. Dynamics of cross-border contacts of the population of the western regions of the Pskov region in 2003–2013. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2014. No. 17. Pp. 98–107. (In Russ.)]
6. Миранков Д.Б. Основные типы и направления трансграничного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7-1. С. 195–199. [Mirankov D.B. The main types and directions of cross-border cooperation of the border regions of the Russian Federation. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016. No. 7-1. Pp. 195–199. (In Russ.)]
7. Михаил Ведерников провел встречу с участниками Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. URL: <https://pln-pskov.ru/politics/293101.html> (дата обращения: 20.04.2019). [Mikhail Vedernikov provel vstrechu s uchastnikami Parlamentskogo Sobraniya Soyuza Belarusi i Rossii [Mikhail Vedernikov met with participants in the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia]. URL: <https://pln-pskov.ru/politics/293101.html>]
8. Морачевская К.А., Шавель А.Н. Динамика внешней торговли регионов российско-белорусского приграничья в 2010-е годы // Псковский регионологический журнал. 2016. № 4 (28). С. 15–28. [Morachevskaya K.A., Shavel A.N. Dynamics of foreign trade of the regions of the Russian-Belarusian border in the 2010s. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2016. No. 4 (28). Pp. 15–28. (In Russ.)]
9. Негров Е.О. Дискурс «мягкой силы» в приграничных регионах РФ: опыт эмпирического исследования // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 4. С. 82–90. [Negrov E.O. Soft power discourse in the border regions of the Russian Federation: An empirical study. *POLITEKS*. 2014. Vol. 10. No. 4. Pp. 82–90. (In Russ.)]
10. Нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://pravo.minjust.ru> (дата обращения: 20.04.2019). [Normativno-pravovye акты Rossiyskoy Federatsii [Normative legal acts of the Russian Federation]. URL: <http://pravo.minjust.ru>]
11. О состоянии и перспективах развития международных и внешнеэкономических связей Псковской области. 23.03.2018. URL: http://www.mid.ru/web/guest/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2836028 (дата обращения 20.04.2019). [O sostoyanii i perspektivakh razvitiya mezhdunarodnykh i vnesneekonomicheskikh svyazey Pskovskoy oblasti [On the state and prospects of development of international and foreign economic relations of the Pskov region]. 23.03.2018. URL: http://www.mid.ru/web/guest/vnesneekonomiceskie-svazi-sub-ektov-rossijskoj-federacii/-/asset_publisher/ykggrK2nCl8c/content/id/2836028]

12. Пирожник И.И., Озем Г.З., Шадраков А.В. Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России // Вестник БГУ. Сер. 2. 2010. № 1. С. 55–60. [Pirozhnik I.I., Ozem G.Z., Shadrakov A.V. Economic and geographical factors of cross-border cooperation between Belarus and Russia. *Vestnik BGU. Ser. 2.* 2010. No. 1. Pp. 55–60. (In Russ.)]
13. Реестр (Перечень) подписанных международных документов о межрегиональном и приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=22680> (дата обращения 20.04.2019). [Reestr (Perечen) podpisannykh mezhdunarodnykh dokumentov o mezhtse regionalnom i prigranichnom sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov SNG [Register (List) of signed international documents on inter-regional and cross-border cooperation of the CIS member states]. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=22680>]
14. Семёнова Л., Орехова А., Пугавьёва О. На «Себежской волне – 2018» // Призыв. 2018. 21 июня. URL: http://smi60.ru/2018/07/21/na_sebezhskoj_volne_-2018.html (дата обращения: 20.04.2019). [Semyonova L., Orekhova A., Pugavyova O. At the celebration “Sebezhszkaya volna – 2018”. *Prizyv.* 21.06.2018. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 06.09.2019, принята к публикации 14.10.2019
The article was received on 06.09.2019, accepted for publication 14.10.2019

Сведения об авторе / About the author

Горская Анастасия Николаевна – аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия

Anastasia N. Gorskaya – postgraduate student of the Department of General History, Political Science and Area Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia

E-mail: gorskaya_nastya@mail.ru

О. Мерлен¹, Т. Папазян²

¹ Брюссельский свободный университет (франкоязычный),
B1050 г. Брюссель, Бельгия

² Университет Южной Калифорнии,
90089 г. Лос-Анджелес, США

Армянские бойцы-добровольцы в Нагорно-Карабахском конфликте: взгляд на нарративные траектории в ситуации «ни войны, ни мира»¹

В статье представлены результаты исследований, проведенных в Армении после Четырёхдневной войны (апрель 2016 г.), а затем в 2017 г. Эта работа исследует значение, которое добровольцы и бывшие комбатанты придают своему участию в карабахском вопросе как социальной мобилизации, а затем как вовлеченности в войну. У некоторых – двойной опыт в течение их жизни. Используя индуктивный метод исследования, в статье делается попытка пролить свет на траектории жизни ветеранов карабахской войны (1991–1994 гг.) в послевоенной Армении, точнее, в течение десятилетий конфликта в условиях постоянно нарушаемого режима прекращения огня. На фоне континуума этого конфликта и Четырёхдневной войны статья свидетельствует о существовании у большинства из этих ветеранов и бывших комбатантов состояния боевой готовности, независимо от того, переводится ли это непосредственно

¹ Данная статья является частично доработанным переводом оригинальной публикации на английском языке: Merlin A., Papazian T. Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation. *Security, Society and the State in the Caucasus*. D. Averre, K. Oskanian (eds.). Routledge, 2019. Pp. 145–166.

Авторы благодарят издательство «Routledge» за любезное предоставление разрешения на публикацию на русском языке. Перевод с английского на русский: Андрей Есин.

в их послевоенный профессиональный курс или нет. Траектории ветеранов за 25-летний период после прекращения огня, отражают, судя по всему, проникновение состояния боевой готовности в индивидуальную практику.

Ключевые слова: Карабах, Нагорно-Карабахский конфликт, ветераны военных действий, армянские добровольцы, ситуация «ни войны, ни мира», состояние alertности, социальные траектории.

Благодарности. Мы выражаем глубокую признательность Анне ле Уэру, Дереку Аверру, Кеворку Осканяну, Нейлу Мелвину, Кристофу Васинскому, Ксавьеру Фоллебуку, Мариэль Дебо и Ваграму Тер-Матевосяну за их ценный вклад, который позволил значительно улучшить эту статью. Мы также выражаем благодарность Наталье Вутовой за ее помощь в Ереване.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мерлен О., Папазян Т. Армянские бойцы-добровольцы в Нагорно-Карабахском конфликте: взгляд на нарративные траектории в ситуации «ни войны, ни мира» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 123–149.

A. Merlin¹, T. Papazian²

¹ Université libre de Bruxelles,
Brussels, B1050, Belgium

² University of Southern California,
Los Angeles, CA, 90089, USA

Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation

This article presents the results of field research carried out in Armenia in the aftermath of the Four-Day war (April 2016) and later on, in 2017. This qualitative fieldwork questions the meanings that volunteers, veterans and former combatants give to their involvement in the Karabakh question as social mobilization and then war, sometimes twice in the course of their lives. Using an inductive method of research, the article attempts at enlightening trajectories of veterans of the Karabakh war (1991–1994) in post-war Armenia, or rather, during the decades of conflict under a permanently violated cease-fire regime. Against the background of this conflict continuum and in the context of the Four-day war, the article

evidences the existence of a state of alert inhabiting most of these veterans and former combattants, whether this translates directly in their post-war professional course or not. Looking at veterans' trajectories over a period of 25 cease-fire years, they seem to reflect the impregnation of the state of alert into individual practices.

Key words: Karabakh, Nagorno-Karabakh conflict, war veterans, Armenian volunteers, "no-war no-peace" situation, state of alert, social trajectories.

Acknowledgments. We are deeply grateful to Anne Le Huérou, Derek Averre, Kevork Oskanian, Neil Melvin, Christophe Wasinski, Xavier Follebouck, Marielle Debos, Vahram Ter-Matevosyan for their valuable contribution, which allowed to significantly improve this article. We also thank Natalia Voutova for her help in Yerevan.

CITATION: Merlin A., Papazian T. Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 123–149. (In Russ.)

Введение

В апреле 2016 г. в Карабахе вспыхнула «Четырехдневная война»². Это короткое, но жестокое противостояние послужило еще одним проявлением нестабильной ситуации «ни войны, ни мира». Эта ситуация сложилась в Карабахе с момента прекращения огня в 1994 г. Она четко напомнила о том, что конфликт, начавшийся в 1988 г., никогда понастоящему не был разрешен, превратившись в «замороженную ситуацию» [12, с. 59–74]. Предложения, регулярно выдвигаемые Минской группой ОБСЕ на протяжении 1990-х и 2000-х гг., наткнулись на нежелание то одной, то другой стороны идти на компромисс. Не остается никаких сомнений, что выражение «замороженный конфликт» неприменимо к существующему положению дел, осложняемому все возрастающим количеством случаев нарушения перемирия с 2014 г. Наоборот, термин «неразрешенные конфликты» все чаще употребляется для описания подобных, кажущихся непреодолимыми, постсоветских конфликтов, которые характеризуются постоянными военными столкновениями разной интенсивности. Хотя столкновение 2016 г. и обозначило внезапную смену характера конфликта, тлевшего с момента перемирия 1994 г., разделив его на две войны, в долгосрочной перспективе это лишь подчеркивает континуум нестабильности [37].

² Началом войны послужили обстрелы деревень Тальш, Мадагис и Мардакерт (к востоку от Нагорно-Карабахской Республики) и последовавшая за ними бомбардировка Казаклара/Нузгера, Алханлы/Физули (на юге), а также Капанли/Суйсулана и Гулистана/Тонашена (на севере). Информация основана на данных, собранных и опубликованных 23 апреля 2016 г. Эмилем Санамяном, независимым аналитиком и журналистом (<http://yandunts.blogspot.co.il/2016/04/april-2016-war-in-karabakh-chronology.html> (по состоянию на июнь 2017 г.)).

С другой стороны, карабахский статус-кво действительно можно описать как «заморозку». С 1994 г. Карабах продемонстрировал множество признаков де-факто государства³ [47, с. 5–16]. Изначально взяв открытый курс на стремление «воссоединиться» с Арменией, Карабах выбрал провозглашение независимости в 1991 г. и продолжал требовать признания этого статуса после военных успехов 1994 г.⁴ При этом, даже учитывая, что Карабах полностью вышел из-под контроля Азербайджана с момента перемирия 1994 г., Баку до сих пор считает его своей территорией.

Карабахский конфликт, начавшийся в 1988 г., не закончен во время завершения статьи в 2019 г. В рамках этого конфликтного континуума нарушения прекращения огня с 1994 г. являются частыми и регулярными, что придает конфликту низкую интенсивность и почти постоянный характер. Военные операции апреля 2016 г. отличаются интенсивностью, продолжительностью, количеством жертв с обеих сторон (более 300) и их последствиями. Наша первая полевая командировка в июне 2016 г. состоялась очень скоро после событий апреля 2016 г. У респондентов осталось тогда смутное представление о событиях, особенно в том, что касается времени окончания операций. С другой стороны, было ясно, что все видят в этих событиях 2016 г. новую войну.

В соответствии с предпочтительным в данной статье методом качественного исследования, авторы восприняли всерьез то, как респонденты характеризуют эти события: то ли как «вторую войну», то ли как «последнюю войну». В последующие месяцы название «Четырехдневная война» стало использоваться для обозначения этого эпизода, консолидируя эту периодизацию. В поддержку этой периодизации на две войны соглашение о прекращении огня 1994 г. не было ни отменено, ни заменено в конце вооруженных операций 2016 г. Как бы нарушено оно ни было, оно остается в силе.

Мы попытаемся заново открыть мотивы конфликта, длящегося 25 лет и охватывающего полный поколенческий цикл, рассматривая один из механизмов реакции общества – вовлечение армянских бойцов-добровольцев в Карабахскую войну в 1988–1994 гг. и в апреле-мае 2016 г.,

³ По сравнению с правовым определением государства, установленного в Конвенции Монтевидео, Нагорный Карабах не обладает международным признанием и, как представляется, определенной территорией (последнее обстоятельство является частью переговорного процесса). Из-за того, что его независимость не была де-юре признана на международном уровне, несмотря на растущее число государств, признающих республику в частном порядке, особенно США, Карабах не пользуется преимуществами полного суверенитета [47].

⁴ К тому же Нагорно-Карабахская Республика сделала ряд политических и правовых шагов для обретения разных атрибутов государства, прежде всего, регулярно проводя выборы с 1996 г. и приняв две конституции – в 2006 и 2017 гг., переименовав себя в Республику Арцах – армянское название Карабаха.

на пике военного противостояния⁵. Наша работа исследует воспоминания и рассказы ветеранов войны о своем боевом опыте в период пика военной напряженности в 2016 г. Она нацелена на анализ субъективной значимости добровольчества и восприятие/«маркировку» конфликта добровольцами. Цель этой статьи – улучшить понимание свойств этого ответного механизма общества (добровольчества) в ситуации политически неразрешенного и непрекращающегося в военном плане конфликта и воздействия, которое он производит на их траектории. На этом этапе нашего исследования мы приведем результаты предварительного, сделанного согласно индуктивному подходу, анализа качественных данных, собранных во время двух полевых работ в Армении (в июне 2016 г. и январе 2017 г.).

Мы обработали 20 индивидуальных и групповых полуструктурированных интервью⁶.

⁵ Большинство источников указывают, что несколько тысяч армян пошли воевать в Карабах в 2016 г. Для сравнения: изначальное количество добровольцев в начале войны и в конце 1980-х гг. было примерно одинаково, около 5 тыс. человек, организованных в *джогад* (группы бойцов). По нашим оценкам, количество бойцов из самого Карабаха колебалось между примерно тысячами и несколькими тысячами во время войны 2016 г. (полевые записки, июнь 2016 г.).

⁶ 1. Мы представлялись учеными из Франции и Бельгии, проводящими исследование о ветеранах и добровольцах войны, и объясняли, что ищем людей, непосредственно вовлеченных в карабахский конфликт, будь то война 1988–1994 гг. и/или Четырехдневная война 2016-го г., и которые были бы согласны поделиться своими историями. Многие приветствовали тот факт, что над этими темами работают иностранные ученые, даже если не были готовы поделиться личным опытом при ответе на вопросы, которые вызывали сильные негативные воспоминания.

2. Собеседования начинались с объективных биографических вопросов, как правило, места и даты рождения, работы и/или профессии, семейного положения. Этот тип вопросов часто вызывал более субъективные вопросы по траекториям (см. п. 3).

3. Основные вопросы касались траекторий и ключевых моментов в жизни опрошиваемых, показанных через действия/решения, что позволило нам достичь вопросов нашего исследования об их собственном восприятии конфликта и их вовлеченности в него. Например, когда и/или как они датируют начало конфликта и свою собственную вовлеченность в него (которые могут и не совпадать); свою реакцию; свое понимание вещей; восприятие проблемы и эволюцию со временем; причины вовлеченности в конфликт; свою реакцию на Четырехдневную войну; свое прочтение событий. В рамках этого набора вопросов часто разворачивались семейные воспоминания, индивидуальные или коллективные обращения к прошлому, которое ощущалось как связанное с текущими событиями и, таким образом, как вовлеченность в них.

4. Дополнительные вопросы носили смешанный характер и зависели от возраста опрошиваемого и от особого курса проведения каждого интервью. Дополнительные вопросы касались более широкого восприятия респондентом карабахского конфликта, проблем и решений, роли политических деятелей или третьих стран. Можно было задать и более частные вопросы, об их семьях, детях, о том, как они видят проблемы или планы на будущее нового поколения. Эти дополнительные вопросы не являются бесполезным любопытством, а позволяют более целостно понять социальный и ментальный мир опрошиваемого и более тонко понимать другие ответы.

5. Интервью заканчивается благодарностью опрошиваемому за его/ее время и готовность продолжать делиться своим опытом. После выключения диктофона встреча может продолжаться несколько минут с просьбой о дополнительных контактах и с пожеланиями успеха, что всегда завершает разговор в Армении и на самом деле является способом попрощаться.

Главной особенностью полуструктурированных интервью является навигация с учетом реакций и ответов респондентов. Таким образом заранее составленная анкета сводится к минимуму, главным образом, к объективным биографическим данным. Мы взаимодействовали с респондентами как ведущие интервью. Интервью длилось от 1 до 2 часов. Большинство из них произошло в Ереване, некоторые – в регионах. В большинстве случаев это были одиночные интервью, проведенные отдельно авторами. Одна из нас проводила интервью на армянском языке (Талин Папазян), другая – на русском (Од Мерлен); были также два случая, когда одно одиночное интервью вылилось в более широкую групповую дискуссию. В большинстве случаев респонденты соглашались на запись и на то, чтобы их имя и фамилию сохранили.

Используя несколько каналов обеспечения участия, которые привели к «эффекту снежного кома», нам удалось опросить разных людей: некоторых «старожилов»; членов объединений помощи бывшим воинам; председателя союза добровольцев *Еркрана* («Защитников земли») и его заместителя; бывших бойцов, ставших профессиональными солдатами; людей, состоявших в спецбатальоне *джогад* (батальон «приговоренных к смерти» *Ардив Махабарт*) и «Особом полку»; профессионального военнослужащего, покинувшего советскую армию для того, чтобы попасть на фронт; бывшего офицера силовых структур СССР, ставшего полевым агентом во время войны; двух женщин и телерепортера/режиссера-документалиста, который снимал репортажи о Карабахской войне в 1992–1994 гг. Мы также взяли два дополнительных интервью у близких родственников бывших бойцов (вдовы пропавшего без вести добровольца и сына солдата, погибшего в бою). Разнообразие социологических профилей особенно обогатило исследование, и мы уделяли большое внимание значению, которое его участники придавали своим действиям, используя веберовскую [50] перспективу интерпретативного подхода к участникам, что означает, что мы концентрировались на их функции «актеров», без какого-либо предубеждения к ним. Список опрошенных не имеет статистического значения в плане репрезентативности, но тот качественный материал, который он представляет, дает нам эвристические элементы, которые мы будем в дальнейшем развивать.

Поведение сотен ветеранов, вновь записавшихся в добровольцы в апреле 2016 г. и последующие недели⁷, и показания, которые нам

⁷ Из интервью с заместителем министра обороны Армении Давидом Тонояном и руководителем Управления по социальной защите военнослужащих Министерства обороны, июнь 2016 г.

удалось у них собрать, дали нам понимание их представления о конфликте и их роли в нем в течение длительного периода существования ситуации «ни войны, ни мира». Естественно, будет необходимо дополнить это исследование симметричным опросом о представлениях и опыте бывших азербайджанских бойцов, которые участвовали в том же конфликте.

I. Становясь бойцом: сингулярные траектории в коллективной социополитической истории

Взятые нами интервью четко свидетельствуют о том, что война 2016 г. пробудила яркие воспоминания о событиях 1988–1994 гг. Эти воспоминания распались на две повествовательные линии, одна из которых касалась ключевых событий начала войны в Карабахе, а другая отражала личные истории «становления бойцов». Это становление, как следует из рассказов, проистекает из сочетания объективной ситуации и субъективного вовлечения в войну. Яркий пример такого сочетания кроется в позициях по поводу момента начала войны. Его определение для каждого добровольца тесно связано с этим двойным повествованием: в отсутствие всеобщей мобилизации бывшие бойцы описывают свое вступление в войну как смешение неформального, импровизированного поведения и логики общественного деяния.

Сосуществуют два измерения. Одно из них представляет собой коллективную социополитическую канву истории, на которой важнейшие события фиксируются в виде памятных точек. В этом переплетении случаев, где объективные факты пересекаются с личными решениями, одно событие является общим для нарративов всех бывших армянских бойцов, которых мы интервьюировали: февраль 1988 г. в Сумгаите, когда 32 армянина были убиты и 197 ранены в результате трехдневного погрома в Азербайджане [14, с. 97–109]. Оно упоминается как событие всеобщей значимости, играющее доминирующую роль в начале войны и также являющееся важной политической вехой [41, с. 31, 38–39]. Поразительно, что термин «Сумгаит» иногда используется респондентами в качестве общего выражения для обозначения нескольких подобных случаев, имевших место в Азербайджане с 1988 по 1990 гг.⁸ Другое измерение – это личное изложение событий, с которыми акторы субъективно связывают начало «своей» войны, что особенно интересно в контексте общества, в котором доступ к информации строго контролировался государством. Таким образом, личный опыт каждого участника

⁸ В советском Азербайджане произошли три армянских погрома: два в 1988 г., сначала в Сумгаите, затем в Кировабаде/Гяндже, и еще один в январе 1990 г. в Баку.

содержит в себе информацию из первых рук, а кумулятивное наложение этих опытов складывается в коллективную историю, подчеркивая отдельность общественного мышления от политического.

1. Одна из точек начала отсчета войны: Сумгаит

– *И тогда уже после Сумгаита начнется. Самое главное – как весь армянский народ встал... в [19]88 году, 28 февраля – самое главное. После Сумгаита начнется. И так армянский народ встал и в начале их требования: Нагорный Карабах...* (Герам, 1961 г.р., председатель «Особого полка», организации бывших бойцов из этого подразделения.)

Все наши респонденты уверены в катализирующем эффекте, который происшествие в Сумгаите возымело на их вовлечение в события⁹ как символической черте, после которой было невозможно оставаться нейтральным или полагаться на политическую мобилизацию. Хотя демонстрации воспринимались как важные события для социализации, они зачастую представлялись в обратной хронологии по отношению к фактическим событиям: память меняет цепь прошлых событий, т.к. после резни в Сумгаите демонстрации не стали собирать больше людей, но обрели новый уровень значимости. Приходя на демонстрации, люди пытались, иногда бессистемно, не просто ограничиваться участием в политических событиях, но и вовлечься в военные. Демонстрации больше не были просто поводом скандировать «Миацум» («объединение»), а стали служить местом, где люди устанавливали связи, составляли списки, заявляли о готовности поехать воевать, поддерживая позицию Карабаха. Но наши собеседники зачастую давали путаные показания, т.к. некоторые ассоциировали с этим периодом требования о независимости Карабаха, которые были формализованы в заявлениях только в 1991 г., когда стратегия объединения была заменена на объявление независимости. Именно подобным образом Манвел, бывший солдат, а ныне активист ветеранской организации, связывает собрания у здания Оперы после событий в Сумгаите с требованиями о независимости Карабаха.

Да, как нормальные люди... все встали и пошли на Оперу... и требовали независимости Арцаха... (Манвел, член ветеранской организации, Ереван, 7 июня 2016 г.)

На политическом уровне погромы помогли ускорить создание вое-низированных групп, готовых отправиться на фронт. Уже в 1988 г. Карабахский комитет решил сформировать *еркрана джогоаднер* (букв.

⁹ Связь между событиями в Сумгаите и войной в Карабахе проанализирована в работе V. Cheterian [14].

«вооруженные группы защитников родины») [41, с. 75–91]. В то же время Армянское национальное движение, которое проводило демонстрации за включение Карабаха в территорию советской Армении, радикализовало свое отношение к советской власти и начало требовать предоставления независимости. Наиболее значимым решением в этом отношении было создание в 1990 г. Комитета Обороны, возглавляемого Вазгеном Саргсяном [Там же, с. 37–43]. Задачей комитета был надзор за формированием и отправкой *джогадов*, неформальных вооруженных групп численностью от 15 до нескольких дюжин человек, эти группы достигли максимального числа в 5 тыс. человек во всей Республике Армения. Так как Армения в то время была частью Советского Союза, это начинание было полностью неофициальным¹⁰. Некоторые из этих черт были присущи различным конфликтам на Кавказе, а именно: вовлечение людей в войну в составе неофициальных групп бойцов, попытки самоорганизации и формализации со стороны расцветающих политических сил [34, с. 1–9].

2. Преданные добровольцы, импровизированные бойцы

Отсутствие формального объявления войны и устоявшейся государственной структуры породило ситуацию, в которой при формировании групп *джогад* преобладали спонтанность и импровизация. В воспоминаниях людей присутствует некая смычка, которая увязывает демонстрации с появлением *джогадов*.

– *Когда митинги, я несколько дней там... участвовал. Там собирались ребята... ну, ровесники или в несколько лет разница... все от души хотели уже в Нагорный Карабах. И тогда мы начали собирать отряды. Но это... камavorакан... [добровольцы]*

– *Камavorакан. [добровольцы] <...>*

– *Мы собрались все. Никто друг друга не знал. Мы не знали, кто они, ребята не знали, кто я, просто там встретились во время митинга и начали собирать отряд.* (Манвел, член ветеранской организации, Ереван, 7 июня 2016 г.)

Способ добычи оружия был типичным для обстановки, царившей в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда советская система постепенно разрушалась накануне появления новых государств. Оружие собиралось из всех возможных источников и всеми доступными способами: нападениями на гарнизоны, скупкой, обменом, с помощью коррупции. Те же способы можно было наблюдать в Абхазии и Чечне: люди становились бойцами на общем фоне экономического развала, последовавшего

¹⁰ Более глубокий анализ этого политического процесса см. [41, с. 75–97].

за реформами перестройки в совокупности с приватизацией и ослаблением советского государства [7, с. 3–18]. Таким образом, мы можем выявить довольно разнообразный «комплект бойца»: некоторые разбирали оружие деревенских охотников, некоторые доставали его в захваченных гарнизонах, в то время как другие ездили по Кавказу, чтобы запастись им.

– *Тогда не было такого оружия, автоматов... там охотничьи [винтовки]... ТОЗ...*

– *А откуда оружие? Из дома?*

– *Конечно.*

– *В каждом доме есть?*

– *Нет, не в каждом.*

– *И вы знали, куда обратиться?*

– *Да, конечно.*

– *К соседям? К родственникам?*

– *У друзей, у соседей. Кто где.* (Армен, заместитель председателя местного отделения Еркрапа, Дилижан, 3 июня 2016 г.)

Рубен – бывший советский офицер, дезертировавший из армии, чтобы создать группу бойцов и дойти до границы между Арменией и Азербайджаном в 1990 г. Он помнит, как он организовал свою группу и какое оружие у них было, когда они отправились воевать:

– *А эти восемь человек, вы их собрали, получается, в [19]89 году? В начале года? А потом, что конкретно? Откуда оружие? Какая стратегия?*

– *Оружие... ну... охотничьи ружья, потом из ДОСААФ вот взяли мелкалиберную двустолку...*

– *Из ДОСААФ?*

– *Да, вот так достали оружие, а потом остальное уже оружие добыли... Тогда оружие брали у азербайджанцев¹¹.* (Рубен, бывший советский офицер, 7 июня 2016 г., Ереван.)

Боевой опыт участников перед тем, как они отправлялись воевать, был довольно разным. Большинство людей, которых мы интервьюировали, отслужили в армии в советский период, но некоторым пришлось обучаться в полевых условиях. Гегам признается, что все в его *джогаде* так и учились воевать: непосредственно принимая участие в боевых действиях.

– *И эти 36 парней, они умели воевать?*

– *Научились.*

– *Прямо на месте?*

¹¹ Оружие зачастую добывалось на поле битвы. Больше информации о разных способах, которыми Армения справлялась с серьезной нехваткой оружия во время Карабахской войны, см. [41, с. 144–157].

– *Знаете что, мы все на месте научились.* (Герам, Особый полк, ветеранская организация, 7 июня 2016 г., Ереван.)

3. «Политические козни» против «благородного сражения»

В рассказах бывших армянских бойцов особое внимание уделяется правилам ведения боевых действий. Отражает ли это реальность или миф, но тот факт, что они упоминают эту тему, интересен сам по себе. Практический опыт говорит нам, что война, когда бы она ни шла, отменяет ограничения: в конечном счете, любой может совершить варварские акты. При разговоре с *камаворакан* всплывают такие темы, как сражение за свою землю, свой народ, свою нацию; сражение только ради самозащиты, уважение законов ведения войны, правил содержания пленных и их прав, вписывание своей собственной борьбы в долгую коллективную историю и ее оправдание частично на основе прошлых травм – таковы основные составляющие их историй.

Общая память и личные воспоминания о геноциде армян (1915–1918 гг.) сплошь пронизывают нарративы ветеранов об их участии в Карабахском конфликте. Семейные воспоминания и/или национальная история часто используются, чтобы представить сражение за Карабах как справедливое дело.

...[Мы] знали, что случилось в 1915 году... А когда началась наша Арцахская война, я добровольно здесь собрал группу и от зари до зари воевал. <...> Мой позывной – «Черный тюльпан». Не потому что я Ален Делон¹². Когда наших предков резали турки в 1915 году, на месте, где они погибли в этих землях, выросли черные тюльпаны. (Сасун Микаелян, бывший командующий и политик, Раздан, 14 января 2017 г.)

В качестве контраста с нравственным оправданием войны, в интервью очень часто проявляется отвращение к политике или геополитике, которая считается оппортунистичной и грязной, – отношение, довольно широко распространенное на бывшем советском пространстве. Мир, описываемый в этих разговорах, четко разделен на два лагеря, один из которых достоин защиты, а другой – нет. Рубо¹³, бывший офицер силовых структур СССР и член секретной разведывательной группы, делится своим видением мира в таких выражениях:

– *Вы считаете, что политика грязнее войны?*

– *Я считаю, что война – это грязь, кровь, пот, а политика – просто грязь. Плюс война – это необходимость, а от политики можно жить*

¹² «Черный тюльпан» – французский фильм (снятый Кристианом Жаком в 1963 г.), в котором главную роль играет Ален Делон.

¹³ Имя изменено авторами статьи.

отдельно. Я в политику не вмешиваюсь. Очень неприятно мне с ними общаться. Некоторые политические силы мне предлагали финансировать нашу организацию, я отказался. (Рубо, Ереван, 13 января 2017 г.)

«Достойное» обращается к романтическому, рыцарскому эпосу беззаветного самопожертвования за благородную цель; «недостойное» отдаст корыстью и коррупцией, людьми и олигархиями, думающими лишь о сиюминутной выгоде. Другими словами, утопично говорить о (благородном) политическом отражении военной ситуации (также благородной), т.к. политика, по мнению ветеранов, по определению никогда не может быть благородной.

Эта дихотомия в равной степени присутствует во внутренней и международной политике. Вопрос роли России в местной геополитике дает понимание того, как Четырехдневная война вновь пробудила воспоминания о первой войне и ее последствиях. В этом плане поразительным было видение ветеранами перемирия 1994 г. Его временный характер и последствия – лейтмотив наших интервью. В мае 1994 г., после трех лет полномасштабной войны, Россия способствовала перемирию между тремя воюющими сторонами: Арменией, Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Бросая взгляд назад, практически все нарративы наших интервьюируемых о перемирии 1994 г. пропитаны ощутимой горечью. Красной нитью проходит то, что Россия «навязала»¹⁴ перемирие, таким образом не дав армянским бойцам выполнить их задачу, которая, в мечтах интервьюируемых, означала, вероятно, поход до Баку или захват Нахичевани.

– Вы чувствовали, что будет конец?

– Нет, вот Алиев¹⁵ попросил Россию, и Россия заставила Армению подписать договор.

– А Вы бы хотели, чтоб продолжалось до...

– В первую очередь, я не знаю, как думает наше правительство, но это исконные армянские земли и наша историческая граница проходит по реке Кура. И пока не будет естественной географической границы между Арменией и соседним государством, эта война никогда не закончится, она утихнет, а потом снова воспламенится.

– Но я возвращаюсь к тому, что Алиев попросил Россию заставить армян...

– Не заставить, а уговорить армян о перемирии, но это не надо было делать.

¹⁴ Именно это слово употребляли все наши респонденты.

¹⁵ Имеется в виду Гейдар Алиев – советский и азербайджанский государственный, партийный и политический деятель. Президент Азербайджана с 1993 по 2003 гг.

– *А что, с вашей точки зрения, надо было делать, продолжать воевать?*

– *Почему Россия не остановилась на границе Советского Союза во время Великой отечественной войны, а дошла до Берлина? Это же нормально. Война закончилась полной капитуляцией. Почему же мы остановились, непонятно.* (Гагик, бывший член *Ардзив Махабарат*, Ереван, 1 июня 2016 г.)

Чувствуется глубокая горечь по поводу отношений патронажа, связывающих Армению с Россией как страну, зависящую от Москвы в вопросах безопасности [2, с. 3–21], при том, что Россия продолжает продавать оружие Азербайджану¹⁶. Это состояние «ни войны, ни мира» просуществовало 22 года и, в основном, приписывается геополитике Москвы, направленной на поддержание статус-кво на Южном Кавказе и выражающейся в дифференцированной, но сбалансированной поддержке обеих сторон конфликта. Четырехдневная война также пробудила более ранние настроения по поводу операции «Кольцо», проведенной в 1991 г., когда советская армия вмешалась, окружив и переселив армянские деревни в Карабахской области и на сопредельных территориях [14, с. 121]¹⁷.

...Потому что тогда все были против нас, Советский Союз был против нас, даже была организована целая операция «Кольцо», то есть советские войска защищали Азербайджан. Они их вооружили, они воевали против, сделали из нас... персон нон грата, сепаратистов, объявили сепаратистами... (Рубен, бывший советский офицер, Ереван, 7 июня 2016 г.)

Участие в сражениях и вклад в победу в 1994 г. дает право критиковать Россию солдатам и бывшим солдатам. Их критика становится еще сильнее от того, что они так и не пошли в политику; в целом неблагоприятное отношение к политике резко повышает критический подход.

¹⁶ В последние годы негодование по отношению к Москве нарастало быстрыми темпами из-за сочетания нескольких факторов, обнажающих неравные отношения России и Армении. Среди важнейших из них мы можем упомянуть использование Россией своего воздействия на безопасность в Карабахе, чтобы принудить Армению вступить в Таможенный союз в 2013 г.; убийство российским солдатом с военной базы в Гюмри В.П. Пермяковым семьи в этом городе в 2015 г.; продолжающуюся продажу большого количества оружия Азербайджану (3 млрд дол. в 2015 г.).

¹⁷ «Кольцо» – название военной операции, проведенной советскими ОМОНОм и 4-й армией, расположенной в Азербайджане, весной 1991 г. Операция заключалась в жестокое перемещение армян из областей Нагорного Карабаха и его окрестностей. Негласной причиной этого грубого вмешательства Советской армии в Карабахе было прекращение процесса обретения независимости Арменией, начавшегося годом ранее. Армения восприняла это как молчаливое объявление войны, но, тем не менее, проследовала по конституционному пути к независимости. Более детальный анализ политических и военных импликаций операции «Кольцо» см. [41, с. 85–90].

Таким образом, Гагик критикует не только «Россию», но и армянскую политическую элиту, когда он высказывает негодование по поводу награждения советского премьер-министра Н.И. Рыжкова армянским Орденом Отечества с присвоением звания «Национальный герой Армении» (2008 г.):

С 2004 г. Николай Рыжков стал единственным человеком, удостоившимся медали героя от Армении, хотя с независимой Арменией его ничего не связывает. В 1988 г., будучи Председателем Совета Министров СССР, он приехал в Гюмри и пробыл там месяц, чтобы оценить последствия землетрясения. Он даже ничего не сделал. Я не вижу смысла награждать его национальной медалью героя... Если бы он хоть чем-то помог после землетрясения, тогда... возможно... но там до сих пор зона бедствия. Почему его наградили медалью, а не людей, которые этого действительно заслужили? Почему бы не наградить геройской медалью наших нынешних героев, таких, как Арменак Урфанян, Роберт Абаджян, Кярам Соян?

Арменак Урфанян, Кярам Соян, Роберт Абаджян и Андраник Зограбян были первыми бойцами, которых армянская сторона (из Армении и Нагорно-Карабахской Республики) потеряла в четырехдневной войне с 1 по 2 апреля 2016 г. Они были отмечены за действия в бою несколькими наградами. Сравнивая заслуги бывшего советского премьер-министра с наградами молодых солдат и офицеров, интервьюируемый отмечает, что, по его мнению, высшая награда республики должна выдаваться тем, кто пожертвовал жизнью за страну. Обращаясь к более чем 25 годам истории Армении от позднего Советского Союза до нынешней независимости, интервьюируемый устанавливает в качестве мерил поступка деяние, предпринятое индивидуумом в конфликтной ситуации.

Для нашей выборки ветеранов главной характерной чертой последних 25 лет было постоянное отсутствие мира: хотя концепции «безмизрии» и не существует, было бы подходяще таким образом описывать и анализировать ситуации наподобие карабахской, когда перемирие теоретически продолжается десятилетиями, но по факту лишь сдерживает полномасштабную войну; наоборот, имеют место практически ежедневные нарушения, регулярные всплески более интенсивных боевых действий и мелкие столкновения. Ожидания ветеранов, и в более широком плане большей части армянского общества, нацелены на следующее военное обострение¹⁸ и создают психологическое состояние, которое может быть определено как алертность.

¹⁸ Мариель Дебо создает концепцию «межвоенья» ('entre-guerres'), чтобы выделить ситуацию, когда бойцы выжидают следующего эпизода войны в течение длительного отсутствия мира в африканской Республике Чад [18].

II. Неразрешенный конфликт и парадокс привычного состояния alertности, видимый через социальные траектории ветеранов

– Ну, перемирие длилось вроде бы 22 года, но каждый год, каждый месяц, каждую неделю мы слышим, что убили, убили, убили... неужели это перемирие? Это не перемирие, это, конечно, война. (Армен, заместитель председателя организации *Еркрапа*, Дилижан, 3 июня 2016 г.)

Эти слова принадлежат бывшему бойцу, ставшему впоследствии кадровым военным в армянской армии после войны в Карабахе в 1988–1994 гг., а затем и заместителем председателя местного отделения *Еркрапа*. Они свидетельствуют о ситуации «ни войны, ни мира», столь характерной для всех т.н. «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве [32, с. 32–37; 39, с. 5–7]. В отсутствие мирного договора и разрешения глубинных причин конфликта, насилие безостановочно продолжается на фронте, а противостоящие государства, признанные и непризнанные, продолжают вооружаться и находиться в состоянии постоянной готовности. Отсутствие доверия государств и в большой степени обществ друг к другу лишь способствует отчуждению двух народов.

После военной победы армян и перемирия 1994 г. во многих отношениях решающим фактором стал вопрос государственности, особенно на фоне военных побед других непризнанных потенциальных государств в постсоветском пространстве – Абхазии и Чечни. Об этом лучше всего свидетельствует проблема возвращения бойцов к мирной жизни и особенно их разоружения. По контрасту с Абхазией после перемирия 1993 г. и Чечней после перемирия 1996 г. армянские власти попытались систематически изымать оружие. В случае Чечни практически все бойцы сохранили у себя оружие после взятия Грозного в августе 1996 г., и некоторые из них незамедлительно стали нарушителями хрупкого мира, которого они не желали [33, с. 224–236]. В Абхазии же сепаратисты и не собирались сдавать оружие, т.к. такая идея казалась абсурдной и даже бессмысленной в ситуации отсутствия мирного договора¹⁹. Однако в случае Армении надо сделать четкое разграничение: при том, что Карабах является непризнанным государством наподобие Абхазии, Армения сильно полагается на свою идентичность как государство в процессе признания его международным сообществом, что является существенным отличием и представляет послевоенный период в ином виде.

¹⁹ Полевые заметки Од Мерлен: Абхазия, январь 2015 г., январь 2017 г.

Во взятых нами интервью прослеживалось, что ветераны воспринимают период с 1994 по 2016 гг. как континуум войны варьирующей интенсивности, а Четырехдневную войну – как пик, но не окончание длительного периода незавершенной войны. Если говорить об армянском обществе в целом, преобладает восприятие этого периода как послевоенной стабильности, прерываемой отдельными эпизодами всплесков насилия. В то же время ветераны – члены общества, поэтому в развитии этих двух восприятий присутствуют как взаимодействия, так и расхождения. В этой части мы предполагаем, что социологические траектории ветеранов – конечно же, в рамках наших интервью, которые очевидно содержат элемент предвзятости, т.к. никто из опрошенных не стал явным маргиналом после наступления перемирия – имеют эвристическую ценность для взгляда на понятие состояния тревоги: социальная активность большей их части выявляет как реконверсию их навыков в мирной жизни, так и практические последствия их восприятия Карабахского конфликта как незавершенного. В нашем примере траектории в течение долгого 25-летнего перемирия могут быть проанализированы как отражение процесса институционализации состояния алертности на уровне государства, а также его наполнения индивидуальными практиками.

4. Возвращение бывших бойцов и институционализированное состояние алертности

Несколько интервью указывают на крепкую связь между военным опытом бойца, с одной стороны, и поступлением на службу в армянскую армию после начала перемирия – с другой: выбор, который, по сообщениям интервьюируемых, сделало большинство их соратников по *джогаду*. Эта институционализация индивидуальных воинских траекторий в послевоенном контексте контрастирует с неформальными путями, приведшими к «становлению бойцом», описанными ранее. Каждый из этих личных путей сложился после создания независимого армянского государства и, в первую очередь, зависел от отношения государства к военной прерогативе: рождение армянской армии произошло именно в контексте войны [8, с. 1–28; 42, с. 169–195], в соответствии с паттерном, уже проанализированным Чарльзом Тилли в работе «The State makes war and war makes the State» [48]. Но эти бывшие бойцы были также настроены на участие в создании новой армии. В этом смысле их решение строить военную карьеру очевидно.

Мы обнаружили, что при реконверсии своих новых навыков для заработка бывшие добровольцы руководствуются не только практическими

соображениями, но и сильным желанием передать свою ценностную мотивацию и идеологические принципы соратникам – поколениям, выросшим за время перемирия. Даже столь далекие от войны жизненные выборы, сделанные интервьюируемыми, как поиски скорбящей матерью погибших молодых солдат или поступление на муниципальную службу в качестве начальника юридического отдела, помогая таким образом «укреплению государства», сознательно связаны со стремлением передать то, что заставляло рисковать своей жизнью во время войны, и сохранить это для них самих, общества в целом и особенно для молодежи. Аргументы, приводимые в обоснование этого решения, обычно имеют политический, символический или исторический характер; экономическая действительность напрямую не упоминается, но, когда такой довод озвучивается, он не используется для оправдания.

– *Значит, сбор оружия, май 94-го, вы вернулись... Чем вы стали заниматься? О чем вы думали?*

– *О работе, конечно.*

– *А что за работа?*

– *Ну, я остался военным, 23 года стажа у меня, я сейчас уже преподаю в колледже как военрук... До призыва в армию мы даем детям знания. Чтобы они, когда пойдут в армию, знали сперва, с чего начать.*

– *А если бы не было войны в Карабахе? Ваша жизнь по-другому бы пошла? Вы бы школу закончили, получили другую профессию... Или все-таки стали бы военным?*

– *Я не хотел им становиться, но мои прадедушки из Муш и из Вана... они рассказали, что было тогда... пусть земля им будет пухом. Но они рассказали нам, что было в 15-м году и после.*

– *Армен, когда после войны вы пошли в армию, вы сделали это, потому что вам нравилось или потому что не было другой работы?*

– *...Я хотел свою практику дать тем детям, которые будут служить в армии. И у меня получилось. У меня были хорошие ребята, хорошие... до сих пор мы помним друг друга, звоним... дружим семьями, уже семьями. (Армен, заместитель председателя местного отделения Еркирана, Дилижан, 3 июня 2016 г.)*

Способ, с помощью которого поступали на профессиональную военную службу в бурно развивающуюся армянскую армию, проливает свет на появление самого армянского государства.

Двойственный процесс демобилизации и поступления на службу в регулярную армию имеет последовательный характер и четкие границы: одну – в момент возвращения бойцов к мирной жизни, а другую – при начале их службы в качестве кадровых военных.

Большинство опрошенных до сих пор сохраняют яркие воспоминания роли В. Саргсяна в этом процессе:

– *Вазген Саргсян знает, что сказал? Он сказал: «Это хорошо, что вы отвоевали наших предков земли, но сейчас нужно строить армию. Во имя тех ребят, которые свою кровь, свои силы и средства все вложили в победу, сейчас уже время, чтобы создать армию». И мы, кто хотел, включились в эту работу....* (Манвел, ветеранское сообщество, Ереван, 7 июня 2016 г.)

По сути, движение к независимости, сопряженное с началом войны, сделало армию фундаментальной основой и логическим продолжением строительства государства. В действительности же постепенный процесс превращения добровольцев в опытных солдат и затем профессиональных офицеров работал задолго до перемирия 1994 г. Он начался еще во время войны, в частности, с 1992 г. [41, с. 99–113, 128–138], когда министр обороны Армении Вазген Саргсян создал батальон «Махабарт» («Приговоренных к смерти»), заложив основу профессионализации добровольцев. Когда в октябре 1992 г. его сменил на посту Вазген Манукян, он постепенно реорганизовал добровольцев с помощью посменной и контрактной систем: хотя плата была мизерной, люди поступали на службу и подразделения были упорядочены. Одновременно с этим строилась призывная армия. Таким образом, армянская армия была сформирована во время войны, и ее создание было, несомненно, подстегнуто войной. На уровне государства ежедневная обеспокоенность безопасностью превратилась в институциональный, финансовый и кадровый приоритет, предоставляемый учреждениям, связанным с обороной, и решению соответствующих вопросов [Там же, с. 193–206]. Поразительно, что это состояние постоянной тревоги отражено в наших интервью не только на словах, но и на деле. Например, несколько интервьюируемых, как пожилых, так и молодых, говорили, что они «всегда готовы» к обороне: у них собрана сумка с военным снаряжением, они регулярно проверяют униформу, поддерживают в порядке неприкосновенные запасы и предметы первой необходимости, иногда посещают уроки по воинскому делу и т.д.

5. Актуальный пример – союз *Еркрапа*

Создание союза *Еркрапа* было нацелено непосредственно на помощь процессу реинтеграции ветеранов войны и поддержания их вовлеченности. *Еркрапа Камаворакан Миютюн* («Союз добровольцев – защитников Родины») – это союз бойцов-добровольцев, официально основанный Вазгеном Саргсяном в июле 1993 г. Действительно, он начал бурно

развиваться после того, как перемирие показало свою стабильность: начиная с 1995 г. В. Саргсян подчеркивал, что Армении было абсолютно необходимо, чтобы «порох оставался сухим» [41, с. 159–186]. Вновь став министром обороны, он озаботился предоставлением социального пространства всем добровольцам, возвращающимся в мирную жизнь, их социальным и символическим награждением за участие в войне, при этом наблюдая за ними, чтобы избежать двух «провалов» или тенденций, которые он считал особо опасными. Первой тенденцией было возвращение вооруженных людей к мирной жизни, второй – создание ветеранами политических партий и превращение Армении в военный режим [Там же, с. 237–247].

В течение военных лет членами *Еркрапа* стали около 6 тыс. бывших бойцов. Несколько тысяч бывших солдат также пополнили ее ряды, но это число не может быть достоверно установлено. Некоторые источники называют цифру в 30 тыс. человек к началу 2000-х гг. [49, с. 162–165, 244]. В любом случае, *Еркрапа Камаворакан Миютюн* стала мощной политической организацией в общественном пространстве Армении. Были созданы и другие ассоциации бывших бойцов – несколько дюжин, по данным некоторых источников, но союз *Еркрапа* среди них самый видимый, мощный и активный. *Еркрапа* важны в аспекте передачи опыта и ценностей по причине своего участия в (молодежных) клубах *бадани*, которые члены *Еркрапа* посещают для обучения подростков.

– *А вы можете объяснить, что такое Еркрапа?*

– *Ну, это уже видно было в апреле... [2016 г.] четырехдневная [война]... мы для этого созданы, мы для этого есть, что где, в какой точке будут идти боевые действия, мы все вместе.*

– *Когда была создана Еркрапа?*

– *Еркрапа была создана в 89-м году, ну, конкретно, в 90-м году.*

– *Кем?*

– *Ну, конечно, нашим спаряпетом²⁰ Вазгеном Саргсяном.*

– *И с какой целью?*

– *Ну, конечно, цель та же.*

– *И сколько человек в Еркрапе?*

– *Сейчас? Ну, конечно... я не могу назвать конкретную цифру, извините... но есть и новое поколение...*

²⁰ Почетный титул, данный Вазгену Саргсяну перед его гибелью в результате террористического акта в 1999 г. Хотя он и был гражданским лицом, Саргсян считается постоянным командиром добровольцев и, в продолжение этой линии, отцом армянской армии, т.к. она была создана, в основном, при вовлечении добровольцев в войну.

- Но, чтобы вступить в *Еркрапу*, нужно иметь опыт боевика?
- Конечно, опыт и любить свою родину, в первую очередь.
- Есть члены всех возрастов, всех поколений?
- Да, конечно.
- *Вазген Саргсян* создал, а вот после войны пополнились ряды *Еркрапы*?
- *Еркрапы*? Да, конечно.
- Те, кто вернулся с войны, вступили?
- Они уже были в *Еркрапе*.
- Быть членом *Еркрапы* – что это конкретно значит? Нужно ходить по школам или помогать ветеранам? Или быть резервом, если, не дай бог, война?
- Вот все это вместе. (заместитель председателя дилижанского отделения *Еркрапа*).

Кажущаяся путаница с датами создания *Еркрапа* в этом отрывке хорошо показывает, как армянские бойцы трансформировались из добровольцев в ветеранов и далее в кадровых военных, в чьи задачи входило обучение воинским навыкам в военных училищах и тренировка молодых членов *Еркрапа*.

6. Делая культурную трансмиссию своим новым призванием: с поля битвы в учебный класс и обратно

В долгосрочной перспективе среди траекторий реконверсии наших интервьюируемых присутствует одна поразительная черта: почти все они выбрали занятие, во-первых, которое они могут связать со своим военным опытом, и, во-вторых, передать его другим, в основном, молодым людям. Это делается либо с помощью институциональных каналов, таких, как *бадани Еркрапа* («Молодежь *Еркрапа*»), либо с помощью личных инициатив.

Относительно первого канала: союз *Еркрапа* основал секцию *бадани* в 1999 г., но по-настоящему она заработала в 2009 г. В 2014 г. *Еркрапа*, Министерство образования и Министерство обороны Республики Армения подписали соглашение, нацеленное на расширение сети клубов, которые ныне частично финансируются за счет государственного образовательного бюджета. По состоянию на 2014 г., насчитывалось 72 отделения *бадани* в Ереване и областях, в 2016 г. клубы *бадани* действовали в более чем 1400 школах по всей стране, собирая детей и подростков от 12 до 18 лет. Утверждается, что их численность составляет 30 тыс. человек²¹. Программа *бадани* состоит из практических уроков военной

²¹ Информация с официальной страницы союза *Еркрапа* (www.ekm.am), а также предоставленная Манвелом Григоряном, председателем союза, в интервью от июня 2016 г.

подготовки, основанных на идеологии «патриотического образования». Школа в Зовуни, которую нам удалось посетить²², дает особенно поучительный пример способа ведения уроков и преподавания истории и географии, иногда в причудливом, естественно, выгодном для армян свете. Использование иллюстраций в одном из классов демонстрирует заинтересованность долгосрочной культурной трансмиссией, беспорядочное смешение истории, памяти и войны, а также территориальную, политическую и институциональную интеграцию армянского государства с непризнанным образованием Карабах, объединенных в одних границах с двойным названием «Республика Армения и Республика Карабах».

Примеры этого бессистемного смешения: модель *Цицернакаберда*, мемориала геноцида в Ереване, и цветок *анморок*, незабудка, выбранная в качестве всемирного символа столетия этих событий в 2015 г., сделанная молодежью *Еркрана*. На стене можно увидеть большой плакат с набором фотографий и коротких биографий великих военных персон XIX и XX вв. – от знаменитых *фидаинов* (бойцов-добровольцев) прошлого века до лидеров Первой республики (1918–1920 гг.) и Героя Советского Союза времен Второй мировой войны, рожденного в Карабахе маршала И.Х. Баграмяна. В другом классе висят пять плакатов, представляющих главных действующих лиц и основные военные операции четырех великих событий: движение *фидаинов* (которые здесь названы *гайдуками*); операции Первой республики, особенно Сардарпат, битва 1918 г., благодаря которой изможденным армянским войскам удалось предотвратить захват российской Армении турецкой армией; операции Второй мировой войны с упором на роль армян в них, и арцахский (карабахский по-армянски) *азадамерт* (освободительная война); все это проиллюстрировано с помощью карт. Справа от этих плакатов расположены два документа поменьше. Один из них – награда, данная Министерством чрезвычайных ситуаций в 2013 г. Артуру Ованесяну, инструктору школьной *бадани*, за работу по военно-патриотическому воспитанию и культуре на благо принесенного в жертву поколения. Чуть ниже висит текст присяги, которую дают при поступлении в армянские вооруженные силы.

Пример Рубо, которого мы упоминали ранее, типичен для личного пути реконверсии и культурной трансмиссии: после ухода из силовых структур СССР, в конце 1980-х гг. он вступил в секретную группу, задачей которой было собирать актуальную информацию на местах. Годы спустя, в 2010 г., Рубо основал военно-патриотический клуб начальной

²² Возле Еревана, в июне 2016 г. и феврале 2017 г.

военной подготовки и навыков выживания. Фактически, это школа, в которой несколько инструкторов, включая ее основателя, обучают добровольцев всех возрастов тому, как справляться с кризисными ситуациями в повседневной жизни, и особенно в военное время. Аудитория – в основном, молодежь (от 16 до 35 лет), две трети которой составляют мужчины, но количество женщин день ото дня возрастает. Общее число студентов не разглашается, но, основываясь на нашей полевой работе, мы оцениваем их количество (прошлых и настоящих) в более чем 500 человек. Во время интервью Рубо упомянул, что его личный вклад дополняет работу государства в этой области²³. Его работа четко свидетельствует о неспособности государства должным образом покрыть все потребности, проистекающие из нестабильности конфликта и хрупкости перемирия.

Таким образом, частные инициативы стали способом обеспечить подготовку в области обороны, предоставляемую государством (военную службу) и большими институционализированными каналами (*Еркрапа*) молодым (и не очень) мужчинам и женщинам, чтобы они получили возможность превратиться в бойца-добровольца в любой момент, и обрели идеологические принципы, которыми они будут при этом руководствоваться. В целом, частные инициативы культурной трансмиссии свидетельствуют об интеграции состояния alertности в армянском обществе на повседневном уровне и вне государственных каналов.

Заключение

Материал, с которым мы работали, хотя и не имеет статистической или какой-то общей ценности применимо к траекториям армян в карабахском конфликте, проливает свет на три измерения. Во-первых, как значимые символические коллективные исторические факты (Сумгаит, геноцид армян) формируют индивидуальные нарративы похода на войну. Во-вторых, конкретные пути становления бойцов на Южном Кавказе в беспокойный период развала Советского Союза, когда распадающееся Советское государство оставляло рассеянные военные структуры, но при этом ни одно из функционально независимых государств не было способно организовать военную мобилизацию. В-третьих, это восприятие длительного периода перемирия, которое не является ни по-настоящему постконфликтным периодом, ни сколько-нибудь прочным миром и которое при этом наполняет alertностью.

Предварительные результаты нашего исследования историй добровольцев из Армении в карабахском конфликте двойственны. Во-первых, нарративы ветеранов войны касательно своего участия, их воспоминания

²³ Интервью с Од Мерлен, январь 2017 г., Ереван.

об этом показывают беспокойство, окружающую темпоральность и качество этого конфликта. С одной стороны, существует официальная военно-политическая датировка войны: Карабахское движение, начиная с 1988 г. параллельно с вялотекущим карабахским конфликтом, включая операцию «Кольцо» в 1991 г., затем полномасштабные боевые действия, начиная с развала Советского Союза в декабре 1991 г., и, наконец, период перемирия после 1994 г. Четырехдневная война 2016 г. не нарушила нестабильное отсутствие мира, т.к. после этих событий было заключено еще одно, столь же неэффективное перемирие. С другой стороны, существуют индивидуальные нарративы, демонстрирующие смешанную картину без четкой последовательности событий между миром и войной, но с набором ярких фактов, всплывающих в памяти. Эти два уровня нарративов связаны многочисленными перекрестными мостиками, по которым, как мы видели, «путешествуют» индивидуальные нарративы. Хотя наш пример и мал, он показывает заметное совпадение в восприятии Карабахской войны как защиты находящихся в опасности карабахских армян, воскрешая настроения по поводу Сумгаита в отношении области Карабах советского Азербайджана.

Во-вторых, вопрос временности и качества конфликта подкрепляет ситуацию «безмирия» после перемирия, окрашенной во все оттенки военной палитры: от обычного нарушения режима прекращения огня, забирающего по несколько жизней каждую неделю, до коротких, но интенсивных операций Четырехдневной войны 2016 г. Ветераны, опрошенные нами после Четырехдневной войны, представляют ситуацию как перманентно нестабильную, с угрозой возобновления боевых действий, которую мы назвали «состояние alertности». Многим из них опыт подсказывает, что они должны оставаться настороже вне связи с событиями апреля 2016 г. Эта черта наиболее четко проявляется в настроениях ветеранов, которые выстроили свою послевоенную жизнь вокруг умений и навыков, полученных на войне, особенно в настроениях офицеров и/или учителей, обучающих молодых людей – потенциальных новых добровольцев. В нашей выборке опрошенных также присутствовали молодые добровольцы, однако их было слишком мало, чтобы включать их в настоящий анализ. Тем не менее, мы бы хотели заметить: пока интервью с молодыми добровольцами, участвовавшими в Четырехдневной войне, указывают на релевантность вопросов, поднятых в этой главе в отношении старших ветеранов. Накануне 30-й годовщины начала Карабахского конфликта и с учетом большей вероятности того, что вражда грозит возобновиться (доклад Международной кризисной группы, июнь 2017 г.), интерес продолжать это исследование о значимости вовлечения в конфликт, чтобы распространить его на полный поколенческий цикл, остается высоким.

Библиографический список / References

1. Дериглазова Л., Минасян С. Парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Ереван, Институт Кавказа. 2011. URL: https://c-i.am/research/paper%203_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2019).
2. Минасян Г. Армения, российский форпост на Кавказе? *Russie. Nei. Visions*. No. 27. February 2008. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_minassian_armenie_russie_rus_fevr2008.pdf (дата обращения: 06.11.2019).
3. Armenia at the crossroads: Democracy and nationhood in the Postsoviet Era: Essays, interviews and speeches by the leaders of the National Democratic Movement in Armenia. Libaridian G. (ed.). Watertown, MA, 1991.
4. Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, 2002.
5. Berdal M.R. Disarmament and demobilisation after civil wars. Oxford, 1996.
6. Berdal M.R., David H.U. Reintegrating armed groups after conflict: Politics, violence and transition. London, 2009.
7. Beyond state crisis? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in comparative perspective. Beissinger M.R., Young C. (eds.). Woodrow Wilson Center Press, 2002.
8. Blom A. «La guerre fait l'Etat»: trajectoires extra-occidentales et privatisation de la violence, Centre d'études en sciences sociales de la défense. 2006. URL: https://www.academia.edu/27332609/C2SD-Guerre_fait_lEtat.pdf (date of access: 06.11.2019).
9. Broers L. Cartographic exhibitionism? Visualizing the territory of Armenia and Karabakh, with Gerard Toal. *Problems of Post-Communism*. 2013. No. 60 (3). May–June. Pp. 16–35.
10. Broers L. From 'frozen conflict' to enduring rivalry: Reassessing the Nagorny Karabakh conflict. *Nationalities Papers*. 2014. No. 43 (4). Pp. 556–576.
11. Broers L. Mirrors to the world: The claims to legitimacy and international recognition of de facto states in the South Caucasus. *Brown Journal of International Affairs*. 2014. No. 20 (2). Spring/Summer. Pp. 145–159.
12. Broers L. Recognising politics in unrecognised states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus. *Caucasus Survey*. 2013. No. 1 (1). Pp. 59–74.
13. Chechnya at war and beyond. Le Huérou A., Merlin A., Regamey A., Sieca-Kozłowski E. (eds.). Routledge, 2014.
14. Cheterian V. Sumgait: The birth of Karabakh conflict. *War and peace in the Caucasus, Russia's troubled frontier*. London, 2008. Pp. 97–109.
15. Cornell S.E. Azerbaijan since independence. N.-Y., 2011.
16. Darby J., MacGinty R. Contemporary peacemaking: Conflict, peace processes and post-war reconstruction. Basingstoke, 2008.
17. De Waal T. Black garden, Armenia and Azerbaijan through peace and war. NYU Press, 2003.
18. Debos M. Living by the Gun in Chad. Combatants, impunity and state formation. Zed Books, 2016.
19. Follebouck X. Les conflits gelés de l'espace postsoviétique. Genèse et enjeux. Louvain-la-Neuve, 2012.

20. Guerres et reconnaissance. Lindemann T., Saada J. (eds.). *Cultures & conflits*. 2012. No. 87. DOI : 10.4000/conflits.18459
21. Hannover J. Guerres civiles : économies de la violence, dimensions de civilité. Paris, 1999.
22. Hassner P., Marchal R. Guerres et sociétés : États et violence après la Guerre froide. Paris, 2003.
23. Hawk K.H. Constructing the stable state: Goals for intervention and peacebuilding. Westport, Conn, 2002.
24. Holsti K.J. The state, war, and the state of war. Cambridge, 1996.
25. Hovhannisyan N. The Karabakh problem: Factors, criteria, variants of solution. Erevan, 1999.
26. Kaldor M. New and old wars: Organized violence in a global era. Cambridge, 1999.
27. Kalyvas S. New and old civil wars: A valid distinction? *World Politics*. 2001. No. 54 (1). Pp. 99–118.
28. Kalyvas S. The logic of violence in civil war. Cambridge; New-York, 2006.
29. Kalyvas S. The Remnants of War. *Perspectives on Politics*. 2005. No. 3 (3). Pp. 692–693.
30. Libaridian G. Modern Armenia: People, nation, state. New Brunswick, NJ, 2004.
31. Libaridian G. The Challenge of Statehood: Armenian political thinking since independence. Watertown, MA, 1999.
32. Merlin A. Les conflits dits gelés sont-ils non solubles ? Les cas du Karabakh et de l'Abkhazie. *Regards sur l'Eurasie, l'année 2016*. A. de Tinguy (dir.). Paris, 2017.
33. Merlin A. The postwar period in Chechnya: When spoilers jeopardize the Emerging Chechen State (1996–1999). *War veterans in Postwar situations, Chechnya, Serbia, Turkey, Peru, and Côte d'Ivoire*. N. Duclos (ed.). Palgrave Mcmillan, 2012. Pp. 219–240.
34. Merlin A., Serrano S. Repenser le lien entre Etats et violences au Caucase. *Dynamiques internationales*. 2012. URL: <http://dynamiques-internationales.com/wp-content/uploads/2016/01/DI6-Merlin-Serrano.pdf> (дата обращения: 18.05.2018).
35. Mouradian C. De Staline à Gorbatchev : histoire d'une République soviétique, l'Arménie. Paris, 1990.
36. Münkler H. The new wars. Cambridge, 2005.
37. Nagorno-Karabakh's gathering war Clouds. International Crisis Group. Report No. 244. June 1, 2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/244-nagorno-karabakhs-gathering-war-clouds>; 2017 (date of access: 06.10.2019).
38. Ni guerre, ni paix. Linhardt D., Moreau de Bellaing C. (eds.). *Politix*. 2014. Vol. 26. No. 104.
39. "Not frozen! The unresolved conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in light of the crisis over Ukraine". Fischer S. (ed.). *SWP Research Paper*. 2016. RP 09. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/not-frozen-conflicts-in-the-post-soviet-area/> (date of access: 06.11.2019).
40. Ordres et désordres au Caucase. Merlin A., Serrano S. (eds.). Bruxelles, 2010. Pp. 125–143.

41. Papazian T. L'Arménie à l'épreuve du feu. Forger l'Etat à travers la guerre. Paris, 2016.
42. Papazian T. Nœud gordien ou rocher de Sisyphe ? Le conflit du Karabakh dans la vie politique arménienne. *Ordres et désordres au Caucase*. A. Merlin, S. Serano (dir.). Bruxelles, 2010.
43. Richards P. No peace no war: An anthropology of contemporary armed conflicts. Athens, OH, 2005.
44. Shahnazarian N., Ziemer U. Young soldiers' tales of war in Nagorno-Karabakh. *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. Issue 9. Pp. 1667–1683.
45. Stedman S. Spoiler problems in peace processes. *International Security*. 1997. Vol. 22(2). No. 5. Pp. 5–53.
46. Stedman S., Rothchild D.S., Cousens E.M. Ending civil wars: The implementation of peace agreements. Boulder, CO, 2002.
47. The unrecognised politics of de facto states in the post-soviet space. Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. (eds.). Erevan, 2015.
48. Tilly C. War making and state making as organized crime. *Bringing the State Back in*. Cambridge, 1984.
49. War veterans in Postwar situations, Chechnya, Serbia, Turkey, Peru, and Côte d'Ivoire. Duclos N. (ed.). Palgrave MacMillan, 2012.
50. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. 1922. Revised ed. 1978, University of California Press.

Статья поступила в редакцию 16.10.2019, принята к публикации 14.11.2019
The article was received on 16.10.2019, accepted for publication 14.11.2019

Сведения об авторах / About the authors

Мерлен Од – PhD (политические науки); доцент кафедры политических наук, Брюссельский свободный университет (франкоязычный)

Aude Merlin – PhD in Political Science; lecturer at the Department of Political Sciences, Université libre de Bruxelles, Brussels, Belgium

E-mail: amerlin@ulb.ac.be

Папазян Талин – PhD (политические науки); ассоциированный исследователь Института армянских исследований, Университет Южной Калифорнии. г. Лос-Анджелес, США

Taline Papazian – PhD in Political Science; fellow at the Institute of Armenian Studies, University of Southern California, Los Angeles, CA, USA

E-mail: taline.papazian@sciencespo.fr

Заявленный вклад авторов

О. Мерлен – совместное планирование и исследовательская концепция, совместные полевые и отдельные полевые работы (на русском языке), совместный анализ и интерпретация данных, совместное написание оригинальной версии, руководство переводом на русский язык

Т. Папазян – совместная концепция планирования и исследований, совместные полевые и отдельные полевые работы (на армянском языке), доступ к официальным лицам Армении, совместный анализ и интерпретация данных, совместное написание оригинальной версии статьи, корректура англоязычной версии

Contribution of the authors

A. Merlin – joint planning and research conception, joint field-work and separate field-work (in Russian), joint data analysis and interpretation, joint writing of the original version, supervision of the Russian translation

T. Papazian – joint planning and research conception, joint field-work and separate field-work (in Armenian), access to official personnel in Armenia, joint data analysis and interpretation, joint writing of the original version, proof-reading of the English version

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2019.4

Сайт журнала:
www.mpgu.su

Подписано в печать 28.12.2019 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,375 п. л. Тираж 1000 экз.